

A detailed portrait of Queen Elizabeth I, showing her iconic red hair and an elaborate white lace ruff. The background is a deep red with a subtle floral pattern. In the top right corner, there is a white circle containing the text '18+'.

18+

ШИТЕР
АКРОЙД
ИСТОРИЯ АНГЛИИ

Т
ЛЮДОРЫ

История Англии

Питер Акройд

**Тюдоры. От Генриха
VIII до Елизаветы I**

«Азбука-Аттикус»

2011

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

Акройд П.

Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I / П. Акройд — «Азбука-Аттикус», 2011 — (История Англии)

ISBN 978-5-389-18479-4

История Англии – это непрерывное движение и череда постоянных изменений. Но всю историю Англии начиная с первобытности пронизывает преемственность, так что главное в ней – не изменения, а постоянство. До сих пор в Англии чувствуется неразрывная связь с прошлым, с традициями и обычаями. До сих пор эта страна, которая всегда была единым целым, сопротивляется изменениям в любом аспекте жизни. Питер Акройд показывает истоки вековой неизменности Англии, ее консерватизма и приверженности прошлому. В этой книге освещается период правления в Англии династии Тюдоров. Это история о разрыве с Римом, предпринятом Генрихом VIII, и неустанным стремлении короля к обретению идеальной жены и идеального наследника. История о том, как за кратким правлением короля-подростка Эдуарда VI последовало насильственное возрождение католицизма, трагическими проявлениями которого стали казни и расправы, учиненные Марией I, прозванной Марией Кровавой, а также о грандиозном правлении Елизаветы I, в конце концов принесшем стабильность, хоть и отмеченном междоусобицами, заговорами против королевы и масштабной Англо-испанской войной. Но прежде всего это история английской Реформации – которая существенным образом отличалась от Реформации в Европе – и становления Англиканской церкви, ведь в начале XVI века Англия все еще оставалась в значительной степени феодальной страной и часто обращалась к Риму. В конце XVI века это уже была страна, где справедливое управление было обязанностью государства, а не церкви, и где люди стали самостоятельно искать ответы на занимавшие их умы вопросы, перестав надеяться на тех, кто стоял во главе страны... Историко-литературный труд блистательного британского автора, снабженный 43 цветными иллюстрациями, представит интерес для широкого круга читателей. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(410)
ББК 63.3(4Вел)

ISBN 978-5-389-18479-4

© Акرويد П., 2011
© Азбука-Аттикус, 2011

Содержание

1. Аллилуйя	7
2. Все в алом	15
3. Еретик!	22
4. Супружеские невзгоды	28
5. В суд	35
6. Правдивые истории прошлого	45
7. Королевские радости	55
8. Маленькая шея	63
9. Великое восстание	72
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Питер Акройд
Тюдоры. От Генриха VIII до Елизаветы I

Peter Ackroyd
THE HISTORY OF ENGLAND
Volume II. Tudors

© Peter Ackroyd, 2011

© Черненко И.А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

1. Аллилуйя

Жизнь в этой земле текла привольно, словно молочные реки меж кисельных берегов. 21 апреля 1509 года престарелый король, на склоне дней одолеваемый еще большей нетерпимостью и алчностью, скончался в своем Ричмондском дворце на южном берегу Темзы. Весть о его смерти скрывали два дня, чтобы королевство не охватило смятение. Однако нового Генриха уже провозгласили следующим королем.

9 мая тело покойного Генриха VII в черной колеснице повезли из Ричмондского дворца в собор Святого Павла. Катафалк сопровождали 1400 церемониальных плакальщиков и 700 знаменосцев. Впрочем, скорбели немногие – если таковые и были вовсе; придворные и домашняя прислуга уже ожидали сына и наследника. Когда тело почившего короля опускали в склеп после заупокойной панихиды в Вестминстерском аббатстве, герольды возвестили: «Его величество король Генрих Седьмой скончался». И тут же единогласно вскричали: «Да здравствует его величество король Генрих Восьмой!» Его титул никто не оспаривал. Это было первое бесконфликтное престолонаследие в стране. Новому королю шел восемнадцатый год.

Праздник летнего солнцестояния, 24 июня, выбрали для торжества коронации. Блистательное в своем великолепии солнце провозглашало восход другого солнца. До восемнадцатилетия короля оставалось всего четыре дня. Церемония коронации считалась восьмым церковным таинством, в ходе которого Генрих был помазан миром или елеем в знак священного царствования. Его одеяния густо усыпали драгоценные камни – бриллианты, рубины, изумруды и жемчуг, создавая вокруг него сияющий ореол света. В тот момент он был олицетворением славы и власти. Возможно, его манера держаться и церемониальные одежды не обошлись без рекомендаций советников, однако вскоре он сам осознал всю силу театрализованного величия.

Генрих предусмотрительно устроил бракосочетание со своей избранницей за тринадцать дней до коронации, чтобы во время церемонии короля сопровождала королева. Так он давал всем понять, что на престол восходит зрелый мужчина, а не ребенок. Екатерина Арагонская была дочерью Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, во время правления которых произошло объединение Испании. Она приехала в Англию, чтобы обвенчаться с принцем Артуром, старшим братом Генриха, однако обстоятельства обернулись не в ее пользу. Меньше чем через полгода после их свадьбы Артур скончался то ли от чахотки, то ли от потливой горячки, оставив Екатерину одну при английском дворе в незавидном положении вдовы, чья польза для монархии была исчерпана. Поговаривали, что якобы сам король Генрих VII, возможно, хотел с ней обручиться. Но об этом не могло быть и речи. Вместо этого она обручилась с принцем Генрихом и несколько лет испытывала нужду и лишения из-за сложного характера свекра, стремившегося подыскать своему сыну и будущему наследнику престола партию позавиднее. И все же спустя семь лет ожидания наступил момент ее торжества. За день до коронации в паланкине, богато украшенном шпалерами и вышитыми золотом тканями, ее пронесли по улицам города из лондонского Тауэра в Вестминстер. На одной из современных гравюр Генрих и Екатерина вместе проходят обряд коронации в окружении епископов и высшего духовенства.

Молодость Генриха прошла в тени беспокойного и чрезмерно заботливого отца, вознамерившегося прежде всего обеспечить продолжение рода. Юный принц никогда не разговаривал на публике, разве что отвечая на вопросы короля. Ему разрешалось покидать дворец в Гринвиче или Элтеме лишь под бдительным надзором придворных, а оттуда через заднюю дверь он проскальзывал в дворцовый парк. Генрих получил основательное и разностороннее образование и приобрел репутацию самого просвещенного принца. Всю жизнь он считал себя превосходным полемистом, разбирающимся в тонкостях теологической науки, основанной на

учении Фомы Аквинского. С ранних лет Генрих увлекался музыкой, сочинял мессы, песни и мотеты; пел и играл на клавишных инструментах. Вокруг него собралась собственная группа музыкантов, которая следовала за ним, куда бы король ни отправился, и к концу жизни он владел семьюдесятью двумя флейтами. Все в принце говорило о гармонии. В стихотворении, приуроченном ко дню коронации, Томас Мор назвал его славным венцом эпохи. Несомненно, его правление должно было знаменовать начало нового золотого века, в котором все добропорядочные люди живут в довольстве и процветании.

Крепко сложенный и привлекательный, юный Генрих был воплощением великолепия. Ростом чуть менее двух метров, он в буквальном смысле возвышался над своими подданными. В письменных свидетельствах говорилось, что «когда он идет, земля содрогается под его ногами». Он преуспел в искусстве рукопашного боя и стрельбе из лука, соколиной охоте и поединках. Через девять месяцев после коронации Генрих организовал турнир, который должен был прославлять доблесть рыцарских подвигов. Король лично выехал на арену под видом вымышленного участника, но тайна вскоре была раскрыта. Он был знаком с произведениями Томаса Мэлори и Фомы Аквинского и прекрасно понимал, что хороший король должен быть храбрым и воинственным. Противника нужно повергнуть копьем или мечом. Нельзя колебаться или отступать. Это вопрос чести. Рыцарские поединки позволяли почувствовать войну на вкус, и новый король окружал себя молодыми вельможами, любившими зрелищные битвы. Английские аристократы были не прочь размять сухожилия и разогнать застоялую кровь.

В дни, когда Генрих не демонстрировал молодецкую удаль в поединках, он с равным рвением и храбростью предавался охоте. Он рассказывал о своих охотничьих выездах еще долгие дни после их окончания и спустя какое-то время стал владельцем конюшни на 200 лошадей. Охота была и остается любимым спортом королей. Она была формой войны против врага, полем битвы, где скорость и сноровка ценятся превыше всего. Генрих, бывало, понукал коня: «Тпру! Тпру! Полегче! Пошла!» Если лошадь получала увечья во время охоты, он перерезывал ей шею и вспарывал живот, чтобы запустить руки во внутренности; затем он вымазывал своих спутников в ее крови.

Более пожилые и почтенные придворные находились на его стороне. Это были королевские советники, большинство из которых служило прежнему королю. Архиепископ Кентерберийский Уильям Уорэм продолжил служить канцлером казначейства. Епископ Винчестерский Ричард Фокс по-прежнему занимал пост лорда-хранителя печати. Другие главные епископы – Даремский, Рочестерский и Нориджский – оставались при дворе. Молодой король нуждался в наставлении и советах: только так королевство продолжало бы развиваться по намеченному пути. Однако его готовность прислушиваться к этим советам и следовать наставлениям оставалась под вопросом.

После безразличия и даже враждебности предыдущего короля уцелевшие члены дома Йорков вновь пользовались королевской милостью. Генрих VII считал себя претендентом на трон от Ланкастеров. Даже вступив в брак с Елизаветой Йоркской после коронации, он с подозрением и неприязнью относился к соперничающей королевской семье. В стране вынашивалась идея о том, что после династических войн предыдущего века существенное значение имеет единство нации.

Старшие члены совета не преминули воспользоваться возможностью сместить некоторых неугодных им «новых людей», которым благоволил Генрих VII. Двух самых близких его советников, пользовавшихся наибольшим доверием, арестовали и заключили в тюрьму. Сэр Ричард Эмпсон и сэр Эдмунд Дадли оказывали содействие предыдущему королю в кампаниях по сбору денежных податей, однако большинство епископов и пожилых аристократов испытывали к ним неприязнь и недоверие. Их обвинили в совершении «предполагаемой государственной измены» против юного короля, что само по себе было маловероятно, и казнили по закону. Неясно, сыграл ли Генрих какую-нибудь роль в вынесении этого, по сути, несправед-

ливого смертного приговора, но без его формального одобрения это было невозможно. В дальнейшем он прибегал к тем же самым методам избавления от врагов.

В любом случае у Генриха был королевский характер и капризный нрав. Он мог быть как щедрым и великодушным, так и упрямым и капризным. Испанский посол докладывал своему королю, что «по правде говоря, принца не считают доброжелательным человеком». Немного позже посол Франции рассказывал, что в присутствии Генриха его всегда охватывал страх за свою жизнь.

Одна из ранних вспышек королевского темперамента уже говорит о многом. Летом 1509 года король Франции Людовик XII прислал ответ на письмо, которое якобы отправил Генрих. В нем новый король предлагал дружбу и мир. Однако Генрих не имел никакого отношения к письму. Его от имени короля написал совет. Молодой монарх вознегодовал. «Кто написал это письмо? – потребовал он ответа. – Чтобы я просил мира у французского короля – короля, который не осмеливается взглянуть мне в глаза, а уж тем паче объявлять войну!» Его гордость была уязвлена. Он считал Францию своим извечным врагом. От владений по ту сторону Ла-Манша, над которыми некогда господствовали английские короли, остался лишь Кале. Генриху не терпелось вернуть свои исторические права, и с момента коронации он смотрел на Францию как на заветную награду, которую жаждал заполучить. Война была для него не только удовольствием, но и династическим долгом.

Однако удалось вкусить и радости мирной жизни. Генрих унаследовал королевство, не потревоженное военным лихолетьем, равно как и золотые горы, скопленные отцом. Генрих VII завещал сыну более 1 миллиона 250 тысяч фунтов стерлингов, что в современном исчислении равнялось бы примерно 380 миллионам фунтов. Вскоре все это богатство было растрчено, если не сказать – выброшено на ветер. Поговаривали, что молодой король сорил деньгами на любимые развлечения и спортивные состязания, что усугублялось его пренебрежением государственными делами. Однако не стоит понимать это буквально. Как свидетельствует письмо к французскому королю, ученые епископы предпочитали, чтобы их господин не предавался серьезным размышлениям.

Как бы то ни было, в королевстве назрели более важные дела. В конце января 1510 года у Екатерины Арагонской начались тяжелые схватки, в результате которых на свет появилась мертворожденная девочка. Однако Екатерина, по всей очевидности, носила под сердцем еще одного ребенка, и приготовления к королевским родам продолжились. Впрочем, напрасно. Припухлость живота спала, оказавшись последствием инфекции, а не беременности. Народу объявили о том, что у королевы произошел выкидыш, однако не утихали слухи, что, возможно, она бесплодна. Для королевы Англии не было более зловещего рока, чем неспособность дать королевству наследника. Она положила конец пересудам, родив мальчика в первый день 1511 года, однако младенец умер двумя месяцами позже. Можно было подумать, что королеве просто не благоволит судьба, но король в конечном итоге стал подозревать нечто куда худшее, чем просто несчастная доля.

Генрих уже нарушал супружескую верность. Пока Екатерина боролась с тяготами фантомной беременности в первых месяцах 1510 года, он нашел утешение в объятиях Анны Стаффорд. Она была одной из фрейлин королевы и уже состояла в браке. Анна приходилась сестрой герцогу Бекингему, чрезвычайно щепетильному в вопросах семейной чести. Анну Стаффорд отправили в монастырь, а Бекингем удалился от двора после яростной стычки с королем. Екатерину Арагонскую поставили в известность о случившемся. Совершенно естественно она встала на сторону Бекингема. Королеву стыдили за измену супруга с ее служанкой. Во дворце и без того уже царили обман и разногласия. Возможно, у короля были и другие связи, о которых никто не подозревал. Его любовница, жена придворного ювелира, позже объявила о том, что король тайно приходил к ней в дом на улице Темзы, принадлежавший одному из первых вельмож.

Впрочем, все грехи плоти можно было искупить. В самом начале 1511 года Генрих отправился в паломничество к святыне Божьей Матери Уолсингемской в графстве Норфолк. По свидетельствам очевидцев, король прошел весь паломнический путь босиком, в одиночку, чтобы помолиться за своего новорожденного сына, жизнь которого висела на волоске. Летом того же года он совершил паломничество к усыпальнице магистра Джона Шорна в местечке Северный Марстон, расположенном в графстве Бекингемшир. Шорн был приходским священником в той деревне, снискавшим репутацию святого и безгрешного человека, а его усыпальница стала местом чудесных исцелений. Говорили, будто бы он запрятал самого дьявола в ботинок благодаря своим магическим способностям.

В вопросах веры Генрих был преданным сыном церкви. По крайней мере, в этом отношении он походил на подавляющее большинство своих подданных. Как докладывал посол Венеции, «все они каждодневно посещают литургию и всенародно читают “Отче наш”, а женщины в руках держат длинные четки». Начало царствования Генриха ознаменовалось процветанием католической церкви. Она восстановила свою мощь и влияние. На юго-западе, к примеру, началось бурное строительство и реконструкция церквей. Больше внимания стали уделять проповедям. Там, где раньше прихожане стояли на коленях на устланном камышом полу, теперь ставили скамьи напротив кафедр.

Это была церковь древних обычаев и традиционных церемоний. В Страстную пятницу, например, проходил обряд поклонения Кресту Господню. Два священника держали над головой укрытое покровом распятие, стоя за главным алтарем, а в это время певчие исполняли антифоны; затем покров снимали и ставили распятие на третьей ступени перед алтарем, священнослужители на коленях подползали к нему и целовали. Позже, под звуки исполняемых певчими гимнов, крест сносили к прихожанам, которые преклоняли колени и прикладывались к нему устами. Далее распятие облекали в полотно и устанавливали в «саркофаге», чтобы вновь торжественно представить пастве утром в Пасхальное воскресенье. Это был век рождественских богослужений и церковных праздников, святых мощей, паломничества и чудес.

Прежняя вера в равной степени зиждилась на общинных обрядах, как и на богословских учениях. Краеугольным камнем благочестия было таинство пресуществления во время мессы, когда хлеб и вино превращались в тело и кровь Христа. Религиозная жизнь питалась священнодействиями, которые отправляли рукоположенные служители церкви, верные подданные папы римского. Верующим надлежало посещать мессу по воскресным дням и религиозным праздникам, поститься в определенное время, исповедоваться и причащаться по меньшей мере раз в год. Самым сильным верованием была вера в хождение по мукам, когда живые молились за души мертвых, чтобы скорее положить конец их страданиям. Сама старая церковь представляла собой приобщение живых и мертвых.

Святые играли роль могущественных посредников, их почитали как заступников и благодетелей. Святая Варвара защищала своих приверженцев от грома и молнии, а святая Гертруда оберегала от мышей и крыс. Святая Дорофея охраняла целебные травы, тогда как святая Аполлинария излечивала зубную боль. Святой Николай не давал верующим утонуть, а святой Антоний охранял домашних свиней. Однако самой почитаемой заступницей была Дева Мария, Матерь Божья, чей лик, окруженный свечами и фимиамом, можно было встретить повсюду.

Церкви, таким образом, были заполнены изображениями святых и светом. Например, лондонские храмы представляли собой настоящие сокровищницы с серебряными подсвечниками и кадильницами, серебряными распятиями, кубками и дискосами. Главный алтарь и крестная перегородка, отделявшие священника от прихожан, являлись подлинными произведениями искусства и лучшими образцами филигранной работы. Изображения Иисуса и Девы Марии, святых покровителей и местнопочитаемых святых украшали все свободные пространства. Они носили венцы и ожерелья из драгоценных камней; на пальцах были надеты кольца,

а одежды сверкали золотом. Некоторые церкви даже демонстрировали рога единорогов или страусиные яйца, чтобы вызвать восхищение у верующих.

Священнослужители, возможно, не отличались подобной непоколебимостью. И все же положение духовенства было прочным, насколько позволяла человеческая природа. Некомпетентные или нерадивые священники, конечно, встречались, однако в церковной канцелярии не наблюдалось общей неорганизованности и злоупотреблений. Больше мужчин и женщин вступали в религиозные ордены, чем в прошлом веке, а с изобретением печатного станка наступил бурный расцвет церковной литературы. В период между 1490 и 1530 годами вышло не менее двадцати восьми изданий «Часов Пресвятой Девы Марии». Религиозные гильдии, основанные для сбора средств на благотворительность и молебны о душах умерших, еще никогда не были столь популярными; они представляли собой институциональный аспект религиозной общины.

Несомненно, были и ревностные сторонники Реформации, которые мечтали о возрождении христианского духа, погребенного под золотым панцирем религиозного церемониала и традиций. Тот факт, что подобные страстные призывы звучали повсюду, являлся, в сущности, мерилем жизнеспособности церкви в начале XVI столетия. Зимой 1511 года Джон Колет, взойдя на кафедру в соборе Святого Павла в Лондоне, обратился к высшему духовенству королевства с проповедью о религиозной реформе. Он вновь вернулся к этой теме во время собрания священнослужителей в здании капитула Кентерберийского собора. «Никогда, – сказал он, – церковь еще так не нуждалась в ваших энергичных усилиях». Слово было сказано, однако сама затея казалась немислимой. Под реформацией Колет понимал повышение компетентности, а следовательно, и престижа священства.

Он питал презрение к более примитивным религиозным предрассудкам католиков, таким как почитание мощей святых и использование молитвы в качестве магического заклинания, однако не ставил под сомнение принципы веры и теологические догматы. В отношении этих вопросов церковь была непоколебима. В мае 1511 года шестерых мужчин и четырех женщин из городка Тентерден в графстве Кент обвинили в ереси за то, что они заявляли, что в таинстве причастия используется не тело Христа, а обыкновенный хлеб. Их заставили отречься от своих вероучений и всю оставшуюся жизнь носить на одежде значок с изображением вязанки хвороста, горящей в языках пламени. Двух мужчин тем не менее сожгли на костре за «рецидив» ереси: они раскаялись, но потом вновь вернулись к своим прежним убеждениям. Латинский секретарь Генриха, клирик из Италии по имени Аммониус, несколько преувеличенно написал: «Не приходится удивляться, что цена хвороста взлетела, ведь столько еретиков ежедневно отправляют на сожжение, и тем не менее растет количество новых, занимающих их место».

Карьера самого Аммониуса свидетельствует о том, что церковь по-прежнему являлась сферой королевского фаворитизма. Это была истина, высшим воплощением которой стал Томас Уолси. Уолси попал в круг приближенных Генриха благодаря посредничеству епископа Фокса, лорда-хранителя печати, и, очевидно, сразу впечатлил молодого короля своей энергией и скрупулезным вниманием к деталям. К весне 1511 года он отправлял письма и счета по непосредственным указаниям короля, таким образом искусно обходя стороной сложные формальности. Он по-прежнему оставался всего лишь настоятелем собора в Линкольншире, однако уже тогда давал Генриху советы по международным и религиозным вопросам.

Он обладал даром учтивости, а также трудолюбия и был бесконечно изобретателен; он делал то, что хотел король, и при этом быстро. Мнение короля было его собственным. Уолси был, по словам его церемониймейстера Джорджа Кавендиша, «самым убежденным и охотливым из всех членов совета, готовым исполнить любое желание и прихоть короля в любых обстоятельствах». Двадцативосьмилетний служитель церкви, он был на целое поколение младше престарелых епископов в совете. Такого человека молодой король мог сделать своим поверен-

ным, на него можно было положиться. Уолси просыпался в четыре утра и мог работать по двенадцать часов кряду. Кавендиш рассказывал, что «мой господин ни разу не вставал, чтобы сходить в уборную или поесть мяса». Закончив свои дневные труды, он шел на литургию, съедал легкий ужин и удалялся ко сну.

Уолси, таким образом, стал исполнителем воли короля, особенно истово усердствуя там, где дело касалось притязаний Генриха в отношении Франции. В ноябре 1511 года Генрих присоединился к Священной лиге вместе с папой римским Юлием II и его свекром, испанским королем Фердинандом, чтобы с благословения папы вторгнуться на территорию Франции. Генрих грезил о войне, и, конечно, предлог для битвы всегда можно было найти. В данном случае предлогом для развязывания военных действий стало вторжение французских войск на территорию Италии. На следующий месяц для Генриха устроили рождественское пиршество в доме монахов-доминиканцев в Ладгейте, где красовались искусственные чучела льва и антилопы. Четверо рыцарей-поединщиков сразились со своими соперниками, переодетыми «вудву», или лесными жителями. Это было зрелище, призванное прославить военные сражения. Несколько месяцев спустя парламент издал указ, согласно которому всем мальчикам полагалось тренироваться в стрельбе из лука.

Впрочем, в тот момент королю давали совершенно иной совет. Епископы и члены Королевского совета убеждали Генриха сохранить мир и воздержаться от непредсказуемой и затратной войны с Францией. Многие из реформистски настроенных священнослужителей придерживались антивоенных убеждений и сожалели, что замечательный князь мира так скоро превратился в яростного воинственного льва. Выступая с кафедры собора Святого Павла, Колет заявил, что «несправедливый мир лучше справедливейшей из войн». Как писал Эразм Роттердамский, голландский гуманист, состоявший на тот момент при Кембриджском университете, «простой народ строит города, а безумие государей их разрушает».

Однако старые аристократы и молодые вельможи из королевской свиты настаивали на сражении и заключении выгодного союза с Испанией против давнего врага. Екатерина Арагонская, взявшая на себя роль посла Испании при английском дворе своего супруга, также выступала за войну с Францией. Таким образом она исполняла желание своего отца. Соотношение сил было неравноценно, особенно когда его нарушало стремление Генриха к боевой славе. Больше всего ему хотелось быть «доблестным рыцарем» в духе артуровских традиций. В этом состояло истинное предназначение настоящего короля. Какое значение имело то, что в тот момент Англии грозила целая череда неурожаев, когда хлеб дорожал, а жить становилось все тягостнее? Воля короля означала закон. Разве его не провозгласили королем Франции во время коронации? Он хотел вновь вернуть себе право, принадлежащее ему по рождению.

В апреле 1512 года Франции объявили войну; флотилии из восемнадцати боевых кораблей предстояло доставить 15 тысяч воинов в Испанию, откуда они должны были напасть на врага. В начале лета английские войска высадились в Испании. Для них не подготовили ни палаток, ни провизии. Они ночевали в полях и под зарослями кустов, ничем не защищенные от проливных дождей. Сезон выдался душным, распространяющим вокруг заразу – угроза, обострению которой способствовало горячее испанское вино. Люди жаждали пива, но его негде было найти.

Вскоре стало очевидно, что Фердинанд обвел их вокруг пальца: не имея никакого намерения вторгаться во Францию, он просто хотел, чтобы его границу охраняли английские войска, в то время как сам он ведет самостоятельную войну против королевства Наварры. На посулы он был щедр, как говорил один английский командир в письме королю, однако слово свое не держал. Из-за дизентерии погибло множество людей, а на фоне бушующих болезней и нехватки продовольствия поползли слухи и предостережения о грядущем мятеже. В октябре 1512 года английские войска отправились восвояси. «Англичане долгое время воздерживались от войны, – говорила дочь императора Максимилиана, – они потеряли сноровку из-за отсут-

ствия практики». Молодой король был обесчещен и предан. Вероломство тестя привело Генриха в ярость, и, казалось, частично он возлагал вину за это фиаско на Екатерину. Вскоре в Риме появилось сообщение, что король желает аннулировать свой брак с женой, главным образом потому, что она так и не смогла родить ему здорового наследника, а затем жениться на ком-нибудь другом.

Генрих тем не менее не смирился с подобным унижением в Испании и тотчас стал планировать собственную военную экспедицию. Он возглавил бы гигантскую кампанию, а масштабы его побед повторяли бы триумфы Генриха V. Король, как главный феодал, призвал своих подданных аристократов и их вооруженную свиту. Славные дни Азенкура воскресли вновь. Вскоре Генрих вернул Томасу Говарду отцовский титул герцога Норфолка, а Чарльзу Брэндону, своему партнеру по рыцарским турнирам, даровал титул герцога Суффолка; оба военачальника, таким образом, обрели достаточный сан. Однако, чтобы повторить подвиги средневекового короля, Генрих нуждался в людских и материальных ресурсах. По существу, Уолси превратился в военного министра. Именно он организовал флотилию и позаботился об отправке кораблей с 25 тысячами воинов во Францию под королевским знаменем. Он стал абсолютно незаменимым для Генриха. Король пожаловал его настоятелем Йоркского собора – еще одна веха его неудержимого карьерного роста.

Большая часть воинов отплыла веснами 1513 года, а несколькими неделями позже за ними последовал король. Он прибыл в Кале с дружиной в 300 человек и со свитой из 115 священников и певцов капеллы. Его богато украшенную кровать внушительных размеров перевозили следом за королем вдоль всего маршрута на восток и еженощно застилали в специально сооруженном шатре из золотой парчи. У короля было одиннадцать шатров, соединенных вместе; один из них предназначался для его повара, другой служил кухней. Куда бы он ни отправился пешком или верхом, его повсюду сопровождал эскорт из четырнадцати юношей в вышитых золотом жакетах. На его лошади звенели золотые колокольчики. Самый пышный из всех шатров украшали золотые дукаты и флорины. Король стремился продемонстрировать свое величие, равно как и свою доблесть. Генрих вступил в союз с императором Священной Римской империи Максимилианом I, чьи номинальные владения охватывали большую часть Центральной Европы, однако Генрих также жаждал личного императорского полновластия. Еще до этого он заказал себе «роскошную корону, усыпанную драгоценными камнями», которая вскоре стала известна как императорская корона; в свое время она стала олицетворением его владычества над всей Британией, а также верховенства над церковью в пределах своих владений.

Военные действия в самой Франции были в значительной мере непоследовательными. Летом 1513 года английские войска осадили небольшой городок Теруан в графстве Фландрия; одно из формирований французской кавалерии пошло на них в наступление, обменялось несколькими залпами с противником, а затем ретировалось. Их отступление было настолько стремительным, что бой окрестили «битвой шпор». Сам Генрих все это время оставался в тылу и не принимал участия в военных действиях. Эта победа не стала блистательным триумфом, и все же это была победа. Когда Теруан наконец сдался, королевские хористы исполнили «Тебя, Бога, хвалим».

Английская пехота и кавалерия перешла к осаде Турне, намного более заманчивого трофея, который не удалось заполучить Эдуарду III летом 1340 года. Город сдался через неделю после прибытия английских войск. Генрих поставил в городе гарнизон и укрепил его цитадель; он также потребовал, чтобы Томаса Уолси назначили епископом городского собора. Три недели победу отмечали рыцарскими турнирами, танцами и шумными гуляньями, перемешав в общем веселье придворных Максимилиана и Генриха. Затем король с триумфом отплыл обратно в Англию.

Однако эти короткие войны повлекли за собой непомерные издержки и трату большей части накопленного Генрихом VII богатства, которое тот завещал сыну. Уолси убедил парламент выделить субсидию – по сути, в виде налога, взимаемого с каждого совершеннолетнего жителя, однако мера оказалась непопулярной и сложной в исполнении. Стало очевидно, что Англия не могла позволить себе вести войну на равных с более влиятельными европейскими державами. У короля Франции было втрое больше подданных и втрое больше ресурсов; у короля Испании было в шесть раз больше подданных и в пять раз больше доходов. Честолюбие и жажда славы Генриха превосходили его возможности.

Так или иначе, настоящую пальму первенства удалось получить совсем в другом месте, в 1513 году. Воинственно настроенные шотландцы были готовы в очередной раз возобновить старый союз с Францией. Витали опасения, что Яков IV готовился к вторжению в Англию, пока король занят другими делами. Так и оказалось. Екатерина лично участвовала в приготовлениях к сражению. В письме мужу она сообщала, что «ужасно занята подготовкой штандартов, знамен и эмблем», и сама повела армию на север. Однако победа была одержана еще до ее прибытия. Яков IV перевел своих солдат через границу, но по команде престарелого графа Суррея английские войска сдержали натиск и победили противника. Тело поверженного Якова оставили на поле битвы, и Джон Скелтон писал, что «под холмами Флоддена наши луки и копья выкосили весь цвет шотландской чести и доблести»; пали 10 тысяч шотландцев. Окровавленную и разодранную в ключья мантию шотландского короля отослали Генриху в Турне. Екатерина отправила мужу весть с сообщением о победе и заявила, что битва при Флоддене «стала для Вашей светлости и для всего государства величайшей наградой – большей, чем могла бы дать корона Франции». Генрих был поистине властителем своего королевства.

2. Все в алом

Ричард Хунне был зажиточным купцом, чей младенец-сын Стефан умер весной 1511 года. Священник местной приходской церкви в Уайтчепеле Томас Драйфилд попросил крестильную сорочку умершего ребенка в качестве «заупокойного дара»; это было традиционное подношение священнику во время похорон. Хунне отказался последовать обычаю. Годом позже его призвали в Ламбетский дворец, где обвинили в неповиновении; однако он по-прежнему отказывался платить столь несправедливую, по его мнению, цену. Когда в конце года он пришел в приходскую церковь на вечерню, Драйфилд во всеуслышание предал его анафеме. «Хунне, – вскричал он, – я проклиная тебя, да будь ты отныне проклят».

Вопрос был серьезный. Никому не разрешалось вести с Хунне дела. Все его избегали, не желая быть замеченными в компании изгнанника. Его обрекли гореть в адском пламени на веки вечные. Однако Хунне нанес ответный удар, обвинив священника в клевете. Он поставил под сомнение правомочность церковного суда, прежде признавшего его виновным. Дело вошло в правоприменительную сферу, где было приостановлено на двадцать два месяца. Осенью 1514 года управление церкви произвело обыск в доме Хунне и обнаружило несколько еретических книг, написанных на английском. Его заключили в Лоллардской башне в западной части церковного двора собора Святого Павла, где зимой того же года обнаружили повешенным. Епископ Лондона заявил, что еретик лишил себя жизни из-за мук вины и раскаяния. Сочувствующие Хунне жители обвиняли церковь в убийстве. По словам Джона Фокса, занимавшегося жизнеописаниями святых мучеников, «его шею переломили железной цепью, изранили другие части тела, а затем повесили на собственном поясе».

Еще до того, как Хунне сожгли в Смитфилде как осужденного и «гнусного» еретика, был назначен судебный осмотр тела, чтобы установить род смерти. В феврале 1515 года жюри вынесло решение, что трое клириков – среди них епископ лондонского канцлера Уильям Хорси – виновны в убийстве. Епископ немедленно написал Томасу Уолси и потребовал провести беспристрастное разбирательство; по словам епископа, обращенным к Уолси, жители Лондона проявляли столь «злонамеренную склонность» к ереси, что его подчиненного признали бы виновным, будь он «невинен аки Авель».

Король приказал провести расследование в Бейнардском замке на северном берегу Темзы возле Блэкфрайерс, где епископ Лондона воспользовался возможностью и осудил членов жюри, назвав их «подлыми лживыми трусами». Затем в процесс вмешался сам Генрих, приняв решение помиловать Хорси и других; он повелел его адвокату объявить их невиновными во вменяемом преступлении. Покинув Лондон, Хорси немедля отправился в Эксетер. Казалось, на этом дело было исчерпано.

Тем не менее у случившегося были важные последствия. Тремя годами ранее парламентский созыв 1512 года принял закон, согласно которому церковные прислужники, обвиненные в убийстве, лишались «привилегии духовной неподсудности»; «привилегия» означала, что судебный процесс над клириками велся в церковных судах и к ним не применялась смертная казнь. Церковные прислужники представляли собой низшие чины духовенства, такие как чтец или аколит. На фоне громких обстоятельств дела Ричарда Хунне эта мера приобрела новое значение. Аббат Винчестера объявил членам палаты лордов, что закон 1512 года противоречил законам Божьим и свободам церкви. Текст его проповеди был взят из Первой книги Паралипоменон, «Не прикасайтесь к помазанным Моим».

Генри Стэндиш, страж нищенствующей монашеской братии Лондона и один из духовных советников короля, выразил несогласие. Он настаивал, что никакое из действий короля не могло нанести ущерб интересам церкви и что церковь, в сущности, входила в сферу королевских полномочий. Был поднят основополагающий вопрос, мог ли светский суд привлекать свя-

щенство к ответственности; мог ли мирской правитель накладывать ограничения на епископа, Богом облеченного властью. Стэндиша призвали появиться перед собором высшего духовенства, отчитаться за свое мнение, и он воззвал к королю с просьбой о защите.

Великое собрание ученых мужей, включавшее всех судей королевства, состоялось в Блэкфрайерс зимой 1515 года и после долгих обсуждений приняло сторону Генри Стэндиша; они обвинили высшее священство в нарушении парламентского статута о предостережении (*praemunire*) 1392 года, запрещавшего ходатайство к иностранному суду или органу власти. Иностранным органом власти в данном случае являлся папа римский и папский суд. Томас Уолси, которого пожаловали кардинальским титулом всего три месяца назад, предложил королю выразить формальное повиновение и попросил передать дело в Рим. Может показаться странным, но вполне вероятно, что Уолси и король были заодно. Все ждали королевского вердикта. Пришло время Генриху вынести свое решение по делу Генри Стэндиша.

В ноябре монарх обратился к собранию адвокатов и священнослужителей в Бейнардском замке со следующим заявлением: «По воле и дозволению Божьему мы король Англии, и короли Англии испокон веков не имели выше себя никого, кроме Бога. Так разумеете же, что мы сохраним за собой принадлежащие нашей короне права и наши светские полномочия как в этих обстоятельствах, так и впредь». Генрих поддержал позицию Стэндиша.

Возможно, это выглядело как начало великой Реформации XVI века, однако король не сказал ничего нового. В Положении о казначеях 1351 года говорилось о «святой англиканской церкви» во время Эдуарда III как отличной от «папской церкви в Риме». В конце XIV века Ричард II объявили единовластным императором в своих суверенных владениях. В 1485 году лорд – главный судья Хасси заявил, что король Англии подчиняется лишь одному Богу и власть его превышает папскую в пределах государства. В действительности уже Генрих VII неоднократно оспаривал статус церкви, обвиняя высшее духовенство в *praemunire*; он дал понять, что в его королевстве не место еще одной суверенной власти, и при назначении епископов отдавал предпочтение юристам, а не богословам. Папа не вмешивался.

Возможно, странным было то, что в своем письме к Уолси епископ Лондона обвинял собственных церковников в повсеместной ереси, однако при данных обстоятельствах это было простительное преувеличение. Епископ просто ссылался на тот факт, что у лондонцев существовала давняя и устойчивая традиция антиклерикализма. Всегда звучали призывы к обновлению церкви или подчинению ее власти короля, а в адрес духовенства сыпалась критика и нападки по меньшей мере с XIV века. На парламентских созывах 1370-х и 1380-х годов обсуждали необходимость лишения клириков высоких государственных постов, а в ходе крестьянского восстания под предводительством Уота Тайлера в 1381 году архиепископ Кентерберийский был обезглавлен толпой. Высшее и низшее духовенство обвиняли в прелюбодействе и внебрачных связях; они проводили время за соколиной охотой или ловлей зверя; носили длинные волосы и развлекались в тавернах; были вооружены мечами и кинжалами. Это было продолжением длинного перечня жалоб, начатого веком раньше Чосером и Ленглендом. Тем не менее подобные злоупотребления, равно как и резкие обвинения, были естественными и неизбежными, когда дело касалось древнего религиозного института. Католическая церковь всегда нуждалась в обновлении и преобразованиях.

Король изъявил свою волю в один из зимних дней в Бейнардском замке, и Уолси преклонил перед ним колени. Однако прелат уже и без того успел обрести могущество. Осенью 1515 года, по настоятельному требованию короля, папа Лев X торжественно возложил на голову Уолси красную кардинальскую шапку. С этого времени он стал носить алые одежды. Впрочем, прежде всего он был кардиналом короля, нежели кардиналом папы, и это лишь способствовало укреплению королевского превосходства. В конце того же года Генрих назначил Уолси новым лорд-канцлером, ведущим министром государства и держателем большой государственной печати. Он занимал господствующее положение в Королевском совете. Любая корреспонден-

денция, предназначенная для местных судей или послов, теперь проходила через его руки. Ни один законодательный акт не мог быть сформулирован без его активного участия. Ни одно назначение на высшую должность не обходилось без его вмешательства. «Объяви я о своем решении сложить полномочия, – сказал он, – уверен, что ни король, ни его титулованные приближенные не дали бы на то своего согласия».

В решении государственных и международных вопросов ему была необходима изрядная тонкость ума и изворотливость. Смерть испанского короля Фердинанда в феврале 1516 года и восхождение на престол его шестнадцатилетнего внука Карла поднимали деликатные проблемы соотношения сил и влияния. Собственные титулы Карла свидетельствуют о сложности и запутанности континентальной политики. С 1506 года он являлся номинальным правителем Бургундии, спустя десять лет был коронован королем Испании, Карлом I; три года спустя он стал императором Священной Римской империи, приняв имя Карла V. Его земли в Центральной и Южной Европе составляли наследие династии Габсбургов, которому суждено было стать главным предметом внешнеполитических интересов Англии на протяжении следующей сотни лет.

О своих притязаниях на престолонаследие заявлял и другой молодой монарх. Франциск I вззошел на трон Франции в 1515 году в возрасте двадцати лет, и в течение девяти месяцев он во главе армии осуществил переход на север Италии, где овладел Миланом. Это был подвиг, о котором Генрих мог лишь мечтать.

В первомайский праздник 1515 года Генрих поинтересовался о Франциске у венецианского посла. «Расскажи-ка мне, – потребовал он, – король Франции, каков он? Столь же высок, как я?» Разница в росте была невелика. «Тучен ли он?» Нет, отнюдь. «А какие у него ноги?» Худые, или «сухопарые». В этот момент король Англии приподнял подол своего дублета и положил руку на бедро. «Вот, посмотри. И голени у меня столь же добротные». Позже он заявил, что Франциск – француз, поэтому ему нельзя доверять.

Вплоть до самой смерти Генриха эти молодые монархи боролись за влияние или, по крайней мере, за временное превосходство, и международная история того времени состояла из их маневров и контрманевров. Заключались конвенции и тайные соглашения, происходили вооруженные стычки и войны, вторжения и осады. Европа превратилась для них в площадку для игр. При дворе каждого из них охота, рыцарские поединки и турниры стали олицетворением власти. Но когда три молодых человека затевают борьбу, в результате почти неминуемо проливается чья-то кровь.

Появление на арене трех могущественных суверенов изменило равновесие сил во всей Европе и, в частности, неизбежно привело к определенному снижению авторитета папы римского. Власть королей считалась наивысшей, господствующей над церковью и знатью. Между Карлом и Франциском постоянно возникали разногласия, поскольку территории их государств граничили друг с другом, и задачей Генриха было извлечь максимальную пользу из их соперничества. Впрочем, монархи далеко не всегда прибегали к открытым вооруженным действиям, пытаясь воспользоваться преимуществами более сподручных помолвок и династических браков. Рождение дочери 18 февраля 1516 года предоставило Генриху козырь в великой монаршей игре. И все же принцесса Мария стала для отца большим разочарованием: он надеялся и молился о сыне и наследнике, однако скрыл свое огорчение. «Мы оба молоды, – сказал он, – если в этот раз суждено было появиться на свет девочке, то с помощью Божьей родятся и сыновья». Но он ошибался.

Весной 1517 года на дверях собора Святого Павла повесили декларацию с жалобами на то, что «иностранцы» получают слишком много привилегий от короля и совета и что они «скупают шерсть в ущерб англичанам». Это послужило одним из поводов к восстаниям «Черного Первомая», которые обнажили радикальные и бунтарские настроения лондонской толпы. В

конце апреля один из проповедников призвал англичан защищать свои дома и имущество от «чужаков», имея в виду торговцев из Флоренции, Венеции, Генуи и Парижа. Уолси вызвал городского мэра, услышав новости о том, что, как он выразился, «ваша необузданная молодежь чинит беспорядки и докучает иностранцам». Подобные волнения вызывали большую озабоченность у городского правления, не имевшего в своем распоряжении ни полицейских формирований, ни постоянной армии, дабы обеспечить соблюдение своих законов.

Мэр отверг все слухи о подстрекательстве к мятежу, однако вечером 30 апреля две тысячи лондонцев – с подмастерьями, лодочниками и домашней прислугой во главе – разграбили дома французских и фламандских торговцев. Они взяли штурмом дом королевского секретаря и угрожали жителям итальянского квартала. Уолси, опасавшийся беды, несмотря на все заверения мэра, призвал на помощь вооруженные дружины знати и артиллерию лондонского Тауэра. Более четырехсот человек было взято в плен, над ними устроили судебный процесс и признали виновными в измене. Тринадцать из них присудили к смертной казни через повешение, потрошение и четвертование; останки их растерзанных тел вздернули на одиннадцати сооруженных по всему городу виселицах.

Для других бунтовщиков устроили подобающую случаю театрализованную церемонию, надев им на шею висельные веревки и приведя в Вестминстер-Холл, где за всем этим наблюдал король. С высоты своего царственного помоста он объявил заключенным смертный приговор. Затем Уолси пал на колени и стал молить монарха о сострадании, а сами узники выкрикивали: «Пощади! Пощади!» В конце концов король сменил гнев на милость и даровал им прощение. В этот момент обвиняемые сорвали с шеи веревки и, по словам одного из лондонских летописцев, «запрыгали от радости».

Опасность чудом миновала, но невозможно было скрыть подлинную неприязнь и даже ненависть, существовавшую между королевским двором и гражданами. Знать не доверяла и презирала простонародье, и это чувство было взаимным. Почему-то бытовало мнение, что епископы и духовенство встали на сторону знати; враждебность городских жителей по отношению к ним сыграла свою роль в религиозных преобразованиях грядущих лет. Да и сам Лондон способствовал провоцированию бунтов и разжиганию противоречий, являясь постоянным источником беспокойства для короля и его совета.

Через две или три недели после мятежей город и страну охватила неведомая хворь. Она началась ранним летом 1517 года с лихорадки, сопровождаемой дурно пахнущим потом. Ей сопутствовали острые боли в спине и плечах, распространявшиеся затем в печень; потом наступала вялость и забытие, больной впадал в сон, от которого зачастую не просыпался. Быстрая и безжалостная болезнь приобрела известность под названием «пот» или «потливая горячка»; а поскольку она, по всей видимости, поражала только англичан, в таких городах, как Кале и Антверпен, ее прозвали *sudor Anglicus*, или «английский пот». Ее также называли такими именами, как «Знай своего господина» или «Наказание Божье». Погибли десятки тысяч людей. Доктор Кайус, один из врачей того времени, описывал, как болезнь «мгновенно убивала жителей: одни в этот момент распахивали окна в доме, другие играли с детьми возле калитки; кто-то умирал через час, многие через два; но даже и тем, кто днем беззаботно обедал, она готовила траурный ужин». Случайная встреча на улице, стук нищего в дверь, поцелуй в щеку – стоить жизни могло все что угодно.

Да и сами дома могли стать рассадниками заразы. Эразм сетовал, что полы в жилищах англичан выстланы камышом, в котором перемешались «отхарканная мокрота, рвота, моча собак и людей, разлитый эль, рыбы объедки и другие скверности, о которых лучше не упоминать». С каждой переменной погоды выделялись пары отравленного воздуха. Зловонные мутные потоки катились по открытым уличным водостокам прямо в Темзу.

Летом того же года сам Томас Уолси занедужил потливой горячкой, тогда как многие его домочадцы и вовсе погибли. Однако он был крепок и решителен, мог стряхнуть с себя любую

болезнь без непоправимого ущерба для своего сильного организма. Выздоровев, Уолси отправился в паломничество в Уолсингем; столкнувшись лицом к лицу со смертью, он поклялся помолиться у святыни местной Богородицы, копии дома в Назарете, где Гавриил явился Деве Марии. После благочестивых размышлений и поста он вновь вернулся к государственным делам.

Весной прошлого года он долго обсуждал с Генрихом и советом неэффективность мер по отправлению правосудия и чудовищность злоупотреблений. Он не был адвокатом и не имел юридической подготовки, однако его ум и уверенность в своих силах легко преодолевали любые сомнения в его способностях. Совместно с королем он решил укрепить процедуры применимого права посредством органа, известного как Звездная палата; в качестве судейской инстанции Королевский совет собирался в зале, потолок которого был усыпан звездами.

Под звездным небом лорд-канцлер мог допрашивать, в частности, сильнейших лиц государства и определять им меру наказания. «Я намерен, – писал он, – обучить их закону Звездной палаты». Он наказывал лордов за содержание слишком многочисленной вооруженной свиты, а рыцарей – за «давление» (принуждение к действию) на своих более бедных арендаторов; он расследовал случаи клятвoprеступления и фальшивомонетничества; он регулировал цены и запасы провизии, справедливо полагая, что нехватка продовольствия может спровоцировать бунт. Одной из главных функций палаты было подавление общественных беспорядков или наказание за участие в них. Уолси изучал поведение шерифов. Во время предыдущего правления в Звездной палате слушалось примерно двенадцать дел в год; под руководством Уолси их количество достигло 120 за тот же период.

У Уолси был свой суд, называвшийся Канцлерским. Это был гражданский, а не уголовный суд, занимавшийся урегулированием таких вопросов, как получение наследства и разногласия по контрактам. Истцы могли изложить дело простым языком, а ответчики были обязаны явиться в суд, получив «повестку». Это был эффективный способ рассмотрения апелляций против решений, вынесенных судами общего права. А для кардинала подобный суд служил средством жесткого контроля государственных дел. Каждый день Уолси следовал с процессией в Вестминстер-Холл, перед ним несли два больших серебряных креста вместе с большой печатью и кардинальской шапкой; на нем были одеяния из багряного шелка с пелериной или капюшоном, отороченным собольим мехом. В руке он нес выскобленный и заполненный уксусом апельсин и прижимал его к носу, проходя через толпу ждущих его просителей. «О мои господа и повелители, – кричали прислужники, – расступитесь перед его преосвященством!» Джон Скелтон так описал его поведение в Канцлерском суде:

В стенах суда дает он волю
Своему неистовству и гневу
И называет их погаными мерзавцами...
Одним кивком головы вершит он судьбы в палате Звездной...
Всяк – герцог, граф, барон и лорд –
Обязан подчиниться приговору¹.

Он вызывал негодование у тех, кого наказывал, однако его служение правосудию, по всей видимости, принесло свои плоды. Поздним летом 1517 года он написал Генриху письмо, в котором с изрядной долей самодовольства рассказывал о благоденствующем королевстве. «Хвала Богу, – говорил он, – никогда прежде в государстве не царил такой мир и спокойствие».

¹ And openly in that place / He rages and he raves / And calls them cankered knaves... / In the Star Chamber he nods and becks... / Duke, earl, baron or lord / To his sentence must accord.

В том же году Уолси организовал расследование причин сокращения сельского населения в графствах Англии. Сельская местность менялась на протяжении многих поколений: метаморфозы происходили настолько медленно, что были незаметны, пока не становилось слишком поздно что-либо предпринимать. К тому времени, как огораживание земель более состоятельными или предприимчивыми крестьянами было признано вопиющей несправедливостью, это уже стало привычной практикой, которую нельзя было повернуть вспять. Общество мелких землевладельцев уступило место крупным фермерам-арендаторам и классу безземельных батраков. Таков путь любых исторических перемен. Они происходят на протяжении многих десятилетий, многих веков, пока не станут необратимыми.

В XVI веке в свет вышло множество трактатов и памфлетов на тему пагубного влияния огораживания. «Утопия» Томаса Мора была отчасти направлена против этой практики. Огороженную землю стали использовать для разведения овец вместо выращивания сельскохозяйственных культур. Многие писали, что теперь овцы стали поедать людей, а не наоборот. Один пастух занял место множества земледельцев, что в результате привело к оттоку населения из значительной части сельских районов. Один из епископов писал Уолси: «Ваше сердце бы сжалось при виде городов, деревень, селений, дворянских поместий в упадке и запустении, вокруг ни души, лежат лишь брошенные плуги». Крестьяне, не находя себе работы, двигались дальше. Простые дома сельских арендаторов, покинутые хозяевами, разрушались от ветра и дождя; крошились стены и падали крыши, оставляя лишь земляные холмики там, где некогда стояли жилища. Деревенская церковь порой становилась кровом для скота. И все-таки определить причины этого упадка было очень сложно. Причиной бедственного положения в начале XVI века скорее могла стать череда неурожаев и неуклонный рост населения, к примеру, нежели резкое ускорение темпов огораживания земель. Население примерно в три миллиона человек оставалось ниже уровня, достигнутого в начале XIV века, однако оно постоянно росло².

Само по себе огораживание было частью земледельческой практики еще с XIV века, когда чума, или Черная смерть, погубила огромное количество жителей. На фоне низкого спроса на зерно земельным угодьям необходимо было найти другое применение. Бесплодные поля стоили дешево, и начался процесс их устойчивой скупки, продолжавшийся еще в XVIII веке. Фермеры устраивали бартеры и обмены, в которых самые богатые или же самые изобретательные извлекали из сделок наибольшую выгоду. Многие из прежде открытых полей теперь огораживали изгородями боярышника. По подсчетам, стоимость огороженных участков в полтора раза превышала стоимость всех остальных земель. Этот процесс было невозможно остановить или предотвратить. И это, как нам предстоит убедиться, привело к кризису поколением позже.

Положение королевства по-прежнему в значительной степени определялось состоянием аграрного общества. Оно состояло из фригольдеров и лизгольдеров, манориальных арендаторов и батраков; все они подчинялись своему господину³. Их дома стояли стеной к стене, а вокруг простирались поля. Это было общество, в огромной степени зависящее от переменчивости погоды, когда один неурожай мог обернуться катастрофой.

² В середине XIV в. разразилась эпидемия чумы, или Черной смерти. В Англии население сократилось не менее чем на 25 % (порой указываются и более внушительные данные – о гибели 60 % жителей). В начале XIV в. население Англии составляло около пяти миллионов человек. Великий голод 1315–1317 гг. унес жизни более полумиллиона англичан. – *Здесь и далее, если не указано иное, прим. науч. ред.*

³ Фригольдеры – «в английском феодальном праве лица, державшие землю на условиях „свободного держания“ (фригольда)» (Большая российская энциклопедия, статья «Фригольдеры»). К фригольдерам относились и крестьяне, и рыцари, державшие землю на условии несения военной службы, и духовенство, и горожане. В узком смысле фригольдеры – лично свободные крестьяне, имевшие фригольд внутри манора (имения). Они могли завещать, делить и отчуждать свои держания, пользовались судебной защитой. Лизгольдеры – дословно «арендаторы», обязанные платить за пользование землей или строением. Срок и условия аренды зависели от арендодателя, в феодальном праве – владельца земли. Манориальные арендаторы (customary tenants) – держатели земельных наделов по обычаю манора.

В мире, в котором всегда господствовали традиции и обычай, существовавшие прежде связи манориальной системы уступали место новым рыночным законам. Обычай заменялся законом и договорными отношениями. Совместная работа медленно вытеснялась конкурентной борьбой. «Мир сегодня настолько изменился для бедного арендатора, – писал один из современников, – что он испытывает физический страх перед своим жадным соседом – так, что за два или три года до истечения срока аренды он должен испросить у своего господина разрешения на его продление». Крупные фермеры продавали урожай растущему населению больших и маленьких городов; мелкие фермеры были вынуждены заниматься натуральным хозяйством, обеспечивая себя тем, что удалось вырастить. Земля перестала быть общинной собственностью, управление которой подразумевало социальную ответственность. Она превратилась в капиталовложение. Так, вместо ренты по манориальному обычаю арендатор теперь выплачивал так называемую грабительскую, или рыночную, ренту. Процесс шел медленно и долго, завершившись лишь к XVIII веку. И все же традиционному общинному сельскому хозяйству, с его коллективными ритуалами и обычаями, не суждено было пережить эти преобразования. В этом отношении историческое развитие сельского хозяйства можно сравнить с развитием религии.

Между ними и в самом деле прослеживается взаимосвязь. На общинных полях, протянувшихся вдоль прибрежных долин Уэстморленда и Нортумберленда, к примеру, сохранялась приверженность старой религии. В деревнях Восточной Англии и в восточной части Кента, где выращивали зерновые культуры для производства продовольствия, царил твердый настрой на реформу вероисповедания. Представляется вполне очевидным, что религиозный радикализм процветал в восточных графствах, в то время как на севере и западе преобладали более сдержанные настроения. Однако на фоне стольких исключений и обособленных случаев даже эти обобщения можно подвергнуть сомнению. Восточная часть Суссекса, например, приняла новую веру, тогда как на западе по-прежнему поддерживали старую. Можно лишь с определенной долей уверенности сказать, что приближалось время «новых людей».

3. Еретик!

В 1517 или 1518 году некоторые ученые Кембриджа стали встречаться в трактире «Белая лошадь», где, подобно университетским студентам всех времен, обсуждали насущные интеллектуальные темы. Все актуальные вопросы того времени, впрочем, вращались вокруг религии; она была средоточием любых дискуссий. Некоторые из этих ученых со всем свойственным юности пылом увлекались новыми и потенциально подрывными доктринами. Реформистские настроения витали в воздухе. Кто-то мечтал вернуться к простому благочестию движений, известных как бедные католики, или гумилиаты; они хотели уйти от помпезности и театральности средневековой церкви и возвращать так называемую *devotio moderna*, «современную набожность». Другие стремились вернуться к текстам Священного Писания, в особенности – к Новому Завету.

Работа, изданная Эразмом Роттердамским, уже вдохнула более строгий дух в теологические изыскания. В бытность профессором богословия леди Маргарет в Куинз-колледже Кембриджского университета⁴ он осуществил перевод Нового Завета на греческий и латинский языки, который, казалось, должен был заменить старую Вульгату, используемую более тысячи лет. Эразм, проведя историческое исследование, возродил некий дух раннего христианского Откровения.

Он считал, что ритуалы и формальная теологическая теория церкви имели меньшее значение, чем духовное восприятие посланий, содержащихся в Писании; внутренняя вера как в божественную благодать, так и в искупительную силу Сына Божьего давала много больше, чем приверженность религиозной обрядности. «Если ты благочестиво, с почитательностью, смиренно» приблизишься к Писаниям, «ты почувствуешь, как тебя вдохновляет воля Божья»⁵, – писал он. Сатирически он высмеивал чрезмерное благоговение перед святыми мощами, слишком частые паломничества ради замаливания грехов и вырождение монашеских орденов. Он редко упоминал таинства, являвшиеся частью божественного инструментария официальной религии.

Его верования не переросли в еретические догматы, однако он являлся таким же искоренителем традиционной религиозности, как Лютер или Джон Уиклиф (Виклиф). Без Эразма ни Лютер, ни Тиндейл не смогли бы перевести греческий Завет. Эразм лелеял надежду на то, что Писание станет общедоступным, – стремление, которое впоследствии будет сочтено почти еретическим. Томас Билни, один из ученых – завсегдатаев встреч в трактире «Белая лошадь», заявил, что, читая Эразма, он «наконец услышал о Христе». Немного позже Билни был сожжен на костре.

Эразма традиционно характеризовали как «гуманиста», хотя само слово стало использоваться в данном значении лишь в начале XIX века. В общих чертах гуманизм, или же «новое учение» начала XVI века, подразумевал обновление системы образования и научных знаний посредством изучения вновь обретенных или заново переведенных классических образцов. Вместе с собой он принес скептическое отношение к средневековым авторитетам и схоластической теологии, на которой они зиждились. Новое учение распахнуло окна церкви, чтобы впустить в нее свет и свежий воздух. Несколько банальный антиклерикализм лоллардов устарел в век конструктивной критики и обновления, и представлялось вероятным, что вселенская церковь способна самообновиться.

⁴ Профессор богословия леди Маргарет – старейшая именная профессура в Кембридже, основанная в 1502 г. Маргаритой Бофорг, матерью короля Генриха VII.

⁵ Цит. по: Эразм Роттердамский. Философские произведения / Отв. ред. В. В. Соколов. Пер. и коммент. Ю. М. Розума. М.: Наука, 1986 (Памятники философской мысли). С. 102.

Осенью 1517 года Мартин Лютер бросил церкви более пылкий и догматичный вызов, чем общие призывы к реформе. Во многих отношениях он был схож с Эразмом, однако вскоре пошел дальше в своем утверждении о достаточности одного лишь оправдания верой. Вера даруется Богом человеку без посредничества священников и церковных обрядов. Церковь не может и не должна вставать между Христом и стремящейся к вере душой. Человек, спасенный жертвой Христа, получит вечную жизнь. Божья благодать поднимет душу верующего на небеса. Тех же, кто не обрел спасение в вере, ждет единственная участь – вечно гореть в пламени ада.

В серии памфлетов Лютер критиковал догматы и церковную иерархию общепринятой веры. Папа римский был Антихристом. Признавались только два таинства – крещение и причащение в противовес семи, предлагаемым католической церковью. Каждый добрый христианин уже являлся священником. Благодати и веры было достаточно для спасения. Тексты Священного Писания не должны иметь себе равных⁶. «Я больше и словом не обмолвлюсь с этим животным, – писал кардинал Каэтан после разговора с Лютером в 1518 году, – ибо глаза его бездонны, а голова полна предивных вымыслов».

В Кембридже Лютера читали и обсуждали с тех самых пор, как монах вывесил свои Девяносто пять тезисов на двери замковой церкви в Виттенберге. Трактир «Белая лошадь» прозвали «Германией», поскольку в его стенах обсуждались лютеровские учения, а участников дискуссий окрестили «немцами». Они, однако, представляли собой весьма разношерстную компанию; среди них были Томас Кранмер и Уильям Тиндейл, Николас Ридли и Мэтью Паркер. Двое из них впоследствии стали архиепископами, семеро – епископами, а восемь приняли мученическую смерть на костре. Это было захватывающее, но вместе с тем опасное время.

Чтение трудов Лютера углубило инстинктивные представления полемистов «Белой лошади». Доктрина оправдания только верой не имела параллелей у Уиклифа, однако многие другие антиклерикальные догмы уже звучали на протяжении двух предыдущих веков. И все-таки никогда прежде они еще не были сформулированы настолько последовательно и убедительно. Кафедра маленькой кембриджской церквушки Святого Эдуарда, Короля и Мученика, стала трибуной, с которой такие проповедники, как Томас Билни, Роберт Барнс и Хью Латимер, провозглашали новые истины. Одною лишь верой, но не делами праведный жив будет. Если вы однажды уверуете, что Иисус Христос пролил свою драгоценную кровь и принял смертное распятие на кресте за ваши грехи, эта же вера приведет вас к спасению. Для этого не нужны священники, епископы и даже кардиналы.

Весной 1518 года по настоятельной инициативе короля Уолси был назначен папским легатом, став представителем Рима при дворе, где уже являлся главным министром. Он воплощал в себе все то, что ненавидели реформаторы; он был «блудницей в алых одеждах»⁷. Всякий раз, когда ему было необходимо выступить в роли папского посла, он покидал двор, а затем вновь торжественно являлся в новом амплуа. И все же невозможно было скрыть тот факт, что церковь и Королевский совет теперь управляются одной и той же рукой. Истинное положение вещей не ускользнуло от короля, который впоследствии утвердил свое суверенное полномочие над обоими институтами. Уолси показал Генриху, что возможно руководить и осуществлять эффективный контроль над церковью без вмешательства любых внешних сил. Король,

⁶ В католичестве источником Откровения служит не только Священное Писание (Ветхий и Новый Завет), но и Священное предание – совокупность религиозного опыта и воззрений, выраженных в действиях церкви, в том числе в виде решений Вселенских соборов, трудах Отцов Церкви, священнодействиях и таинствах. Священное предание необходимо для правильного понимания Священного Писания как в католичестве, так и в православии. Именно это и отрицали Лютер и его последователи. В протестантизме действует принцип *Sola Scriptura* – «Только Писание».

⁷ В данном случае обыгрывается, с одной стороны, образ вавилонской блудницы из 17-й главы Откровения Иоанна Богослова, где ее красные одежды (багряница и порфира) означали кровь христианских святых; а с другой – кардинальская, то есть красная, мантия Уолси. Сравнение католической церкви и папы римского с вавилонской блудницей встречается у Лютера, Савонаролы и в «Божественной комедии» Данте.

таким образом, в дальнейшем взял на себя роль кардинала и значительно расширил ее полномочия.

Статус папского легата наделял Уолси дополнительной властью для реформации англиканской церкви. Он начал с того, что весной 1519 года отправил «ревизоров» по монастырям для сбора сведений об условиях и образе жизни монахов, где, конечно, они столкнулись с различными злоупотреблениями и беспорядком. Аббат приводил своих гончих собак прямо в церковь; монахи находили утешение в трактирах; приора видели с женой мельника. Такова была повседневная сторона монашеской жизни, которая в значительной мере воспринималась как общепринятая данность. Однако Уолси наказал главных нарушителей и разослал строгие предписания, или уставы, для регламентации поведения монахов в будущем.

Подобный ригоризм Уолси, разумеется, не помешал ему приумножить собственное благосостояние коллекцией духовных должностей. Он последовательно занимал должности епископа Бата и Уэллса, епископа Дарема и епископа Винчестера; одновременно он являлся архиепископом Йоркским, а в 1521 году получил в свое распоряжение аббатство Сент-Олбанс – богатейшее во всем королевстве. Его столы ломились от золотой и серебряной посуды, а стены дворцов украшали самые изысканные гобелены. Уолси, несомненно, был самым состоятельным человеком в Англии – богаче самого короля, чей доход сокращался из-за широкого круга обязательств, однако кардинал всегда утверждал, что его роскошь способствовала поддержке могущества церкви.

Немного позднее Уолси закрыл двадцать девять монастырей, а изъятые доходы направил на финансирование школы в Ипсвиче и колледжа, получившего название Кардинальского, который он намеревался построить в Оксфорде. Неисповедимая религиозность нескольких монахов и монахинь не должна стоять на пути великих образовательных учреждений. Уолси интересовало как надлежащее обучение, так и надлежащее руководство; и в действительности их невозможно было четко разграничить. И вот работа церкви продолжилась, несмотря на обличительную критику и угрозы со стороны «новообращенных», называемых также «евангелистами» и «сведомыми».

В конце 1520-х годов учение Лютера признали еретическим, а его книги запретили. От них «разило сковородкой», стоявшей в раскаленных огненных печах Смитфилда и самого ада. Весной следующего года Уолси устроил торжественную церемонию сожжения текстов Лютера на церковном дворе собора Святого Павла. Впрочем, останавливать поток новых учений было уже слишком поздно. Сведомые, по словам Томаса Мора, «активно расхаживали» по всем питейным и трактирам, проповедуя свои доктрины. Мор на тот момент уже являлся тайным советником и служителем королевского двора. Предполагаемые еретики встречались и в адвокатских палатах, где братские связи можно было превратить в связи духовные. Люди «имели обыкновение предаваться полуночным чтениям, сидя в своих покоях». Они начали собираться в долине Темзы и некоторых районах Эссекса, а также в Лондоне. В приходской церкви городка Рикмансворт, в графстве Хартфордшир, неизвестные бросили статуи и крестную перегородку в огонь, что стало предвестием иконоборчества в Англии в более поздний период.

Книги Лютера ввозили в страну контрабандой, пряча в мешках с сукном, доставляемых из портов тогдашних Нидерландов и городов Рейнской области. Однако трактаты попадали в руки не только к инакомыслящим. Они дошли и до самого короля. 21 апреля 1521 года Генрих был замечен за чтением лютеровского сочинения *De Captivitate Babylonica Ecclesiae* («О вавилонском пленении церкви»), а в следующем месяце он написал папе Льву X о своем намерении изобличить ересь, которой пестрит трактат. Уолси выразил мнение, что королю не помешало бы среди других европейских государей показать себя эрудитом и правоверным христианином. И вот, при помощи семи королевских слуг, включая Мора, Генрих составил ответ Лютеру, озаглавленный *Assertio Septem Sacramentorum*, «В защиту семи таинств».

Трактат Генриха не был блестящей или увлекательной работой, однако он выполнил свое предназначение. Папа признался, что восхищен сочинением, и даровал Генриху титул *Fidei Defensor*, «Защитник веры». Титул не предполагалось передавать по наследству, однако королевская семья использует его с тех самых пор. Лютер сочинил свой ответ на ответ монарха, в котором клеймил его «королем лжи» и «окаянным и подлым червем». Вследствие этого Генрих никогда не испытывал симпатии к лютеранству и в большинстве случаев оставался правоверным католиком.

Папа скончался через два месяца после того, как пожаловал королю титул, и некоторые считали, что сам Уолси, возможно, возглавит следующий понтификат. Однако кардинальский конклав навряд ли когда-нибудь решил бы избрать англичанина, да и в любом случае Уолси и без того хватало забот с церковными делами в Англии. Учиненная им ревизия монастырей была лишь частью его программы клерикальной реформы. Он разрабатывал новые уставы для белого или немонашесствующего духовенства и вводил новый регламент в монашеских братиях бенедиктинцев и августинцев. Кардинал руководил двадцатью монашескими выборами, чтобы заполучить большинство голосов для своих кандидатов, и отстранил от дел глав четырех монастырей.

Весной 1523 года Уолси распустил созыв высшего духовенства в Кентербери и призвал их в Вестминстер, где объявил о применении новой системы налогообложения к их доходам. В будущем епископы и архиепископы обязались выплачивать ему «контрибуцию», прежде чем приступать к отпращиванию обязанностей в своих юрисдикциях. Он предлагал провести реформы в церковных судах и настаивал, что собственноручно должен заниматься всеми делами, касающимися завещаний и наследства. Церковь еще никогда не находилась под столь строгим контролем со времен Генриха II. А тот факт, что Уолси, преследуя свои цели, издавал санкционированные Ватиканом папские буллы, письма и хартии, еще больше настраивал английских епископов против него.

Однако прелат находился под покровительством короля. Уолси являлся исполнителем воли Генриха, поэтому его растущее влияние фактически обеспечивало королю господствующее положение. Больше не существовало противоречий между церковью и государством, как их стали называть позже: они были едины в лице одного и того же человека. Тогда, впрочем, вопрос о доктринальной реформе не вставал, и Уолси лишь вполглаза наблюдал за распространением еретических учений в королевстве. Куда больше его заботила дисциплина и эффективность работы церкви, в особенности в том, что касалось использования нажитых ею богатств.

Роль папского легата включала в себя и иные обязанности. Как представителю папы римского, Уолси полагалось установить мирные взаимоотношения между христианскими правительствами европейских стран – предварительное условие их объединенного крестового похода против турок. Изогранный в вопросах дипломатии, весь 1518 год кардинал вел переговоры с императором Священной Римской империи Максимилианом, королем Франции Франциском и королем Испании Карлом. Их делегаты прибыли в Лондон осенью того же года и заключили соглашение о всеобщем мире, получившее название Лондонского. Кардинал устроил его к вящей своей чести. В мимоходом брошенном намеке на возможность крестового похода папа упоминался лишь как *комес*, или «соучастник» в переговорах. «Мы можем видеть, – писал один кардинал, – чего стоит ожидать Святому престолу и папе от английского канцлера».

Английский канцлер был на вершине своего влияния. За четырнадцать лет полномочий в качестве лорд-канцлера он созвал только один парламент. Во время первого пребывания в королевстве посла Венеции Уолси обычно объявлял ему, что «Его Величество изволит сделать то-то и то-то». Потом фраза изменилась на «Мы изволим сделать то-то и то-то», пока в конечном итоге не стала звучать как «Я сделаю то-то и то-то». И все же он никогда не забывал, откуда проистекает настоящая власть и влияние; он оставался у кормила правления ровно до тех пор,

пока подчинялся воле короля. Достижением кардинала, наряду с Лондонским соглашением, был триумф его суверена. Честь короля всегда была самым важным аспектом во внешнеполитических расчетах Уолси. Сам Генрих, казалось, был доволен достигнутыми успехами. «Мы хотим, чтобы все правители были довольны имеющимися у них территориями, – заявил он венецианскому послу, – а мы счастливы, имея этот остров». Для демонстрации своей удовлетворенности в тот момент он написал несколько стихотворных строк.

Стремиться к лучшему; отвергать худшее;
Мой разум будет
Пристанищем добродетели, изгонит порок,
Этому отдаю всего себя⁸.

И все же он был куда менее доволен, когда в феврале 1519 года император Священной Римской империи умер и титул перешел к его внуку, королю Испании Карлу. Девятнадцатилетний Карл стал номинальным правителем Австрии, Польши, Швейцарии, Германии, Нидерландов, не считая самой Испании; таким образом, он распоряжался судьбой половины Европы.

Три юных короля теперь занимались замысловатыми церемониальными ритуалами налаживания союзнических отношений, которые можно было интерпретировать и как военные игры. Летом 1520 года Генрих отплыл во Францию на «Большом Гарри» со свитой из четырех тысяч человек для переговоров с французским королем. Из-за небывалой пышности королевской делегации место встречи обрело известность как Поле золотой парчи. В долине возле городка Ардр, неподалеку от английского анклава Кале, соорудили павильоны и дворцы, башни и заставы, искусственные озера и мосты, установили статуи и фонтаны, из которых текли пиво и вино. Генрих был разодет, как свидетельствует история, «в золотые слитки чистой пробы», да и Франциск, в свою очередь, ослеплял великолепием. Религиозные службы шли попеременно с рыцарскими поединками, пирами и рукопашным боем, а празднования длились целых семнадцать дней. Событие называли восьмым чудом света. Словно сцена с богато вышитой шпалеры стала явью. Значимость соглашений состояла вовсе не в их содержании, а в способе их заключения. Они являлись проявлением скорее власти, нежели дружелюбия.

И все же за шпалерными кулисами кипела тайная активность. Еще до того, как Генрих отправился во Францию, с визитом в Дувр прибыл король Испании Карл, приветствовать которого вышел сам Генрих. С торжественной процессией Карла препроводили в Кентербери, где он впервые встретился со своей теткой, Екатериной Арагонской. Трое суток балов и пиршеств включали также многочасовые переговоры. После встречи с французским королем на Поле золотой парчи Генрих отправился в Кале, где вновь вступил в стговор с Карлом. Все их планы были направлены против Франции. Сам Генрих желал еще раз заявить о своих притязаниях на французскую корону как часть неотъемлемого права, принадлежавшего ему по рождению.

Теми же летними ночами, пока монархи почивали в своих золотых шатрах, лондонский ночной дозор выискивал «подозрительных лиц». Докладывали, что портной и двое слуг картежничали и играли в кости до четырех утра, когда игру принудительно остановили, а игроков сдали констеблю. В Саутуарке и Степни в ходе поисков «бродяг и правонарушителей» дозор обнаружил множество «бесхозных лиц», живущих в обветшалых домах. Десять немцев были задержаны в Саутуарке. «Старая блудница и молодая девица» были обнаружены лежащими на грязной простыне в подвале; а на верхнем этаже Хью Льюис и Элис Болл были «задержаны вместе в одной постели, не будучи при этом супругами». Анну Саутвик допрашивали в трактире «Роза» в Вестминстере по подозрению в распутстве. Извозчиков обнаружили спящими у стен трактира. Жнецы и косари, плиточники и каменщики, по донесениям, мирно обитали в

⁸ The best ensue; the worst eschew; / My mind shall be / Virtue to use, vice refuse, / Thus shall I use me.

пригородных гостиницах. Мужчины и женщины занимались своими повседневными делами, законными или не очень. Так прошло лето.

4. Супружеские невзгоды

Слухи о неверности короля всегда витали в воздухе. За связью с Анной Стаффорд последовали другие, и осенью 1514 года Генрих завел пятилетний роман с Элизабет, или Бэсси, Блаунт. Местом их романтических свиданий был дом в Эссексе под названием Иерихон. Его придворным строго-настрого приказывалось хранить молчание об этих визитах, а слуги королевских покоев были обязаны «не обращать внимания и не осведомляться, где сейчас находится король или куда направляется»; им запрещалось обсуждать «временное сопровождение короля» или «его ранний или поздний отход ко сну». Плод этого союза появился на свет в 1519 году и был назван Генри Фицрой, что значило «Генри, сын короля»; впоследствии он стал герцогом Ричмондом. Элизабет Блаунт получила должное вознаграждение в виде выгодного замужества и навсегда сохранила расположение Генриха.

Несомненно, для услаждения короля в Иерихоне имелись и другие молодые женщины, однако следующей, чье имя сохранилось в истории, стала Мария Болейн. Она состояла в браке с вельможей из числа приближенных его величества, что было очень кстати, и под прикрытием королевского двора в 1520 году стала любовницей короля. Сегодня она в основном известна как сестра другой леди Болейн, но их роман с Генрихом длился на протяжении примерно пяти лет. В 1523 году король назвал один из новых королевских кораблей «Мария Болейн», а двумя годами позже пожаловал ее отцу пэрство, наделив титулом виконта Рочфорда.

К этому времени, впрочем, король воспылил чувствами к младшей сестре Марии. Дата его первой встречи с Анной Болейн доподлинно не известна, однако к 1523 году на нее уже обратил внимание Томас Уолси. Ее привязанность к Генри Перси, наследнику владений графа Нортумберленда, сочли недозволительной; Перси отправился обратно на север, а Анну удалили от двора. По словам церемониймейстера Уолси Джорджа Кавендиша, она была настолько зла, что «вся дымилась», багровея от ярости. Только после этих событий ее, вероятно, заметил король.

Вскоре он был совершенно пленен ею. Она была, как полагали, «довольно смугла», но имела великолепные блестящие волосы и яркие глаза; ее узкое овальное лицо, высокие скулы и небольшую грудь впоследствии унаследует ее знаменитая дочь. На ранних портретах она изображена цветущей и жизнерадостной, однако более поздние выдают напряженность и подозрительность. О ее характере существует такое множество разрозненных сведений, что истинное представление сформировать попросту невозможно. Однако нет никаких сомнений в ее находчивости и остроумии – иначе бы она не смогла удержаться при дворе. Анна любила музыку и прекрасно танцевала. Часто высказывается мнение, что благодаря своему обаянию и дару убеждения ей удавалось избегать интимной связи с королем до тех пор, пока она не обрела уверенность в том, что станет его женой, но столь же вероятно и то, что сам Генрих желал заключить официальный союз, дабы обеспечить законность рожденным в нем детям.

Екатерина Арагонская знала или, по крайней мере, подозревала об этой связи и попросила Эразма написать трактат *De Servando Conjugio* – «О сохранении брака». Она знала также о существовании Генри Фицроя и была глубоко уязвлена, когда того представили двору ровно в тот момент, когда стало понятно, что ей больше не суждено иметь детей. Так или иначе, Генрих отвернулся от нее. Екатерина приближалась к сорока годам; все изящество ее юности погасло, и молодой король Франции называл ее «безобразной и бесформенной». Возможно, поэтому Генрих больше не навещал брачное ложе. Однако самое главное, она не выполнила своей прямой обязанности – родить королю сына и наследника.

В сознание Генриха уже закрались кое-какие сомнения. В Книге Левит он прочел, что мужчине запрещено жениться на вдове умершего брата. В ней говорилось: «...наготы жены брата твоего не открывай; это нагота брата твоего», ибо наказание за этот грех – бездетность.

Он цитировал Левит в своем трактате против Лютера, в тексте которого ссылался на «твердую и непреклонную справедливость Божью». Что, если его брак погряз в божественное предопределение? В самой Книге Левит Бог говорит: «... то и Я поступлю с вами так: пошлю на вас ужас, чахлость и горячку, от которых истомятся глаза и измучится душа, и будете сеять семена ваши напрасно...» (Лев. 26:16). Возможно, Бог отказал Генриху в наследнике, наказав за грех.

В вопросах престолонаследия Генрих мог быть беспощаден. Он уже дал всем понять, что гнев короля означает смерть. В случае смерти самого монарха самым вероятным претендентом на трон считался Эдуард Стаффорд, третий герцог Бекингем; он был потомком Томаса Вудстока, одного из сыновей Эдуарда III, а потому стал подозреваемым. Весной 1521 года король лично устроил допрос среди прислуги герцога, чтобы найти доказательства измены. Главным выдвинутым обвинением было то, что герцог якобы обращался к монаху-колдуну, который сказал ему, что у Генриха не будет сыновей и что «ему должно достаться все». Бекингем накопил неподобающее количество золотой и серебряной парчи. Один из слуг даже заявил, что его хозяин замыслил «тайно проникнуть к королю с ножом». Разумеется, Эдуард был признан виновным по вердиктам семнадцати пэров и казнен в Тауэр-Хилл. В то время многие считали, что Уолси – известный среди жителей Лондона как «мясник» – стоял за трагической кончиной Бекингема, однако первопричиной на самом деле являлось непреодолимое стремление Генриха сохранить династию.

Возможно, в тот момент все его надежды возлагались на сына-бастарда Генри, однако не существовало прецедента, согласно которому незаконнорожденный ребенок мог наследовать престол, за исключением уже давно покрытого пылью истории Гарольда I в 1037 году. Оставалась еще принцесса Мария, имевшая на тот момент собственный двор⁹, однако история Англии знала всего лишь одну царствующую королеву; и Матильду, по правде говоря, называли «владычицей Англии»¹⁰. Необходимо было, таким образом, найти наследника мужского пола. На тот момент Генрих уже задумывался о возможности нового брака.

Мария же в то время могла послужить осуществлению других целей. В возрасте двух лет она уже была обещана сыну Франциска I, однако четыре года спустя ее официально обручили с Карлом V. Что могло быть более подходящим, чем замужество с императором Священной Римской империи и сувереном Испании? Тем не менее то были не обручальные обряды, но игры войны.

Летом 1521 года Генрих заключил с Карлом соглашение против Франциска I и пообещал отправить огромную армию из 30 тысяч пеших и 10 тысяч конных солдат во французские владения. Впрочем, склонность к военным авантюрам разжигает страсть к деньгам. И вскоре Уолси снова стал требовать и собирать доходы церкви. В марте 1522 года он начал масштабную государственную кампанию по оценке богатства каждого отдельного подданного и боевого потенциала каждого мужчины; это было весьма характерно для его прямолинейного и всеохватного стиля правления. Взимаемые налоги именовались «займами», но в действительности так никогда и не были возмещены. Два месяца спустя граф Суррей вторгся в Северную Францию с большим войском, но так и не добился никаких результатов. Карл отплыл в Англию и был официально обручен с принцессой Марией. Во время путешествия вверх по Темзе от Грейвсенда до Гринвича императорские ладьи были украшены благоухающими «ароматическими травами», чтобы заглушить дурные запахи, доносившиеся с реки.

Весной следующего года был созван парламент, чтобы обсудить, по словам Уолси, вопрос «великого вторжения во Францию» или скорее спонсирования этой военной кампании. «Еще никогда ни в одном парламенте, – писал один из современников, – я не был свидетелем столь

⁹ Дочь Генриха VIII и Екатерины Арагонской, королева Англии в 1553–1558 гг. Родилась в 1516 г. За гонения на англиканскую церковь вошла в историю под именем Марии Кровавой.

¹⁰ Матильда (1102–1167), дочь короля Генриха I и внучка Вильгельма Завоевателя, была королевой Англии в 1141 г.

напряженных трений и канители из-за уплаты двух шиллингов с фунта, какие устроила палата общин. Вопрос обсуждали вдоль и поперек пятнадцать или шестнадцать дней подряд...» Введение налога на земельную собственность стало «неслыханным доселе» прецедентом. Спикер палаты Томас Мор силой своего невозмутимого убеждения добился принятия законопроекта.

Именно на этом собрании парламента внимание присутствующих впервые привлек к себе Томас Кромвель. На тот момент он уже был торговцем и клерком, красильщиком тканей и ростовщиком – разносторонняя деятельность, свидетельствующая о его сноровке и мастерстве на всех жизненных поприщах. Вскоре он также поступил на службу адвокатом в Грейс-Инн. В речи, обращенной к коллегам, Кромвель изъявил желание «выразить свое скромное мнение». Он убеждал короля остаться в Англии и не рисковать своей жизнью ради французских кампаний; он призывал к осторожности и бдительности в поддержании линий снабжения «продовольствием». В заключение он высказал мысль, что Шотландия должна быть основной целью королевской армии, сославшись на старую максиму «тот, кто вознамерился завоевать Францию, пусть начнет с Шотландии».

Парламентские дебаты не воодушевили Кромвеля. В письме одному из друзей он сетовал, что «целых шестнадцать недель мы обсуждали войну, мир, борьбу, разногласия, полемику, ропот, затаенные обиды, богатство, бедность, нужду, правду, обман, правосудие, справедливость, обман, притеснения, великодушие, действия, силу... со всем нашим энтузиазмом, но вернулись туда, с чего начали». Впрочем, он признал, что палата общин выделила королю «весьма крупную субсидию, подобных которой еще никогда не предоставляли в нашем королевстве».

И вот летом 1523 года великая кампания началась. Десять тысяч человек отплыли в Кале под командованием Суффолка, партнера Генриха по рыцарским турнирам. В своем великолепии, равно как и в размере талии, Суффолк был под стать монарху. Он намеревался взять в осаду Булонь и таким образом заполучить еще один порт для Англии. Однако король и кардинал убеждали его идти на Париж и с помощью Карла V и других союзников разрушить сердце Франции. Однако война капризна и переменчива. Союзники попали в плен, или были окружены, или бежали с поля боя. Дождь, слякоть и болезни сократили численность английских сил за пределами Парижа, и в конце концов они были вынуждены отступить.

В водовороте этой войны неизбежным было возникновение необъяснимых промахов и коллизий. Итальянские города-государства эпохи Возрождения, истинная причина конфронтации между Франциском и Карлом, стояли перед лицом серьезной угрозы. Шотландия угрожала вторжением в тандеме с войсками Франции, ее давней союзницы, а пока европейские монархи воевали друг с другом, турки вплотную приблизились к своей цели – завоеванию восточных территорий Европы. Никто не мог разглядеть путь в этих потемках, потому что, по правде говоря, никакого пути и не было. Это была изнурительная череда битв и осад, вторжений и отступлений, после которой соотношение сил между участниками практически не изменилось.

Тем не менее история запомнила еще один всполох боевого пыла. В начале 1525 года испанская императорская армия одержала сокрушительную победу в битве при Павии, взяв в плен короля Франции и наголову разбив большую часть его знати. Воодушевленный Генрих строил планы очередной большой коалиции с Испанией с целью, как он выразился, «получить полную сатисфакцию от Франции». Карл V не был расположен делиться выигрышем. Став властителем всей Европы, он куда менее нуждался в поддержке Генриха. Однако английский король продолжал мечтать и плести интриги.

Вместе с Уолси Генрих намеревался изыскать средства на новую кампанию путем принудительного займа, названного «добровольным пожертвованием». Ничего добровольного, впрочем, в нем не было. На основании королевской прерогативы с мирян взималась одна шестая часть их состояния, а с духовенства – одна четвертая. Однако английский народ устал от войны, которая велась лишь в угоду стремлению Генриха к чести и славе. Война ставила под угрозу

торговые отношения между европейскими странами и, искусственно повышая цены на основные товары вроде мяса и напитков, разрушала национальную торговлю и промышленность. Поскольку солдат в Англии набирали в основном из числа земледельцев, их призыв самым отрицательным образом сказался на развитии сельского хозяйства. Возможно, война и отвечала интересам короля, однако явно не велась во благо страны. Да и какой прок был от вторжения и завоевания Франции? Один из сочинителей баллад посвятил Уолси несколько хулильных строк:

Твоею виной многие сводят концы с концами,
И торговле все пути ты перекрыл,
Оттого народ наш горюет и рыдает¹¹.

Из-за войны страдала коммерция. Большая часть внешней торговли осуществлялась через Антверпен, где основным английским экспортом была суконная ткань мануфактур. Жители Фландрии говорили, что «если бы отцов англичан вздернули на городских воротах Антверпена, их дети проползли бы у них под ногами, чтобы попасть в город». Объем торговли сукном вырос вдвое за время правления Генриха, что способствовало росту авторитета и влияния гильдии экспортеров сукон, известной как «Купцы-авантюристы». Начиная с этого периода, таким образом, мы можем говорить о возвышении английского купца. Все, что угрожало или препятствовало торговле, считалось предосудительным.

Как следствие, население королевства оказывало открытое, а порой и насильственное сопротивление новым налогам: в Суффолке четыре тысячи человек взяли за оружие, а в Кенте избили сборщиков податей. Жители Лондона отказывались платить, считая поборы незаконными. В Кембридже и Линкольншире недовольные искали «повода учинить протест». Когда герцог Норфолк потребовал привести к нему вожака бунтовщиков в своем графстве, ему ответили, что «имя ему – Бедность, ибо именно она и ее сестра Нужда сподвигли нас на эти деяния».

Угроза еще одного масштабного бунта, вроде восстания Уота Тайлера в 1381 году, была слишком велика. Подобное восстание вот-вот должно было начаться в Германии, погрязшей в пучине насилия и хаоса; триста тысяч мятежников ополчились против власти, и в борьбе погибли сто тысяч крестьян¹². И король решил пойти на попятную. Генрих обнародовал прокламацию, где отрицал любую причастность к налоговым сборам; затем он благосклонно освободил народ от уплаты податей и даровал помилование мятежникам. Он извлек урок из своего опыта, осознав ограниченность королевской власти. И тем не менее основную вину за случившееся возлагали на кардинала. По словам одного летописца, «конца-краю было не видать той затаенной злобе и ненависти, которую народ питал к прелату». Генрих прекрасно понимал, что Уолси не оправдал ожиданий. Это уже была не та спокойная и беззаботная страна, которую он унаследовал при восхождении на престол. А кардинал... что ж, он был всего лишь одним из многих.

Фальшивая громогласность военной политики обнаружилась еще сильнее, когда в 1525 году кардинал начал изучать возможности коалиции с Францией против давнего союзника – Испании. Карл сосредоточил в своих руках достаточную власть, чтобы теперь представлять собой угрозу. Соглашение «о вечном мире» было заключено с Францией тем же летом, всего лишь через полгода после того, как кардинал предложил начать против нее великую войну. Карл V потребовал аннулирования своей помолвки с юной принцессой Марией. Все сошло на нет. Все нужно было начинать заново.

¹¹ By thee out of service many are constrained / And course of merchandise thou hast restrained / Wherefor men sigh and sob.

¹² Речь идет о Крестьянской войне в Германии 1524–1525 гг., ставшей одним из следствий и этапов Реформации.

Помимо военных дел Генрих предавался делам сердечным. Он был, по его словам, «поражен стрелой амура». В 1526 году на воду спустили новый корабль, названный «Анна Болейн». Весной того же года королевские ювелиры изготовили для него четыре броши для подарка некой леди. Одна из них представляла собой богиню Венеру, а другая изображала девушку и сердце; на третьей мужчина преклонял голову на колени женщины, а на четвертой красовалась та же женщина с короной на голове. Окружающие отмечали, что в тот период монарх был более темпераментным и энергичным, чем обычно. Новообретенная дружба с Францией стала предлогом к бесчисленному количеству пиршеств, званых обедов, рыцарских турниров и зрелищ. Летом 1526 года Генрих со всей страстью и неистовством предавался охоте. Он жаждал выигрыша.

Он начал писать Анне Болейн письма на французском – языке куртуазных ухаживаний. Один из историков, живших в XVIII веке, так отозвался об этих письмах: «Весьма дурно написаны, почерк едва разберешь, а французский кажется безграмотным». Тем не менее они выполнили свою задачу. Первое было вручено вместе с оленем, подстреленным королем накануне, а немного спустя последовало и второе, где он благодарил возлюбленную: «...сердечно за то, что изволишь изредка вспоминать обо мне». Это послание не назовешь традиционным письмом короля своей даме сердца.

В следующем письме Генрих признался, что сбит с толку ее чувствами: «Умоляю тебя всем сердцем, поведай мне, не тая, все свои сокровенные мысли о любви нашей». Затем он обещал, что она будет «единственной возлюбленной моею, и я вычеркну из мыслей и сердца всех других, кроме тебя, чтобы лишь тебе одной служить». Однако Анна Болейн уже уехала в родовое поместье Хивер в графстве Кент и отказывалась возвращаться ко двору. «Мне ничего не остается, как сетовать на свою горестную судьбу, – писал он ей, – усмиряя мало-помалу мое неистовое безрассудство». Несомненно, Генрих испытывал к ней всепоглощающую страсть, а она, в свою очередь, делала все возможное, чтобы удержать его привязанность, не охлаждая чувств. Задача эта давалась непросто и, должно быть, чуть не довела ее до нервного истощения.

В другом письме Генрих убеждал возлюбленную, что «ничего на свете так не желает, как встречи с тобой; ведь нет в мире радости большей, чем быть рядом с той, кого горячо любишь». Как же мягко отказать великому и могущественному королю? Анна отправила ему бриллиант, украшенный изображением леди на своем корабле. Девушку бросало из стороны в сторону на бурных волнах, однако бриллиант символизировал непоколебимое и твердое сердце.

Екатерина оказалась отодвинута на задний план. После соглашения с Францией отпала необходимость снискивать расположение ее племянника Карла V. Когда трое из ее испанских фрейлин пожаловались на то, что Генри Фицрою, незаконнорожденному сыну Генриха, был дарован титул герцога, их удалили от двора. Уолси вскрывал и прочитывал письма Екатерины. Кардинал или сам король тайком приставили к ее свите шпионов. Уолси настоял, что его присутствие необходимо при любой аудиенции между королевой и делегатами Карла. Неудовольствие Генриха, впрочем, не распространялось на дочь, которой, возможно, еще предстояло стать королевой Англии. У Марии был теперь свой двор с более чем тремястами слугами; за обедом она могла выбирать из тридцати пяти разных блюд. Она занималась охотой, в том числе соколиной, играла в карты и кости.

Конечно, всегда существовала возможность родить сына. Справедливо предполагать, что поначалу Генрих намеревался сделать Анну своей любовницей, однако после первых порывов безрассудной страсти решил, что она должна стать его женой. Анна Болейн в качестве невесты могла обеспечить будущее королевской династии. Без сына же, как Генрих утверждал чуть позже, королевство бы объяли «смута и злосчастья». Его сомнения по поводу союза с Екатериной Арагонской были, безусловно, истинными. Им не руководила одна лишь слепая страсть к Анне Болейн. Если он женился на Екатерине вопреки запрету вступать в связь с вдовой брата своего, как гласит Книга Левит, то, возможно, он действительно накликал на себя проклятие.

Теперь его долгом было добиться признания первоначального разрешения на брак недействительным, чтобы он мог впервые заключить брак по всем правилам. Папа римский не мог да и не должен был пренебрегать богоданным законом, установленным в самой Библии. Совесть короля была серьезным вопросом; Генрих использует это слово во многих из своих писем как способ самооправдания перед Богом. Однажды он заявил, что совесть есть «высший и важнейший суд, мерило воздаяния и справедливости». Он знал, что был прав.

Таким образом, весной 1527 года Генрих предпринял первую попытку убедить папу Климента VII аннулировать брак с Екатериной. Жене он сообщил, что лишь изучает вопросы, поднятые некоторыми адвокатами и богословами. В этот момент она расплакалась и поклялась, что ее брачный союз с принцем Артуром никогда не был официально узаконен. Она прекрасно понимала, к чему все идет. В мае 1527 года Уолси призвал короля предстать перед ним и архиепископом Кентерберийским, чтобы обсудить статус его брака. Это был постановочный маневр, поскольку король уже распорядился, чтобы кардинал объявил союз с Екатериной недействительным. Однако, будучи папским легатом, Уолси не мог принять такое решение, не представив вопрос папе. Он прервал рассмотрение дела и объявил, что ему необходимо навести больше справок. Этим ознаменовалось начало всех тех бед, которые в конечном итоге привели к разрыву с Римом.

Уолси не был до конца уверен в том, кто является невестой короля. Он полагал, что это будет дипломатический брак – возможно, с кем-то из французского королевского дома. Анна Болейн казалась ему всего лишь очередным увлечением короля. И вот в этот раз Генрих скрыл свои истинные намерения от Уолси; воспользовавшись отсутствием кардинала, отбывшего с дипломатической миссией во Францию, король отправил одного из своих секретарей в Рим с проектом папской буллы, разрешающей королю брак с другой, неназванной женщиной, с благословения и санкции церкви. Секретарю король сообщил, что все должно оставаться в тайне, «дабы избежать козней со стороны кардинала или кого бы то ни было». Это многозначительное упоминание главного королевского министра подразумевало, что их первоначальным близким отношениям пришел конец. Генрих начал привлекать ученых и богословов для исследования всех прецедентов и печатать трактаты, отстаивавшие его позицию. В определенный момент в 1527 году началась работа над сбором и обобщением аргументов в пользу развода; Генрих назвал эту серию доводов *Liber noster*, или «Наша книга».

За этим последовал процесс бесконечных фальстартов, тщетных надежд, запутываний вопроса и проволочек, сбивших короля с толку и лишивших его присутствия духа. Екатерине Арагонской удалось поставить в известность своего племянника Карла V об опасностях сложившейся ситуации. В мае войска Карла подвергли Рим варварскому разграблению, а папа фактически стал узником замка Святого Ангела. Если сам понтифик находился во власти Карла, то каковы были шансы успешно уладить вопрос с браком тетки императора? Бракоразводный процесс теперь стал частью более масштабных действий.

В мае 1527 года юная принцесса Мария танцевала перед отцом на торжественном ужине. Движения церемониальных танцев всеми воспринимались как своего рода аллегория, а финальный реверанс был жестом «благоговейного страха, любви и почтения». В следующем месяце король официально отрекся от супружеского ложа; испанский посол, несомненно проинформированный самой Екатериной, признался, что король «заявил ей, что они жили в смертном грехе все эти годы, проведенные вместе». Она разрыдалась, а Генри пытался успокоить ее, говоря, что все в конечном итоге обернется к лучшему. Он умолял ее сохранить все в тайне, но было уже слишком поздно. Слухи о расторжении брака скоро разлетелись по всему королевству. По словам посла, королевский развод «приобрел такую же огласку, как если бы о нем объявил городской глашатай». Народ, разумеется, встал на сторону королевы, с которой обошлись несправедливо, и отказывался верить, что король способен упорствовать в столь «нечестивых» деяниях. Королева тем временем сохраняла свой статус при дворе и сидела

подле мужа во время торжеств и церемоний, улыбаясь и излучая, как казалось, жизнерадостность. «Прекрасно видеть ее храбрость, – говорил герцог Норфолк, – кажется, ничто не может ее утратить».

Вопрос королевского брака без конца обсуждался в Риме. Папа Климент сослался на незнание канонического права одному из послов Уолси, на что тот ответил, что весь свод канонических законов заперт в душе его святейшества. «Возможно, это так, – сказал папа, – но, увы, Господь забыл дать мне ключ от этого хранилища». Тем не менее к концу 1527 года, после долгих промедлений, он наконец дал согласие на то, чтобы кардиналы Уолси и Кампеджио изучили все факты и вынесли вердикт без возможности обжалования. Кампеджио был выбран потому, что являлся вторым и младшим папским легатом по делам Англии. Уолси безотлагательно написал ему и попросил поспешить с приездом из Рима. «Надеюсь, – говорил Уолси, – все будет исполнено согласно воле Божьей, желанию короля, спокойствию королевства и нашей чести, с чистой совестью». Затем он зачеркнул последние три слова. У кардиналов церкви совесть всегда была чиста. Папа, по-прежнему находясь в плену у Карла, дал Кампеджио указание как можно дольше затягивать дело, чтобы вердикт по королевскому браку никогда не был вынесен. Кардинал согласился и стал не спеша строить планы поездки в Англию.

В начале 1528 года Анна Болейн отправила Уолси письмо, где благодарила его за «труды и хлопоты, которыми вы утруждали себя денно и нощно ради моего блага». Во втором письме она утверждала, что «из всех живущих ныне я как никто обязана, после его милости короля, любить и служить вашей милости». Очевидно, что в их общих планах с Генрихом было сделать ее королевой. Однако в реальности не все оказывалось тем, чем представлялось. Через три месяца после своего прибытия в Англию Кампеджио доложил в Рим, что кардинал «в действительности не благоволит этому союзу»; он «не осмеливается открыто это признать и не может никак помешать делу; напротив, ему приходится скрывать свои чувства и притворяться, что охотно исполняет желания короля».

В личных беседах с Кампеджио Уолси просто пожимал плечами. «Мне приходится угождать королю, – сказал он ему, – какими бы ни были последствия. Со временем найдется решение». Возможно, Генрих начал подозревать Уолси. В тот период он стал показывать письма своего главного министра другим членам Королевского совета, среди которых был и отец Анны Болейн. Уолси все глубже затягивало в ловушку, из которой он никогда не сможет выкарабкаться. Как-то раз, в 1528 году, окружающие стали свидетелями, как король разговаривал с кардиналом, «бранясь и ругаясь», оставив его в расстроенных чувствах и смятении. Когда Уолси назначил новую настоятельницу одного из монастырей в обход протестам короля по поводу выбора кандидатуры, Генрих написал кардиналу гневное письмо в ответ на его извинения. «Ваше преосвященство, плохо обойтись с человеком, да и еще и покривить душой при этом – двойное оскорбление... а потому, ваше преосвященство, впредь не допускайте подобного по отношению ко мне, ибо пуще всех живущих я этого не терплю». Эти слова в общем смысле можно было трактовать как предупреждение.

Весной 1528 года королевская семья вместе какое-то время гостила в родовом поместье Уолси Титтенхенгер, возле Сент-Олбанса. Принцесса Мария вспоминала, что это были счастливые дни. Тем не менее в том же году сообщили, что брак между Генрихом и Анной Болейн был «доподлинно определен» и уже шли приготовления к свадьбе. Уолси тогда писал, что, если папа не подчинится желаниям и планам короля, «я предвижу погибель, бесчестие и крах всего величия и авторитета Святого престола». В этом, по крайней мере, он оказался прав.

5. В суд

Угроза папскому правлению проистекала и из других источников. За трактатами Лютера, контрабандой провозимыми в Англию после того, как его заклеили еретиком, последовал перевод Нового Завета Уильямом Тиндейлом. Тиндейл был молодым клириком, разочаровавшимся в напускном великолепии и мощи церкви; аскет и ученый от природы, он инстинктивно тяготел к более чистой вере, ассоциированной с лоллардами и «новообращенными», которые уже тогда провозглашали новое учение Лютера на тайных молебных собраниях.

Он не смог найти работу в Лондоне после переезда туда из Кембриджа и отправился в Германию в поисках более терпимой атмосферы. Именно там он перевел Священное Писание с оригинальных текстов, написанных на греческом и иврите. Рассказывали, что содействие с переездом ему оказывали немецкие купцы, проникшиеся учением Лютера.

Приехав в Виттенберг, он принялся за перевод греческого на простой и достойный английский – язык, который был бы одинаково понятен и сельскому жителю, и ученому. Более ортодоксальные клирики считали, что Писание является слишком священным текстом, чтобы отдавать его в руки мирянам, и что любая его интерпретация должна осуществляться под строгим надзором духовенства. Они также считали, что греческие слова являются сами по себе священными и перевод их только осквернит.

Именно в этом – в изменении значения некоторых важных понятий – заключалось самое серьезное прегрешение Тиндейла. Вместо «церкви» употреблялось слово «конгрегация», вместо «священника» – «старший священнослужитель»; «епитимья», «милосердие», «благодать» и «исповедь» были опущены. Позже Тиндейл отмечал: «Я никогда сознательно не исправлял ни единого слога в Слове Божьем», однако представителям церкви было вполне очевидно, что на его сознание сильно повлияли труды Мартина Лютера. В действительности Тиндейл отвергал роль церкви в решении духовных вопросов и верил в невидимый сонм верующих, известных одному Богу. Он также включил перевод лютеровского «Предисловия к Посланию св. Павла к римлянам», и один молодой человек, Роберт Пламптон, писал своей матери: «Если вам будет угодно прочесть это предисловие, вы увидите, какие удивительные откровения в нем скрыты». Английская Библия стала сенсацией и откровением; ее перевод явился достижением, намного превосходящим все труды «новой» теологии и памфлеты с антиклерикальными изысканиями. Она попала точно в цель, словно как если бы Божественная истина была наконец раскрыта. Библия перестала быть тайным и мистическим текстом, короткие выдержки из которого невнятно бормотали священники; теперь она в буквальном смысле слова стала открытой книгой.

Книгу напечатали в вольном городе Вормсе, на реке Рейн, и вскоре она оказалась в Англии, где стала тайно распространяться среди жителей. Копии продавались за 3 шиллинга 2 пенса¹³. По словам епископа Лондона, книга представляла собой «глетворную и губительную отраву», и зимой 1526 года ее торжественно сожгли на церковном дворе собора Святого Павла. Впервые в истории Лондона Священное Писание было предано огню. Прелаты сожгли бы и Тиндейла тоже, если бы смогли отыскать его. Епископ Лондона выкупил и сжег весь тираж книги, имевшийся в Антверпене – главном поставщике, слишком поздно осознав, что вложил деньги в карманы типографщиков, тем самым предоставив им прекрасную возможность отпечатать новый тираж.

Небольшие группы жителей с лондонских улиц Коулман-стрит, Хозиер-Лейн и Хани-Лейн с энтузиазмом восприняли новый перевод, а некоторые из них были храбры настолько,

¹³ В тогашнем шиллинге было 12 пенсов. Один фунт стерлингов состоял из 20 шиллингов, или 240 пенсов. Таким образом, книга стоила 38 пенсов, или чуть меньше $\frac{1}{6}$ фунта ($\frac{38}{240} = \frac{19}{120}$).

чтобы провозглашать собственные убеждения. Реформаторы, которых иногда называли «евангелистами», воспользовались преимуществами печатного станка и стали выпускать тексты, памфлеты и трактаты на тему религиозной реформы. В качестве королевского советника Томас Мор возглавил облаву на ганзейских купцов, проживавших в здании, известном как Стил-Ярд. «Нет никаких оснований волноваться из-за нашего прихода, – сказал он торговцам, когда те усаживались за обеденный стол. – Мы получили достоверные сведения, что у многих из вас есть книги Мартина Лютера». Он даже обвинил некоторых в провозе этих книг в страну. Трех купцов немедленно арестовали, а восемь других предстали перед Уолси.

В начале 1526 года Роберта Барнса обвинили в проповедовании ереси после того, как он во всеуслышание подверг обличительной критике роскошь и богатство духовенства с кафедры церкви Святого Эдуарда в Кембридже. Его заставили предстать перед кардиналом.

Уолси. Неужто было бы лучше мне, в моем почтенном и благородном положении, продать свои жезлы и секиры и раздать деньги пяти или шести нищим, чем радеть во имя всеобщего блага королевства, как это делаю я? Не считаешь ли ты, что благо народа важнее, чем судьба пяти или шести нищих?

Барнс. Продажа этих вещей может стать спасением души вашей милости, а что до народа – то, как вашей милости прекрасно известно, народ существовал и до вашей милости и будет существовать после того, как вашей милости не станет. В своей проповеди я лишь бесчестил непомерную роскошь и чопорность всего внешнего убранства.

Уолси. Что же, слова твои очень красноречивы.

Когда кардиналу сказали, что Барнса «можно вернуть на путь истинный», тот пообещал «проявить к нему доброту». В последовавшем письме королю Барнс охарактеризовал себя как «бедного ничтожного человека, который и кошку не тронет». Однако он заявил, что «некоторые люди сродни собакам; если какой-нибудь человек, который им не земляк, которого они не любят или не знают, скажет вопреки что-нибудь, то тотчас же они закричат “Еретик, еретик, в огонь, в огонь!”». Это и есть собаки, которые страшатся истинных проповедников». Барнс не отправился в огонь. Его привели в собор Святого Павла 11 февраля и заставили встать на колени в проходе. На возвышении, на золотом троне перед ним восседал кардинал в окружении восемнадцати епископов и восемнадцати аббатов и священнослужителей. К спине у него были привязаны охапки хвороста: дерево символизировало языки пламени, пылающего вокруг столба. Осенью того же года все более широкое распространение тиндейловского Нового Завета побудило епископа Лондона опубликовать очередное официальное предупреждение о чтении еретических книг.

Допрос Роберта Барнса имел весьма любопытное продолжение. Он находился под своеобразным «домашним арестом» в монастыре городка Нортгемптон, где один из его друзей разработал план побега. Барнс написал кардиналу письмо, в котором заявил, что крайнее отчаяние вынуждает его утопиться и покончить с жизнью; он обозначил место, а затем сложил кипу одежды на берегу реки. Он также оставил другое письмо для мэра Нортгемптона с просьбой обыскать реку; он упомянул, что написал кардиналу личное письмо, которое сургучом привязано к его шее. Реку должным образом исследовали, и, несмотря на отсутствие тела, за границей опубликовали долгожданные известия о том, что еретик утопил себя от отчаяния. А Барнс тем временем тайком прибыл в Лондон в обличье «бедняка» и оттуда на корабле отправился в Нидерланды, где сочинил два трактата под именем Антониуса Англуса.

Сведомые становились все более серьезной угрозой для тех, кто был убежден в опасности их учений, например для Томаса Мора. Осенью 1527 года один кембриджский ученый, Томас Билни, в своих проповедях критиковал религиозные обряды, связанные с некоторыми образами Девы Марии и святых; они представляли собой не что иное, как неодушевленные исту-

каны. Разъяренная толпа прихожан дважды прогоняла его с кафедры. И все же он продолжал упорно атаковать то, что называл идолопоклонством и «показным богослужением». «Святым на небесах не нужен свет, – говорил он, – а у изваяний нет глаз, чтобы видеть». Его заставили предстать перед епископом Лондона и публично отречься от своей веры. Однако на этом дело не закончилось. Он вернулся к своим прежним неортодоксальным убеждениям и в конечном итоге был сожжен в «Лоллардской яме» недалеко от Нориджа. «Маленький Билни», как его называли, стал одним из первых протестантских мучеников.

Другой предполагаемый еретик из Кембриджа, Джордж Джой, был вызван к Уолси. Его попросили прибыть в «присутственную комнату» для допроса, однако он никогда прежде не слышал этого названия. «Мне было немного неловко спрашивать, и я зашел слева, пошел по длинному коридору и наконец наткнулся на дверь, постучался и открыл ее; заглянув вовнутрь, я обнаружил, что это кухня. Затем я вернулся в прихожую и осведомился о присутственной комнате – кто-то жестом указал мне на лестницу». Возможно, этот факт и малозначителен, однако он дает представление о том страхе и трепете, которые охватывали человека, не привыкшего к допросам или судам.

Через три месяца после свершения правосудия над Билни церковь принялась за целенаправленную работу по поиску и задержанию еретиков. В домах подозреваемых торговцев проводили обыски. Тщательные проверки устраивали среди кожевников и портных, сапожников и печатников. Оксфордского ученого Томаса Гарретта задержало для допроса руководство университета. Своему другу он поведал, что «дни его сочтены». Его главный дознаватель, доктор Лондон, по описаниям очевидцев, «горячился, рывкал и шумно пытался, словно хищный лев, выискивающий добычу». Гарретту удалось совершить побег, никто не знал куда. Доктор Лондон обратился к астрологу, который сообщил ему, что подозреваемый «скрылся в юго-восточном направлении, облачившись в пальто бурого цвета». В действительности Гарретта поймали в Бедминстере, на южном берегу реки Эйвон, а надет на нем был «костюм придворного и шапка с пуговицами».

В результате показаний Гарретта был проведен обыск в комнатах других ученых, обнаруживший более ста запрещенных книг. Шесть оксфордцев провели несколько месяцев в заточении в рыбном погребе Кардинальского колледжа, собственного создания Уолси, и, по сообщениям, трое из них умерли. Немаловажен тот факт, что все члены этой «новоявленной братии», как Мор называл их, принадлежали университетскому сообществу; они формировали небольшое студенческое братство, однако власти боялись, что их вопросы и мнения могут просочиться в более широкие слои населения. Они тем не менее составляли меньшинство, и их убеждения, вероятно, не распространялись далеко за пределы университетских стен. Понадобился стимул, «веская причина», коей явился королевский развод, чтобы ускорить религиозную реформу.

Кардинал Кампеджио, назначенный папой для рассмотрения дела, отправился в утомительное и тягостное путешествие в Англию летом 1528 года; он страдал от подагры и делал множество остановок по пути. Его ждали с нетерпением, и, как только он разместился в Бат-Хаус по приезде в Лондон, Уолси тотчас же нагрянул к нему с визитом. «Они не потерпят промедления, – сообщал Кампеджио в Рим, – ссылаясь на то, что дела в королевстве зашли в тупик и что если вопрос не получит развязки, то это чревато неизбежными и бесчисленными опасностями». К сожалению, ему было поручено затянуть решение проблемы всеми возможными способами.

Вскоре ему устроили аудиенцию у короля в Блэкфрайерс, где кардинал посоветовал «воздержаться от попыток исполнить поручение»; если на то будет необходимость, папа дарует Генриху новое разрешение связать себя узами брака с Екатериной. Король терпеливо слушал, после чего произнес в ответ «заранее отрепетированную», как сказал Кампеджио, речь об абсолютной недействительности брака. Было очевидно, что король не собирается уступить. Кампе-

джио затем высказал предположение о возможности отослать Екатерину в монастырь; если бы она стала невестой Бога, Генрих был бы волен жениться вновь.

С этими намерениями Кампеджио и Уолси нанесли визит королеве, которая после долгих раздумий отказалась от их предложения. «Я намереваюсь, – заявила она, – жить и умереть в брачном союзе, к которому призвал меня Господь. Я всегда останусь при этом мнении и никогда не изменю его». Перед лицом столь немыслимого давления ее достоинство и самообладание были поистине удивительны. На фоне сложившегося положения дел Рим вновь повторил, что никакие заявления или действия невозможны «без нового четкого поручения с его стороны».

Угроза Екатерине приняла более четкие очертания. На Королевском совете сослались на якобы раскрытый заговор, целью которого было отравить короля и кардинала; в связи с этим королева получила письмо с предупреждением, что «если она приложила к этому руку, то пощады может не ждать». Это была довольно неуклюжая и провальная попытка подчинить ее. Совет пожаловался, что «она слишком проявляла себя в заграничных визитах, любезничала, благосклонно кивала, чего раньше за ней не замечалось, и изучала нравы людей». Однако жители Лондона уже были на ее стороне. Уолси приказал провести обыски среди населения на предмет аркебузов и арбалетов – атрибутов восстания. Ситуация достигла критической точки, что еще больше усугубилось неожиданным обнаружением так называемого испанского бреве – очередного папского разрешения на брак Екатерины и Генриха.

Одна за другой тянулись осенние и зимние недели, не принося никакого результата; Анну Болейн и Генриха все больше одолевало раздражение и нетерпение. Король был одурманен ею; он гостил в ее дворце в Гринвиче и осыпал украшениями и другими подарками. «Король ослеп от любви, – писал Кампеджио в Рим, – он ни о чем думать не может, кроме Анны». В досаде и волнениях они обратили свой гнев против кардинала. Уолси, в свою очередь, упрекал Кампеджио и грозился, что, если не предпринять никаких действий, разразится такая буря, что «смерть покажется раем». Один из королевских послов, Стефан Гардинер, встал на колени перед папой. «Ты, кто должен быть столь же прост, как голуби, – заявил он ему с неслыханной бесцеремонностью, – полон обмана, коварства и лицемерия». Папа сообщил Генриху, что не может ничего решать, не выслушав сначала аргументы обеих сторон, а весной 1529 года сэр Фрэнсис Брайан, двоюродный брат Анны Болейн, написал из Рима, что «тот, кто заставил Вашу милость поверить, якобы он позаботится об этом вопросе, оказал Вашей милости дурную услугу». Он со всей очевидностью намекал на кардинала. Сам Уолси говорил своим личным слугам, что намерен, насколько будет в его силах, разобраться с ситуацией, а затем добровольно удалиться на покой и посвятить себя духовным делам. Так или иначе, он прекрасно осознавал, что его конец, возможно, уже близок.

В последний день мая 1529 года в парламентском зале Блэкфрайерс был созван легатский суд под руководством Уолси и Кампеджио; король и королева остановились неподалеку во дворце Брайдуэлл и перешли по деревянному мосту через реку Флит, чтобы присутствовать на судебном процессе. Они оба получили требование явиться в суд в пятницу 18 июня, но за два дня до этого Екатерина попросила аудиенции с архиепископом Кентерберийским и восьмью епископами; она опротестовала саму идею судебного разбирательства и заявила собравшимся, что хочет передать дело в Рим. Это бы гарантировало нескончаемую вереницу прений и допросов. Она также выразила официальный протест двум кардиналам в Блэкфрайерс, обвинив их в некомпетентном исполнении своих судебных обязанностей.

В назначенный день король и королева явились в легатский суд, где Генрих занял свое место под балдахин. Затем Кампеджио произнес речь на тему «неприемлемости прелюбодеяния, или, вернее, инцеста», по которой им сейчас нужно вынести решение.

- Генрих, король Англии, предстань перед судом!
- Присутствует, – ответил он.
- Екатерина, королева Англии, предстань перед судом!

Она молча встала и подошла к королю, оставив позади небольшой круг советников и адвокатов; она встала перед ним на колени и заговорила так, чтобы все собравшиеся могли слышать. «Я бедная женщина, чужая в ваших владениях, – я не могу рассчитывать ни на хорошего адвоката, ни на беспристрастных судей. Все эти годы я была вам верной женой и желаю знать, чем я могла вас обидеть». Затем она заявила о своей невинности до союза с королем и о том, что родила ему нескольких детей (лишь один из которых, как уже известно, выжил). «Если я в чем-либо перед вами провинилась, то приму свое позорное изгнание». Она добавила, что ни один адвокат в Англии не захотел бы – или не смог – открыто заступиться за нее. «С вашего позволения я удаляюсь до тех пор, пока не получу новостей из Испании». С этими словами она встала, сделала низкий реверанс королю и покинула зал суда. Кардиналы кричали ей вслед, но она не ответила на оклики.

Затем король обратился к собравшимся и заявил, что Екатерина всегда была ему верной и послушной женой. Уолси встал и опроверг сообщения о том, что он был инициатором бракоразводного процесса. Король поддержал его слова и признался, что за этим шагом стоят его собственные угрызания совести. Если бы этот союз признали законным, он с радостью продолжил бы жить в браке с королевой. Мало кто из присутствующих в суде поверил ему.

В последующие дни заслушивались показания нескольких свидетелей, главный из которых клятвенно утверждал, что Екатерина и принц Артур консумировали свой брак после венчания. Придворные слышали, как, покидая покои жены на следующее утро, Артур сказал: «Всю ночь напролет я словно был в Испании». Один из сторонников Екатерины, Джон Фишер, епископ Рочестера, возмущился такими «скабрёзностями, звучащими в зале суда». Уолси резко осадил его, после чего последовала разгоряченная полемика.

Карл V отправил посла в Рим с сообщением, гласившим, что вынесение вердикта против его тетки станет великим позором для семьи. Он настаивал, чтобы вопрос был «делегирован» или возвращен в Рим для более беспристрастного разбирательства; он обязался утвердить ближайших членов семьи папы в качестве правителей Флоренции. Посредник Уолси, доктор Беннет, припал к ногам папы и в слезах заявил, что «короля и всю Англию ждет неминуемый конец». И представить было нельзя, чтобы его господин явился в римский суд в качестве просителя. Папа Климент стенал и умолял о смерти. 9 июля он собрал английских послов и объявил, что слушание переносится в Рим. «Я оказался между молотом и наковальней, – сказал он. – Я не могу отказаться выполнить требования императора, чьи войска вплотную окружили меня».

Тем временем Кампеджио затягивал процесс вынесения решения целым рядом отсрочек и процессуальных вопросов. К пятнице 23 июля казалось, развязка близка, однако в тот день Кампеджио отложил заседание суда до октября под предлогом необходимости соответствия римской системе правосудия. Он надеялся, что к тому моменту, возможно, суд вынесет положительное решение. Герцог Суффолк был в числе тех, кто открыто выражал недовольство. «Но клянусь мессой, – сказал он, – теперь я вижу, что правду говорила людская молва, ничего хорошего доселе не видела Англия от этого кардинала!» Несколько дней спустя король получил письмо от папы, где сообщалось, что дело было передано в Рим. Неспособность легатского суда вынести положительное для Генриха решение стало поворотным моментом в карьере Уолси. Вполне очевидно, что он более не управлял делами государства; свое последнее распоряжение о получении королевского жалованья он подписал 18 июля, а 27 июля отправил последнее письмо английскому послу.

Уолси еще не отстранили от дел, однако на его плечи уже спустилась тень. Анна Болейн написала ему гневное письмо, в котором обвиняла его в тайной поддержке Екатерины; теперь она могла полагаться лишь на небеса и на короля, «дабы вновь навести порядок во всех тех замыслах, что вы успели разрушить и испортить». Один из приглашенных на королевский званый ужин услышал разговор между Анной и королем и доложил его впоследствии церемоний-

мейстеру кардинала: «Найдись в королевстве хоть один вельможа и сделай он хоть половину того, что учинил кардинал, то не сносить ему головы».

Королевским советом было подготовлено досье, перечислявшее все провалы кардинальского служения; этот отчет о гордыне, расточительстве и безрассудстве подписали тридцать четыре члена совета. Французский посол не сомневался в их истинных намерениях. «Эти господа, – писал он, – хотят уничтожить Уолси или же отправить его на плаху, обвинить церковь в преступлениях и забрать себе все ее имущество».

После провальной попытки добиться положительного судебного вердикта Генрих не знал, что делать дальше; он решил собрать вместе ученых и клириков для решения своей «важной проблемы». Среди собравшихся был Томас Кранмер. Молодой преподаватель богословия из Кембриджа высказал предположение, что король может избежать затяжных и бесплодных переговоров с Римом, обратившись напрямую к ученым из европейских университетов; если они решат в его пользу, то папа будет вынужден действовать. Как только Генриху сообщили о плане Кранмера, король заявил, что клирик «как будто в воду смотрел». Впоследствии Кранмеру суждено было стать идейным вдохновителем английской Реформации.

Королевские послы отправились с визитами в университеты Европы, чтобы узнать мнение выдающихся знатоков канонического права о запрете на брак с вдовой брата, о котором говорится в Книге Левит. Некоторых удалось убедить дать ответ в пользу короля благодаря щедрым взяткам, однако другие оказались менее сговорчивыми. Затея не обернулась полным успехом. Париж и Болонья вместе с еще шестью университетами поддержали королевскую позицию. Тем не менее богословы Падуи, Феррары и Венеции выступали против. Пуатье и Саламанка также приняли сторону Екатерины. Когда поползли слухи, что даже доктора теологии и прокторы из Оксфорда критикуют позицию короля, в ответ на это он написал им из Виндзора негодующее письмо, заканчивавшееся словами *Non eset bonum irritare crabrones* («Не стоит ворошить осиное гнездо»). Король позаботился о том, чтобы отправить понтифику сочувственное письмо, подписанное всеми пэрами и прелатами Англии. Он решил пока не бросать открытый вызов папе и по-прежнему надеялся убедить его.

К началу осени 1529 года стало очевидно, что время Уолси подошло к концу. Он более не являлся одним из доверенных советников короля, и Генриху сообщили о существовании тайной переписки между Уолси и папой. Церемониймейстер Уолси докладывал, что в один из последних случаев присутствия прелата в суде кое-кто увидел, как король достает письмо и спрашивает: «Да как это возможно: разве оно написано не твоей рукой?» Предназначение письма неизвестно, однако, по всей видимости, там было нечто, что ставило кардинала в весьма невыгодное положение.

9 октября против Уолси выдвинули первые официальные обвинения. Его изобличали в *praemunire*, или же в том, что он ставил интересы папы превыше интересов короля. С тех пор как он стал папским легатом по настоятельной инициативе Генриха, это не было главной проблемой. Король критиковал притязания папы, равно как и предполагаемые злоупотребления кардинала. Когда суд издал постановление против Уолси, было отдано распоряжение конфисковать все его земли и имущество в пользу короны. Его дни славы близились к закату. Кардинал написал Генриху прошение, умоляя о «милосердии, сострадании, прощении и отпущении грехов». Навещавший Уолси французский посол застал его в состоянии обреченного безмолвия. Его лицо «поникло, словно лишившись полжизни».

Через две недели после отстранения Уолси король с радостью предложил Томасу Морю стать его новым канцлером. Тот факт, что Мор был известен своей жгучей нетерпимостью к еретикам, служил доказательством нежелания Генриха отмежевываться от ортодоксальной церкви. В действительности через месяц после вступления в новую должность Мор принялся за преследования неверных; он арестовал жителя Лондона Томаса Филиппа по подозрению в ереси. Даже после неоднократных допросов Томас отказался признать какую-либо вину; тогда

Мор отправил его в тюрьму, где он провел три года. Этим ознаменовалось начало кампании нового канцлера против сведомых.

Впрочем, самого короля одолевали весьма противоречивые настроения. Даже стремясь получить согласие папы на развод с Екатериной, он размышлял над вариантами. В одной из словесных перепалок с королевой Генрих заявил, что, если папа не признает их брак недействительным, он «объявит его еретиком и женится на ком заблагорассудится». Императорскому послу король заявил, что поддерживает критику Лютера, направленную против помпезности и излишеств церкви. Однако он не имел четкого представления о дальнейшем пути и не вынашивал масштабных замыслов религиозной Реформации. Так или иначе, неопределенность развязки судебного процесса привела Генриха в состояние замешательства и тревоги. Говорили, что король страдает от бессонницы и лежит больной в кровати «из-за гнева и горести, которые давеча его настигли». Он провел четыре часа за закрытой беседой с французским послом, обсуждая стоящие перед ним опасности и возможные пути решения.

Несмотря на это, Генрих решил взять в свои руки заведование государственными делами. Никогда более не позволял он никакому министру определять политику королевства, как это делал Уолси. Через одиннадцать дней после отстранения кардинала король собственноручно поставил Большую печать, знак и символ королевской власти, на некоторых документах в одном из внутренних покоев Виндзорского дворца; это торжественное событие было должным образом упомянуто в летописях. Король сформировал вокруг себя узкий круг приближенных, куда входили герцог Норфолк и герцог Суффолк. Даже сам лорд-канцлер был светским лицом, что шло вразрез с многовековой традицией.

Руководящий аппарат королевства включал в себя еще одного члена. Томас Кромвель ранее находился в подчинении у Уолси, занимаясь, в частности, работой по роспуску небольших мужских и женских монастырей. После низвержения прелата Кромвеля видели с молитвенником в руках, стенающего по печальной доле своего господина; однако ему удалось снискать расположение короля, который назначил ему место в парламенте. Вскоре его талант и самоуверенность помогли ему выслужиться и сделать карьеру, подобно великому визирю в одной из восточных деспотий, и он последовательно занимал должности королевского советника, хранителя королевских драгоценностей, канцлера казначейства (пожизненно), начальника судебных архивов и государственного секретаря. Впрочем, он никогда не отрекался от своего предыдущего покровителя и, будучи пожалованным собственным гербом, взял эмблему Уолси с изображением корнуоллской клушицы.

Кардиналу доверительно сообщили, что ему следует удалиться в маленький епископский дворец в Эшере, и во время своего путешествия туда верхом на муле Уолси повстречал посланника от короля, который передал ему кольцо и письмо. В нем Генрих сообщал Уолси, что не стоит отчаиваться и что в любое время он может подняться еще выше к вершинам власти. Кардинал спешил и встал на колени, чтобы помолиться. Мотивы короля не были очевидны с первого взгляда. Говорили, что все происходящее в королевской семье – тайна за семью печатями и никому не стоит пытаться в нее проникнуть. Однако может быть, что Генрих хотел проверить успешность своего нового совета, прежде чем нанести кардиналу последний, сокрушительный удар.

В начале ноября был созван парламент, чтобы изъяснить жителям королевства волю короля. Члены палаты общин, в большинстве своем адвокаты и землевладельцы, воспринимали королевскую прерогативу довольно спокойно; их роль заключалась в том, чтобы регистрировать указы короля и защищать его от обвинений в непопулярных мерах. Когда Томаса Кромвеля впервые назначили членом парламента, ему велели просить совета у герцога Норфолка, «как следует вести себя в парламенте по благоусмотрению короля». Спикером выступал один из королевских подданных, чье жалованье выплачивал сам Генрих, и, как писал Эдвард Холл в «Хронике», «большинство членов палаты представляли собой королевских слуг».

Парламент 1529 года не отличался от всех предшествующих. Король восседал на своем троне, а стоявший по правую руку лорд-канцлер Томас Мор произносил речь о причинах созыва. Он отозвался об Уолси как о «большом валухе [кастрированном баране], наконец-то низложенном». Члены палаты общин вскоре продемонстрировали свою лояльность, приняв закон, «освобождавший короля от обязанности выплачивать взятые им займы». Когда один из несогласных опротестовал подобную меру, король поинтересовался, «на его ли он стороне». Парламент утвердил законопроекты о выращивании телят и цене на ввозимые шерстяные шапки, однако его внимание было в основном сосредоточено на денежных поборах церкви. Это происходило на фоне резкого обострения антиклерикальных настроений, последовавшего за низложением Уолси. Была составлена всеобщая петиция, где пороки и злоупотребления священнослужителей подверглись обличительной критике как плоды семи смертных грехов; «приходской клир», или белое духовенство, погрязло в пороке, алчности, праздности и жестокости.

Недовольство вылилось в форму официальных законопроектов против поборов, требуемых клириками за утверждение завещаний и поминальные службы; духовенству запрещалось владеть землей на праве аренды и заниматься торговлей. Вполне очевидно, что вдохновителем этих жалоб, если не непосредственным инициатором, был Королевский совет. Это был еще один выпад в сторону папы, служивший напоминанием о том, что парламент всегда будет исполнять волю короля. Характерно, что на своих ранних этапах религиозная реформа в Англии в основном строилась вокруг практических и финансовых вопросов. Инстинктивно английский народ всегда тяготел больше к практике, нежели к теории.

Когда законопроекты были переданы в верхнюю палату, Джон Фишер, епископ Рочестерский, пожаловался, что палата общин пытается уничтожить церковь и действует так в силу своего «маловерия»; когда же члены палаты общин, в свою очередь, пожаловались королю, Фишеру пришлось отказаться от своих комментариев. Впрочем, по широко распространенному мнению, английские епископы уж слишком ревностно оспаривали обвинения в финансовых злоупотреблениях. Услышав заявления, что их практика основана на предписаниях и обычаях, один из адвокатов Грейс-Инн заметил: «Что ж, обыкновением воров стало грабить на Шутерс-Хилл – следовательно, это законно?» Охота началась.

Осенью того же года Анна Болейн дала своему царственному повелителю экземпляр недавно выпущенного памфлета. Некоторые утверждали, что во всем, кроме имени, Анна являла собой приверженку лютеранской веры, однако возможно, что ею просто двигало желание дать Генриху совет, как расширить свои властные полномочия, равно как и запасы казны. «Мольба о нищих» Саймона Фиша была антиклерикальным манифестом, где автор открыто обращался к королю, сетуя на возмутительное поведение священнослужителей – «ненасытных волков», опустошающих его королевство. От епископа до дьячка этот «праздный алчный народец... прибрал к своим рукам более трети твоего государства». Он также развратил сто тысяч женщин. Какое против этого может быть лекарство? Принять против священнослужителей законы. Фиш добавил, что «эти поросшие коростой догматики не хотят, чтобы Новый Завет распространялся за пределами страны на Вашем родном языке». Сообщается, что Генрих «держал книгу у себя за пазухой три или четыре дня» и, вероятнее всего, был со многим в ней согласен. Епископ Нориджа в смятении писал архиепископу Кентерберийскому, что «куда ни отправься, повсюду говорят, якобы король желает, чтобы Новый Завет на английском печатался и распространялся и чтобы народ имел и читал его». Разве у Анны Болейн не было французского перевода Нового Завета?

Всю осень и зиму 1529 года группа ученых по распоряжению короля изучала бесчисленные архивы давно забытой истории, чтобы найти прецеденты для развода Генриха с Екатериной. Однако в ходе своей работы Кранмер и его коллеги обнаружили или были ознакомлены с материалами, которые могли целиком изменить традиционно существовавшие отношения

короля и папы. В старой книге под заглавием *Leges Anglorum* они нашли сведения, что в 187 году от Р. Х. некий Луций I стал первым христианским королем Англии; Луций попросил папу верить ему римское право, на что тот ответил, что королю не нужно никакое вмешательство Рима, ибо «ты есть наместник Божий в своем государстве». В напряженной обстановке того времени это, конечно, имело большое значение. Сославшись на древний прецедент, Генрих мог бы претендовать как на господство над церковью, так и на верховенство светской власти. Ученые скрупулезно изучили канонические уставы церковных советов, чтобы найти суждения о том, что никакой епископ не имеет права называться «вселенским епископом» и что ни одна епархия не обязана зависеть от авторитета римского престола. Материалы впоследствии объединили под названием *Collectanea satis copiosa*, или «Довольно внушительная коллекция».

Генрих получил этот документ летом 1530 года и тщательно его изучил; он сделал пометки относительно сорока восьми отдельных выдержек. В разговоре с послом французского короля он заявил, что папа – невежественный человек, неспособный выступать в роли духовного пастыря. Генрих прекрасно знал об антиклерикальных трактатах, печатавшихся в Антверпене и Гамбурге. Прочитав «Послушание христианина» Уильяма Тиндейла, где высказывалось суждение о том, что полномочия короля должны распространяться и на дела духовные, Генрих, по сообщениям, заявил: «Эта книга обязательна к прочтению как для меня, так и для всех королей».

Тем же летом королевские послы в Риме объявили папе, что ни один подданный Англии не может быть привлечен к ответственности иностранным судом. Отец Анны Болейн, граф Уилтшир, прибыв к понтифику в качестве посланника, отказался поцеловать ступню папы, благосклонно ему протянутую. Чуть позже сам Генрих написал папе письмо, сетуя на невежественных советников: «Это воистину большая провинность, непростительное прегрешение, заслуживающее отторжения и презрения к наместнику Христову, ибо Вы допускали подобное непостоянство и прибегали к обману». Затем он заявил, что «ни с одним королем так не обращался папа, как ваше святейшество обошлись с нами». Вопрос в английском суде теперь касался наилучшего пути, по которому следует пойти.

Последние дни Уолси близились к завершению. Он отправился на север, в свою архиепископскую епархию в Йорке. Герцог Норфолк посоветовал Томасу Кромвелю «передать ему, если он сию же минуту не уедет и будет медлить, я разорву его на части зубами». Получив известия о том, что планировавшийся им проект школы в Ипсвиче отложили в долгий ящик, а строящийся Кардинальский колледж в Оксфорде приспособили под нужды короля, кардинал сообщил Кромвелю, что «от огорчений и печали у меня больше нет сил писать». Однако он по-прежнему продолжал отстаивать собственную власть. Он назначил дату своей интронизации в качестве архиепископа Йоркского и написал королю с просьбой предоставить ему его митру и омофор. Генрих во всеуслышание назвал слова кардинала «оскорбительной дерзостью». «Неужто в этой падшей, растленной душе осталась еще самонадеянность?» – спросил король. 4 ноября, за три дня до планируемой интронизации, Уолси арестовали. Сообщалось, что он якобы вел тайную переписку с папой римским и правителями Франции и Испании. Возможно, в этом была доля правды, поскольку в своем отчаянном положении он искал помощи повсюду, где только мог, однако крайне маловероятно, что он совершил измену. Не исключено также, что он пытался помочь Екатерине и тем самым сорвать планы женщины, которую называл «ночной кукушкой».

После ареста Уолси медленно повезли на юг, останавливаясь в аббатствах и монастырях по пути. Некогда крепкое здоровье прелата сейчас было губительным образом расшатано, и во время путешествия его одолел острый приступ дизентерии. Говорили, будто бы кардинал якобы переел груш из садов Уордена, однако были и другие причины его хвори. Тюремный надзиратель Тауэра, сэр Уильям Кингстон, получил приказ встретить Уолси в Шеффилде; пункт назначения был уже близок. Услышав о приезде Кингстона, Уолси ударил ладонью по бедру и

тяжело вздохнул. Его церемониймейстер пытался сгладить тяжелое предчувствие, сказав, что Кингстону поручено отвезти кардинала к королю. Уолси этому не поверил. «Я чувствую, – сказал он, – больше, чем ты знаешь или можешь себе представить. Этому научил меня жизненный опыт».

Кингстон, представленный прелату, склонил перед ним колени. «Прошу вас, встаньте, – сказал Уолси, – не преклоняйте колени перед жалким, несчастным человеком, недостойным уважения, грешником, всеми отторгнутым». Кингстон также попытался обнадежить его, но кардинал остался неутешен. «Я знаю, – ответил он, – что уготовила мне судьба». Он понимал, что его ждет смерть предателя и что в лучшем случае его возведут на эшафот. Приступы дизентерии обострились, и к тому времени, как Уолси привезли в Лестерское аббатство, все его силы иссякли. «Отец Эббот, – сказал он по прибытии, – я приехал упокоить здесь свое бренное тело». Уолси положили в кровать, где он и остался ожидать своего часа. Кардинал вспоминал короля: «Он преисполнен великой отваги, и у него благородное сердце, как и подобает королю; и он не раздумывая рискнет потерять половину королевства, чтобы удовлетворить свои амбиции». Вечером, ровно в ту минуту, когда часы пробили восемь, Уолси потерял сознание и умер. Он до сих пор лежит похороненным где-то меж руин Лестерского аббатства, а на предполагаемом месте его могилы возвышается памятник. Однако смерть Уолси значила нечто большее, чем просто уход одного человека. Закат его могущества был неразрывно связан с упадком церкви.

6. Правдивые истории прошлого

Генрих решил действовать от имени «всего английского народа», по его словам, а не «английского папского наместничества». Ранней осенью 1530 года он обвинил четырнадцать членов высшего духовенства, в том числе восемь епископов и трех аббатов, в совершении *praemunire*; их изобличали в сговоре с Уолси в его бытность папским легатом. Всего лишь через несколько дней после кончины кардинала те же самые «сведения» были выдвинуты против всего английского священства. Им предъявили обвинения в связи с отпавлением ими правосудия согласно нормам канонического или римского права в церковных судах – «преступление», которое они, как известно, совершали на протяжении вот уже многих веков. Испанский посол докладывал, что епископы и аббаты «объяты ужасом». Никто не понимал, как работает этот новообретенный принцип, а его толкования, согласно распространенному мнению, нигде, кроме как в голове самого короля, было не сыскать. Парламент был созван во внеочередном порядке в начале 1531 года, и в то же самое время конвокации (собрания) духовенства перенесли из собора Святого Павла в Вестминстер. Оба органа власти отныне были всецело в руках короля.

На фоне этой атмосферы страха и угроз стало известно, что король благосклонно примет крупную сумму денег, дабы нивелировать провинности духовенства. В действительности священнослужители были вынуждены заплатить субсидию. Провинция Кентербери надлежащим образом ассигновала дотацию в сумме ста тысяч фунтов стерлингов, но сопроводила ее рядом условий. Епископы и аббаты попросили у короля четкого определения *praemunire* на случай разногласий в будущем и потребовали вернуть церкви все принадлежавшие ей исторически привилегии, предусмотренные Великой хартией вольностей. Эти предложения, по всей видимости, привели в негодование короля, не желавшего торговаться со своими подчиненными. Апелляция к Великой хартии вольностей создавала угрозу для любых односторонних действий, которые он потенциально мог применить для решения религиозных вопросов.

И Генрих перешел в наступление. В феврале 1531 года он отправил пять статей в качестве добавления к предложению о церковной субсидии. В первой из них он обращался к собору духовенства с требованием признать его «единственным защитником и верховным главой английской церкви и всего священства». Это был результат изучения им древних источников – идеи, подсказанной Кранмером и другими, где господство над церковью Англии было впервые возложено на короля Луция. Во второй статье король выдвинул теорию, согласно которой именно он обладает способностью *cura animarum*, или «исцеления душ» своих подчиненных. Ни один король до этого не притязал на столь широкие полномочия; ни один король не имел столько честолюбия.

Среди высокопоставленных членов духовенства поселился страх. У них не было возможности прочесть *Leges Anglorum*, равно как и другие доступные королю источники, поэтому присвоение Генрихом власти над церковью представлялось из ряда вон выходящим и невысказанным новшеством. Он хотел избавиться от папского наместничества, которое правило церковью более тысячи лет. И что он имел в виду под «исцелением» или «заботой» о душах? Это было компетенцией рукоположенного священнослужителя.

Священнослужители понимали, что у всего этого должна быть какая-то тесная связь с желанием короля расторгнуть свой брак с Екатериной. Однако и об этом, разумеется, ничего конкретного они не знали. Они лишь могли с тревогой наблюдать. В стране и ее столице наметился глубокий раскол в этом «важном вопросе». Когда служитель церкви Остин-Фрайерс в Лондоне попросил прочитать молитву от имени Анны Болейн, «королевы», большинство прихожан встали со своих мест и покинули богослужение. Говорили, что женщины в стране встали на сторону королевы – все, за исключением, конечно, самой Анны Болейн. Испанский посол

писал, что «леди Анна храбрее льва... Она сказала одной из фрейлин королевы, что хотела бы, чтоб все испанцы потонули в море. Фрейлина ответила, что подобные слова – оскорбление для ее госпожи. Она сказала, что ей нет никакого дела до королевы и что она скорее отправит ее на виселицу, чем признает своей госпожой».

Члены конвокации, разрывавшиеся между необходимостью выполнять обязанности перед папой и верностью королю, были вовлечены в разгоряченные дебаты. Они понимали, что навлечь гнев суверена – значит поставить себя под угрозу, возможно даже смертельную. И все же под номинальным руководством Джона Фишера, епископа Рочестерского, который уже высказывался от имени королевы, они пытались противостоять давлению короля. В этот период Фишер подвергался угрозам со стороны неизвестного человека или группы лиц. По его епископскому дворцу на берегу Темзы выстрелили пушкой, и залп, как представлялось, был сделан из дома графа Уилтшира на противоположной стороне реки; граф Уилтшир был отцом Анны Болейн. Один из первых биографов Фишера писал, что при первой же возможности епископ решил вернуться в Рочестер.

Другое странное событие еще больше усилило его беспокойство. Для семейства епископа была приготовлена каша, которую отведали несколько домашних слуг. Сам Фишер не был голоден и поэтому не стал ее есть. Умер один слуга и еще одна бедная женщина, которую накормили из милости; многие другие заболели. Каша была отравлена поваром, который сознался, что добавил в пищу яд; однако он настаивал, что сделал это шутки или забавы ради, закончившейся неудачей. Король был вне себя от ярости. Он постановил, что парламент должен принять закон, согласно которому отравление приравнивается к государственной измене, наказание для которой – сварение в кипятке. Повара отправили в кипящий котел в Смитфилде. Некоторые в суде шептались, что Анна Болейн или один из ее сторонников подговорили его на это преступление. Неожиданный акт жестокости Генриха был, возможно, продиктован желанием усыпить любые подобные подозрения.

Даже личные советники короля пребывали в неопределенности относительно последствий его требований к конвокации, разделившись на радикальную и консервативную фракции. Семейство Болейн стремилось форсировать решение вопроса. Если бы король стал главой церкви, то мнение папы по данному делу не имело бы никакого значения и можно было бы совершить обряд бракосочетания с Анной. Другие боялись, что папский интердикт, или отлучение королевства от церкви, может привести к войне с Испанией и повсеместному разрыву торговых отношений со странами Европы. Сам король не был до конца уверен в своей будущей стратегии; он двигался осторожно, зондируя почву с каждым шагом.

Поэтому он пришел к соглашению с духовенством, которое, казалось, избавляло его от ощущения покорного подчинения. После долгих обсуждений и согласований между архиепископом Кентерберийским и королем было решено, что Генрих станет главой английской церкви *quantum per Christi legem licet* – «в той мере, в какой позволит закон Христа». Некоторые источники трактуют его как *Dei legem*, «Закон Божий», но суть остается та же. Когда это предложение было озвучено конвокации, последовало всеобщее молчание. «Тот, кто молчит, – обратился к собранию архиепископ, – по всей видимости, согласен». Тогда раздался один из голосов: «В таком случае мы все храним молчание». И предложение приняли. Это был один из определяющих моментов Реформации, который положил начало расколу, существующему и по сей день. Он также поставил под сомнение саму концепцию единого христианского мира¹⁴. Туркам, на тот момент подступавшим к восточным границам Европы, подобное развитие событий, вероятно, пришлось по душе.

¹⁴ Единый христианский мир распался не позднее 1054 года, когда католическая и византийская православная церкви предали друг друга анафеме. До этого момента христианская церковь считалась единой.

В то же время фразу с упоминанием закона Христа можно было толковать по-разному, а в своей крайней форме ее интерпретация отрицала любой духовный суверенитет, на который претендовал король. Оставалось неясным, вознамерился ли Генрих окончательно вытеснить папскую власть из королевства; как бы то ни было, он сделал Риму предупреждение. При любом возможном столкновении интересов в будущем английское духовенство будет обязано подчиниться его воле. Все прекрасно осознавали, что никто не посмеет бросить его единовластия открытый вызов. Впрочем, получив деньги от священнослужителей, он, казалось, не имел желания форсировать этот вопрос – по крайней мере, до поры до времени.

Генрих все чаще стал закрываться от посторонних глаз в своих личных дворцовых комнатах, известных как «королевские покои» или «тайные покои», в резиденциях Уайтхолл и Хэмптон-Корт. Он все больше отдалялся от Екатерины. В письме своему племяннику она писала, что ее жизнь «разбита вдребезги несчастиями, и ни один христианин никогда не испытывал подобной мучительной агонии». Ее страдания сказались и на дочери, принцессе Марии, которая весной 1531 года на три недели занедужила каким-то желудочным расстройством; врачи распознали болезнь как «истерию», указывавшую, по их мнению, на порок матки. Когда Екатерина спросила дозволения посетить дочь, король в ответ предложил ей пребывать близ нее неотлучно. В конце мая к ней была отправлена делегация от тайного совета с мольбой «благоразумно» отнестись к бракоразводному процессу. Она же обрушилась на них со всей яростью несправедливо оклеветанной женщины. «Я его законная жена, – ответила она им. – Отправьтесь в Рим и вразумляйте других, вместо того чтобы спорить с одинокой женщиной!»

Через два месяца король официально отрекся от жены. В середине лета она сопровождала Генриха в Виндзор, однако затем без всякого предупреждения он уехал в Вудсток, приказав ей оставаться там, где была. Получив от Екатерины гневное письмо, он послал ей ответ в довольно оскорбительных выражениях. Она подвергла его унижению, потребовав явиться в качестве ответчика в Рим. Она пренебрегла наставлениями своих советников. Он не желал видеть больше никаких писем. Ее заставили переселиться в Мор, большой дом в графстве Хартфордшир, принадлежавший ранее кардиналу; затем отправили в Эмптхилл-Касл в Бердфордшире. Многочисленные придворные Екатерины остались с ней, она стала центральной фигурой для всех противников семейства Болейн и той радикальной религиозной идеи, которую они продвигали. Сама королева стала еще строже соблюдать религиозные обряды. Она вставала в полночь для совершения молебнов; она исповедовалась и постилась дважды в неделю; читала лишь религиозную литературу и под придворным платьем носила рясу францисканского терциария.

Яркий признак общественных настроений обозначился зимой этого же года. 24 ноября Анна в небольшой компании отправилась на ужин к одному из друзей, жившему неподалеку от Темзы. Весть о ее прибытии вскоре разлетелась по всему городу, и толпа из семи или восьми тысяч женщин (или, возможно, мужчин, переодетых женщинами) стала стекаться к месту событий, чтобы напугать или схватить ее. К счастью, до Анны дошли слухи об их приближении, и она, сев в лодку, спешно скрылась по реке. Король приказал никому не распространяться о произошедшем событии, однако венецианский посол уже успел оставить о нем запись.

Неприязнь к Анне все возрастала. В народе ее называли «пучеглазой прелюбодейкой», а аббат Уитби был арестован и привлечен к ответственности за то, что окрестил ее «худородной потасканной блудницей». Всеобщее волнение и разногласия накалялись, по мере того как жители церковных приходов обсуждали каждый аспект королевского «важного вопроса», касавшегося разрыва союза с Екатериной и верховенства папской власти. Сообщается, что воздух был наполнен невероятными слухами и домыслами, ходили разговоры о ведьмах и бесах, звучали истории о святых и призраках. Сам Томас Кранмер видел знамение в небе. Он рассказывал, как над луной возник образ голубого креста вместе с головой лошади и пылающим

мечом. «Одному лишь Богу известно, – писал он, – что нам предвещают сии таинственные знаки».

Зимой 1531 года появилась некая молодая женщина, выступавшая в роли боговдохновенной пророчицы, предсказывавшей судьбу. Элизабет Бартон была юной служанкой из Кента, работавшей в доме распорядителя архиепископа Кентерберийского. Ранее ее настиг неизвестный недуг, и через несколько месяцев хвори она начала впадать в ясновидческие транссы, в которых «молвила слова чудодейственной благодати». Слава о ней стала распространяться по всему королевству, пока не достигла фантастических масштабов; она объявила, что ее посещала Богоматерь, пообещавшая, что в должный день избавит ее от страданий. В назначенный день Элизабет в сопровождении процессии из двух тысяч человек проследовала к часовне Девы Марии, где впадала в транс; голос из ее чрева вещал «так сладко и так упоенно» об отраде религиозной веры, но в то же время «грозно и зловеще» предостерегал о грехе.

Сборник ее прорицаний отправили Генриху, который, впрочем, не отнесся к нему серьезно. Ангел велел Элизабет просить аудиенции с ним, и, по всей видимости, ей три раза предоставили возможность беседы с королем. В 1528 году у нее состоялся личный разговор с Томасом Уолси. На какое-то время, по крайней мере, король оставил ее в покое. Однако она таила в себе большую опасность, чем он предполагал. К 1531 году ее пророчества стали затрагивать непосредственно самого Генриха. Если он разведется с женой, то «не быть ему больше королем и месяца, а умереть смертью преступника». Он должен озаботиться тремя вопросами: во-первых, «он не должен принимать от папы ни властных полномочий, ни церковной собственности; во-вторых, он должен уничтожить всех нововерцев и все плоды их новых учений [религиозную реформу]; в-третьих, если он возьмет Анну в жены, то его неминуемо постигнет кара Божья».

Из ее уст звучали и другие заявления схожей природы, которые лишь еще больше разпалили чувства людей, подспудно верящих в Божественное откровение. Вокруг нее собралась группа священников и монахов, выступавших в ее защиту с церковной кафедры и возле рыночного креста. Она стала беседовать с придворными Екатерины; Джон Фишер рыдал, внимая ее речам, убежденный, что слышит слова самого Бога. Эта молодая женщина становилась по-настоящему опасной. Как впоследствии признавался Томас Кранмер: «Истинно, я думаю, своими проповедями она восхитительно заставила короля отказаться от брака».

С церковных кафедр звучало все больше хулительных слов. В Пасхальное воскресенье 1532 года монах-францисканец читал проповедь в Гринвиче в присутствии Генриха и Анны Болейн. Отец Пето отважно обрушился на короля с обличительной критикой и предрек, что если Генрих свяжет себя узами брака с Анной, то Бог накажет его, как наказал Ахава: «Собаки будут лизать твою кровь – да, твою!» К счастью, монах не сложил голову на плахе за пророчествование смерти королю; вместо этого его пожизненно изгнали из королевства.

Посреди всех этих волнений в очередной раз был созван парламент, в котором король заявил о своем намерении продолжить кампанию против папы Климента VII. Должным образом был представлен к рассмотрению закон, отменявший так называемые *аннаты*, или налог, взимаемый Римом с новоизбранных епископов или архиепископов. Действие меры отсрочили на год, со вступлением ее в силу по усмотрению короля; это была взятка за примерное поведение папы. Закон столкнулся с ожесточенным сопротивлением палаты лордов, в особенности «духовных пэров», глубоко обеспокоенных конечными планами Генриха. Впрочем, они были в меньшинстве.

Затем палата общин, члены которой были склонны уступать велениям короля, представила ему длинную петицию, перечислявшую все жалобы против церкви; в частности, ставилось под вопрос право духовенства принимать законы во время конвокаций. Члены палаты выразили недовольство церковными судами, судебными процессами над еретиками и размерами

церковных соборов. Эти жалобы, давно всем известные, получили еще большую актуальность в свете новой роли короля как главы церкви.

В самом начале апреля король отправил петицию архиепископу Кентерберийскому, который на тот момент уже заседал в конвокации, и потребовал предоставить быстрый ответ. Ответ был получен неделей позже. Священнослужители отвергли все выдвинутые против них обвинения, утверждая, что их законотворческие полномочия зиждились на Священном Писании; их действия никоим образом не входили в противоречие с королевской прерогативой. Генрих, призвав к себе представителей палаты общин, озвучил им ответ духовенства. «Мы считаем, что подобный ответ вас вряд ли удовлетворит, – сказал он, – поскольку нам он кажется очень малоубедительным. Вы – мудрые и достопочтенные господа; не сомневаюсь, что вы обстоятельно рассмотрите этот вопрос и примете меж собой беспристрастное решение». Король, таким образом, настраивал палату общин против церкви.

Епископы понимали, что их ответ не удовлетворил короля или парламент, и поспешили пойти на уступки. Они дали торжественное обещание, что за время правления короля никогда не примут закон в отношении не связанных с верой вопросов; эта оговорка была слишком несущественной и никак не повлияла на решение проблемы. 11 мая король вновь пригласил делегацию для официальной аудиенции. «Я обнаружил, – сказал он, – что духовенство верно мне только наполовину. Все прелаты при посвящении в сан дают клятву верности папе, напрямую противоречащую той, что они дают нам, поэтому они скорее его подданные, а не наши». Со стороны короля подобное заявление было лицемерием, однако его намерения очерчивались все яснее. Он стремился полностью уничтожить власть и авторитет папы римского.

Генрих VIII отправил конвокации еще один меморандум или, скорее, набор требований. Ни один канон, ни один законодательный регламент не мог быть предложен или принят без дозволения короля. Все существующие церковные законы подлежали пересмотру комиссией, состоящей из клириков и членов парламента, по шестнадцать с каждой стороны, и вердикта большинства было достаточно для их отмены. Любой подобный вердикт большинства затем был бы поддержан королем, обладающим верховной властью.

Конвокация дискутировала вопрос на протяжении пяти дней, однако к этому моменту терпение короля было на исходе. Он требовал ответа. За единственным исключением, епископа Бата, все священнослужители объявили, что принимают предложение короля с полным осознанием его «непревзойденной мудрости, царственного великодушия и страстного стремления защищать честь Господа Бога». Их ответ, или уступка, получил известность как «Повиновение клириков». Испанский посол писал: «У духовенства теперь будет меньше власти, чем у сапожников, которые, по крайней мере, имеют право собраний и издания собственных законоположений». Несколько позже великий историк лорд Актон описывал «Повиновение» как символ «воцарения нового государственного устройства». Независимое государство Англия не могло возникнуть без радикального раскола с римским правлением. Тем не менее эти перемены можно представить и в более непосредственном, сиюминутном масштабе. Абсолютному монарху была нужна абсолютная власть над всеми своими подчиненными, светскими и духовными.

Через день после «Повиновения» Томас Мор сложил с себя – или был вынужден сложить – полномочия канцлера. Он стал слишком заметным сторонником папы и многовековых прав церкви. «Если бы лев осознавал собственную мощь, – сказал он однажды королю, – нелегко бы пришлось тому, кто захотел бы подчинить его себе». Был еще один человек, который по-прежнему сопротивлялся воле короля. Джон Фишер, епископ Рочестера, тайно поддерживал переписку с испанским послом; они договорились, что, случайно встретившись в людном месте, не признают друг друга. Однако уже через несколько месяцев Фишер заявлял, что испанская армия должна отправиться в Англию и свергнуть короля. Архиепископ Кентерберийский Уильям Уорхэм диктовал своим писцам церковное распоряжение, в котором крити-

ковал закон, направленный против церкви. «Сим письменным свидетельством, – заявил он, – мы выражаем наше несогласие, отказ и возражение». Затем он слег и умер, став в итоге недосыгаемым для короля. По привычке послушания и верности короне все остальные епископы безропотно согласились. Возможно, их еще страшил королевский гнев.

На каждом этапе этого процесса Генрих стремился заручиться поддержкой парламента, в большей мере в целях предосторожности. Король лично три раза присутствовал на парламентских заседаниях, чтобы повлиять на решение. Он не был уверен, как страна воспримет те великие преобразования, к которым он ее готовил. По этой причине он попытался представить все так, как будто бы палата общин, в частности, занимается подстрекательством или изыскивает меры, направленные против церкви. Хотя в действительности Генрих был единственной движущей силой антиклерикальных реформ, он считал более целесообразным создавать видимость своего нейтралитета.

По мере развития событий сама палата общин приобрела дополнительный авторитет и стала рассматриваться в качестве партнера короля. В одном из более поздних обращений король заявил парламенту, что «судьи наши нам повестили, что нигде в королевстве главенство наше не находит более высшего воплощения, как в парламенте, где мы как глава государства и вы как члены парламента объединяемся вместе в единое правящее целое». Это заявление фактически представляло собой новую доктрину, согласно которой «король в парламенте» обладал верховной властью в заново объединенной стране.

Ранней осенью 1532 года король надел темно-красную мантию и золотую корону на Анну Болейн. Ей пожаловали потомственное пэрство, титул маркизы Пембрук, впервые дарованный английской женщине. Было очевидно, что вскоре ее возведут на трон. Часть драгоценностей королевы теперь перешла ей, несмотря на яростные протесты Екатерины. Однако не все было гладко. Во время путешествия по южным графствам королевства Генрих и Анна столкнулись с недружелюбным, а порой открыто враждебным приемом местных жителей. Генрих вглядывался в лица членов суда, когда те находились в ее присутствии, чтобы убедиться, что ей выказывают достаточное почтение. Сообщалось, что король «умолял членов палаты лордов нанести визит и представиться новой королеве».

Приблизительно в это время королевский печатник Томас Бертелет издал несколько трактатов в поддержку королевского «важного вопроса». Один из них, «Зерцало правды», возможно, частично был написан самим королем. В нем защищалось решение Генриха разорвать союз с Екатериной в силу библейского запрета, а также содержались некоторые личные детали ее предполагаемой брачной ночи с принцем Артуром.

Генрих взял Анну с собой в путешествие во Францию. Вплотную приблизившись к открытому разрыву отношений с Карлом V, племянником королевы, он был вынужден поддерживать союз с Франциском I. Однако сестра французского короля, равно как и придворные дамы и фрейлины Парижа, не стали встречаться с Анной; даже сестра самого Генриха, Мария, также отказалась сопровождать их через Ла-Манш. Анне пришлось остаться в Кале, а Генрих тех времен отправился дальше, в Булонь, для свидания с французским сувереном. Их визит затянулся намного дольше, чем планировалось, из-за того что разыгравшиеся бури и шторма не давали им подняться на борт «Ласточки» целых две недели. Вернувшись наконец в Англию, они столкнулись в Кентербери с Элизабет Бартон, «сумасшедшей кентской монахиней», которая вновь принялась читать нравоучения об их прегрешениях и пророчить великие бедствия.

И все же мнения и намерения короля изменить теперь было невозможно. По-видимому, несколько дней спустя он провел ночь с Анной Болейн. К началу декабря она определенно носила под сердцем ребенка. Елизавета родилась через девять месяцев. Единственной возможной причиной для решения вступить в интимную связь могла быть уверенность в том, что Генрих и Анна договорились о скорейшем бракосочетании. По некоторым сведениям, тай-

ная церемония, свидетелями на которой были лишь ближайшие родственники Анны, состоялась через два дня после их возвращения из Франции, однако эти свидетельства невозможно подтвердить. Вероятно, впрочем, что король позаботился о проведении официального обряда в той или иной форме в качестве меры предосторожности, прежде чем оплодотворить свою любовницу. Риск рождения внебрачного ребенка был слишком велик.

Формальная церемония бракосочетания тем не менее состоялась в следующем месяце: до восхода солнца 25 января 1533 года королевский капеллан совершил обряд венчания в «высоких палатах» над только что построенными воротами Гольбейна во дворце Уайтхолл. Другие подробности их бракосочетания неизвестны, однако есть основания полагать, что на ней присутствовали двое или трое приближенных короля. Вскоре после окончания церемонии придворные пасторы начали служить молебны об «Анне, королеве», а Екатерине приказали более не упоминать свой титул. К следующему месяцу положение Анны стало широко известно, а сама она шутила о своей новоприобретенной тяге к яблокам; ее смех раздавался в дворцовых коридорах. Венецианскому послу она сказала, что «сам Бог вдохновил его величество на брак с ней».

Их брачный союз состоялся в преддверии окончательной размолвки с Римом. В начале февраля состоялось заседание парламента. Первые обсуждаемые меры касались качества сапожной кожи и справедливых цен на товары; необходимости уничтожить воронов и ворон, а также вымостить дорогу от Стрэнда до Чаринг-Кросс. Только потом члены парламента обратились к духовным вопросам. В Акте об ограничении апелляций говорилось, что все церковные дела подлежат рассмотрению в самой Англии, без обращения к какому бы то ни было высшему органу; это означало, что решение по королевскому бракоразводному процессу должно было выноситься в Лондоне и Кентербери, а не в Риме. Этот акт называли самым важным законоположением XVI века, поскольку именно он фактически разрушил государственное устройство, существовавшее в Средневековье.

Сам пролог к акту в достаточной мере подчеркивал имперские притязания короля. В нем говорилось, что «сие положение, основываясь на различных старинных достоверных историях и хрониках, гласит и утверждает, что королевство Англия есть империя и как таковая признана во всем мире, управляемая единственным верховным главой и королем... которому подчиняется все государство, населенное всякого рода людьми, разделенными в бытии своем и по имени своему на людей духовных и светских, приверженных королю, как и Господу Богу, в своем естественном и смиренном послушании». Реформация религии, таким образом, представлялась как долгожданное возвращение к истокам прошлого. Все перемены и нововведения зиждились на авторитете древних законов и правоприменения. В законе, в отличие от предыдущих статутов, нет упоминания «папского святейшества», а говорится лишь о «римском престоле». Генрих восстановил свой императорский титул как единовластный правитель, намереваясь обрести контроль над всеми Британскими островами. Двадцатью годами ранее он назвал два новых построенных корабля «Генрих-Империял» и «Мария-Империял». Были отчеканены печати и медали с изображением монарха, торжественно восседающего на троне.

Зачастую утверждается, что именно Томас Кромвель был министром, руководившим или даже разрабатывавшим планы конституционных реформ, однако за этими предложениями стояли многие государственные умы. Одним из них, разумеется, был Кранмер, но адвокаты из парламента также заявили о готовности помочь с подготовкой законопроектов. Многие из них выступали против широких властных полномочий церковных судов и систематически отдавали предпочтение общему праву в противовес каноническому. Как-никак это была их профессия. Обозначилось и еще одно последствие. Если каноническое право подчинялось общему, то оно подчинялось и королю. Так постепенно сформировалась концепция *империума*. В более строгом смысле она известна как «цезарепапизм»; король теперь являлся одновременно и цезарем,

и папой. Генриха называли королем с папой римским в чреве. Подобное двуединое всевластие повлекло за собой материальные последствия. Весной того же года императорский посол докладывал, что король «вознамерился возратить короне все принадлежащее ей имущество, которым владеет духовенство».

Томас Кранмер был выбран Генрихом в качестве нового архиепископа Кентерберийского, на смену покойному Уильяму Уорхэму, однако сочли необходимым все же получить благословение папы римского. Многовековой порядок диспенсации следовало соблюдать еще какое-то время, хотя бы для того, чтобы гарантировать законность преемственности Кранмера. Руководствуясь этими соображениями, Генрих не дал свое королевское согласие на принятие Акта об ограничении апелляций, точно так же, как он воздержался от наложения запрета на предназначенные Риму аннаты. В глазах папы Климента VII он по-прежнему играл роль защитника веры, выступающего против непокорной и антиклерикально настроенной палаты общин. Король даже попросил папского нунция сопровождать его во время одного из визитов в парламент.

Папа изъявил свое согласие, издав буллу с подтверждением назначения Кранмера, однако еще до того, как новый архиепископ принес официальную клятву Риму как легат Святого престола, Кранмер заявил, что намерен выполнять свои обязательства лишь перед Богом и королем. В конце марта его посвятили в архиепископы. Настало время для дальнейших шагов. Духовенство, собравшись на очередную конвокацию, объявило брак между Генрихом и Екатериной Арагонской незаконным. Только 19 из 216 высказались против. Церковь оказалась в полном подчинении короля. Джона Фишера посадили под домашний арест и не выпускали до тех пор, пока статус Анны Болейн не был окончательно подтвержден.

На заседании церковного суда в Данстейбле 23 мая Кранмер издал указ, подтверждающий полную законность брака короля с Анной Болейн. Ранее архиепископ обратился с письмом к Томасу Кромвелю, умоляя сохранить судебное заседание в тайне; он хотел избежать риска внезапного появления в суде Екатерины. Папа Климент VII, услышав вердикт, вынесенный «милордом Кентербери», заявил, что «подобные деяния слишком вопиющи, чтобы я сидел сложа руки и ничего не предпринимал. Дозволять такое – значит попирать мой священный долг перед Господом и всеми мирянами». Епископ Лондона, присутствовавший при этом событии, выразил понтифику протест, после чего Климент пригрозил сжечь его заживо или сварить в котле с кипящим свинцом. Епископ рассказал королю, что папа «беспрестанно сворачивал и разворачивал свой носовой платок, что происходит с ним только в случае, когда он разгневан до самой глубины души».

Утром 31 мая Анну Болейн провезли от лондонского Тауэра до Вестминстера в белой колеснице, запряженной парой лошадей со сбруей из белой дамасской стали; над ее головой возвышался золотой балдахин, обрамленный серебряными колокольчиками. Горожане и их жены украсили фасады своих домов алыми ткаными коврами и пурпурными шпалерами, отчего улицы, казалось, превратились в многоцветную мозаику. На специально сооруженных помостах устраивались мистерии, а из лондонских фонтанов текло вино. На следующий день Анну сопроводили из Вестминстер-Холла в аббатство, где она была провозглашена королевой Англии. «Я возложил корону на ее голову, – писал Кранмер, – и затем песнопевцы исполнили “Тебя, Бога, хвалим”».

Несмотря на пышность церемонии, настроение народа нельзя было назвать благоволящим. Во время продвижения ее процессии по городу в каждом приходе на страже стояли констебли с дубинами наготове, «дабы поддерживать порядок и благопристойность». Монограмма короля и его новой королевы, *HA* (Henry and Anna), была истолкована некоторыми как фривольное «Ха! Ха!». Однако, по словам венецианского посла, среди толп народа наблюдался «совершеннейший порядок и спокойствие», даже если в каком-то отношении это спокойствие можно было скорее трактовать как молчаливую враждебность. Возможно, горожане вышли на

улицы только из любопытства, нежели уважения. Сообщалось, что сама Анна насчитала лишь с десяток человек, прокричавших общепринятое «Да хранит Бог вашу светлость!». Один из писателей-современников, комментируя замысловатые узоры на ее коронационных одеждах, высказывал мнение, что «платье королевы пестрит изображениями языков, насквозь пронзаемых ногтями, как предупреждение о той каре, которая может настичь ее противников». Возможно, власть и упоительна, однако она может быстро стать жестокой; через три года блистательная новая королева испытала это на себе.

К Екатерине, теперь официально именуемой вдовствующей принцессой, а не королевой, прибыла делегация советников. Они оповестили ее о решении состоявшегося в Данстейбле суда и о женитьбе короля. «О да, – ответила она, – нам известен источник этих полномочий: власть, а не законность». Она попросила дать ей экземпляр принесенных предложений и, заметив фразу «вдовствующая принцесса», взяла в руки перо и вычеркнула ее. В отместку Генрих сократил численность ее свиты. Летом этого года двух женщин раздели и избili палками, приколов гвоздями за уши к деревянному столбу, за то, что те называли «королеву Екатерину истинной королевой Англии».

Король и его советники затем обратили свои силы против Элизабет Бартон. Летом 1533 года Генрих распорядился, чтобы Кранмер и Кромвель внимательно изучили заявления и поведение монахини, которая, как говорили, призналась архиепископу «во многих сумасбродных выходках». Ее обвинили в государственной измене за то, что предрекала Тюдорам роковой конец, и отвели в лондонский Тауэр для допроса. Возможно, ее подвергали пыткам. Так или иначе, было объявлено о ее признании, что все видения и откровения были мистификацией, а на последующем собрании Звездной палаты «некоторые стали шептаться и призывать сжечь ее на костре». Было решено, что монахиню провезут по всему королевству, и в разных городах и селениях она будет обязана публично признаться в своем обмане. В начале 1534 года ее «предали правосудию» в парламенте за измену и позже протащили по улицам от Тауэра до Тайберна, где возвели на эшафот. Было предельно ясно, что любой, кто посмеет воспротивиться королю, подвергнет себя смертельной опасности. Освященной традицией религиозности верующих, некогда благословлявших и поддерживавших монахиню, оказалось недостаточно для ее спасения.

Во время ареста и признания Элизабет Бартон король, как сообщалось, был в «чрезвычайно хорошем расположении духа». Он добился всего, чего хотел. Он был папой и цезарем в одном лице. Его сравнивали с Соломоном и Самсоном. «Невозможно взирать, не отводя глаз, – писал один из современников, – на пылающие лучи его блистательного солнца». Король строил новую арену для петушиных боев в своем дворце в Уайтхолле, а его королева носила под сердцем, как надеялись, мальчика, наследника престола. Наконец судьбе династии ничего не угрожало.

Во время беременности королевы Генрих, впрочем, изменял супруге. Личность женщины осталась неизвестной, но императорский посол описывал ее как «писаную красавицу»; он утверждал, что «многие вельможи содействуют королю в новой любовной связи», возможно с целью унижить Анну Болейн. Узнав об этих отношениях, Анна устроила Генриху сцену, произнесла «слова, которые королю очень не понравились». Он разразился вспышкой ярости и, как говорили, приказал ей «закрывать глаза и молча терпеть, как другие на ее месте»; он заявил, что в его силах как повесить ее статус, так и низвергнуть с высоты влияния.

Буря утихла, и Анна Болейн по-прежнему хранила в себе будущее династии. Придворные астрологи и врачи предсказывали рождение сына, а Генрих выбирал между именами Генрих и Эдуард для будущего наследника. Однако 7 сентября в одной из дворцовых спален, известной как «Покои непорочных дев», Анна родила на свет девочку. «Господь отвернул от него свой взор», – писал императорский посол своему господину. Младенца назвали Елизаветой в честь

матери короля, Елизаветы Йоркской. Генрих был разочарован, однако выражал надежду, что вскоре родится и сын. Через неделю после этого события семнадцатилетнюю принцессу Марию лишили ее титула; впредь к ней должны были обращаться как к «леди Марии, дочери короля». Она написала тактичное письмо-жалобу, заявляя, что является «его законной дочерью, рожденной в истинном браке». В своем ответе король обвинил ее в том, что она «забыла о своем дочернем долге и преданности», и запретил «бесстыдно узурпировать» титул принцессы. Три месяца спустя Елизавету торжественно привезли в Хартфилд-Хаус в Хартфордшире, где обосновался ее двор. На следующий день Марию также вызвали в Хартфилд, но лишь в качестве «придворной дамы принцессы». Поговаривали, что король якобы желал ей умереть от горя.

Однако не все было благополучно в королевском дворце. Неожиданное рождение дочери и появление у короля новой любовницы ясно дали понять Анне Болейн, что ее положение при дворе было не столь твердо, как раньше. На одном из званых ужинов она сказала французскому посланнику, что не осмеливается выразить свое мнение так свободно, как хотелось бы, «из-за боязни этого места и глаз, пристально за ней наблюдающих». Королевский двор, наполненный страхами и подозрениями, погряз в пересудах и интригах. Анна прекрасно знала, насколько ее не любит народ. Время ее горестных страданий было уже не за горами.

7. Королевские радости

Процесс религиозной реформы ускорился принятием королевских статутов, направленных против папы. Генрих не стремился к каким-либо радикальным переменам в вероубеждениях или богослужении, однако его первоначальные меры, несомненно, должны были повлечь за собой другие. Папское правление являлось краеугольным камнем, на котором зиждился свод старой веры; уберите его – и вся конструкция, вероятно, ослабнет и рухнет. Возникновение национальной церкви в конечном итоге привело бы к формированию национальной религии. Радикальный проповедник Хью Латимер в Бристоле читал нараспев назидания о «паломничествах, поклонении святым, поклонении образам, хождении по мукам»; однако он же являлся и видным сторонником развода с Екатериной, и в 1533 году Кромвель пригласил его ко двору. Вскоре Латимер уже рассылал пасторов, проповедовавших его убеждения, в разные части страны. Для Генриха было достаточно, что эти проповеди критиковали правление папы, однако они выступали и за более радикальные меры в других сферах богослужения. Побудительные мотивы религиозной реформы и верховенства королевской власти, таким образом, были взаимосвязаны.

Сообщалось также о некоторых попытках иконоборчества. Джон Фокс, автор «Деяний и памятников церкви сих давешних тревожных дней», более известных как «Книга мучеников», отмечает, как в 1531 и 1532 годах религиозные образы «свергались и уничтожались во многих местах». Распятие – изображение Христа на кресте, висевшее между нефом и алтарем, – было изъято из небольшой церквушки в эссекской деревне Дувркорт. Его пронесли полкилометра, а затем сожгли «без всякого сопротивления вышеупомянутого божества». Поскольку считалось, что распятие обладает чудодейственной силой, держа двери церкви открытыми, это стало знаковым поражением для тех, кто поклонялся ему. Трое из зачинщиков были арестованы и вздернуты на виселице.

Осенью 1533 года стали появляться сообщения, что жители выбрасывают из церквей статуи, словно «бездушные чурбаны»; горожане с женами пронзали их своими пиками, чтобы «посмотреть, потечет ли из них кровь». Однако это не были лишь акты беспорядочного уничтожения. Как говорили в то время, смыв всю краску с Рима, можно свергнуть его величие. Должно быть, находились те, кто рассматривал религиозную атрибутику как один из инструментов порабощения, однако для многих позолоченные статуи и образа являлись оскорблением беднейшей части населения. «Сей год, – писал один каноник-августинец в 1534 году, – на нас обрушились ужасные бури, непрекращающиеся дожди, молнии, особенно летом и на протяжении всего года, настигая в самое непредвиденное время; а также внезапные смертельные лихорадки, да и сердца многих людей черствеют день ото дня; ни любви, ни толики благочестивости не остается в их душах, одни лишь предубеждения и раздоры». Распалась связь времен. Некоторые даже обличительно прозывали Генриха Королем-кротом из английского предания, который будет «проклят устами самого Господа Бога».

Вопросы религии так или иначе еще предстояло проработать законодательно. В конце 1533 года Королевский совет ежедневно собирался для разработки политических решений, и несколько ученых каноников были приглашены в качестве советников. Парламент созывался и собирался в начале каждого нового года. Он заседал в течение первых трех месяцев 1534 года и за это время одобрил и ратифицировал все меры, предложенные королем и его советом. Акт о подчинении духовенства признавал все предыдущие принудительные меры по отношению к священнослужителям. Акт о полном запрещении аннатов возбранял отправлять папе денежные средства и поддерживал инициативу выборности епископов. Акт о диспенсации и Акт о лепте святого Петра подтверждали, что архиепископ Кентерберийский с этого момента отвечал за ограничения и отступления от норм канонического права.

В марте 1534 года папа Климент VII издал декрет, признававший законным первый брак короля с Екатериной, предавая таким образом Анну Болейн и Елизавету забвению. Сообщалось, что Генрих не принял папский указ во внимание. В качестве возмездия, впрочем, имя папы было вычеркнуто из всех молитвенников и литаний. Затем последовал приказ «никогда впредь (кроме как оскорблением или упреком) не помянуть его, но предать вечному позору и забвению». Если папа когда-нибудь и упоминался, то только как епископ Рима. Именно в тот период слово «папский» приобрело уничижительный смысл. Весной того года один священник, сторонник королевского верховенства, вылепил фигуру папы из снега; четыре тысячи жителей пришли наблюдать за тем, как она медленно тает.

Через несколько дней после постановления папы парламент принял Акт о престолонаследии, согласно которому право наследования короны переходило к детям Анны Болейн. Действие акта подкреплялось клятвой защищать его положения, которую были обязаны давать все совершеннолетние жители. В действительности это была клятва верности, а значит, любой отказ от нее считался изменой. После недолгих обсуждений и изъятия некоторых двусмысленных выражений парламент одобрил законопроект, однако нет никакого сомнения, что мера снискала общую поддержку. Такова была степень содействия королю, что новый принятый Акт о субсидиях, по сути, гарантировал ему доход от сбора налогов как в мирное, так и в военное время. Палата общин поддерживала его; знать поддерживала его или, по меньшей мере, не высказывалась против него принародно; епископы также поддерживали его, хотя и с подспудными сомнениями и опасениями. Расхожей фразой тех лет стали слова «нечего ради умирать». Двое жителей, в частности, отказались следовать этому совету.

Однако в воздухе витал неподдельный страх, на фоне того, как некоторым выносили предупреждения за хулу в адрес короля и его нового брака. Их могли осудить как изменников. Один житель деревни посетовал, что, если кто увидит, как трое или четверо людей идут куда-то вместе, «появится констебль, который начнет расспрашивать, о чем они держат беседу, и грозить расправой». Фрагмент одного из разговоров записан в судебном архиве: «Будьте же довольны, ибо, если вы доложите на меня, я скажу, что никогда этого не говорил». Эразм писал, что «друзья, посылавшие мне раньше письма и подарки, теперь не шлют ни писем, ни подарков и сами ни от кого их не получают, охваченные страхом». Он добавил, что жители Англии стали реагировать и вести себя так, «будто бы под каждым камнем их подстерегает скорпион». Между 1534 и 1540 годами более трехсот человек приговорили к смертной казни за измену. Огромное количество людей бежали из королевства.

Томас Кромвель лично занялся расследованием дел обвиняемых. В его письме одному из священников Лестершира говорилось: «Король желает и приказывает, чтобы вы, без всяких промедлений и оправданий, немедленно по получении сего письма прибыли ко мне...» Это было одно из многих столь нежеланных приглашений. Говорить о полицейском государстве в данном случае было бы анахронизмом и ошибкой, однако совершенно очевидно, что Кромвель и его доверенные лица создали эффективную, пусть даже неофициальную, систему контроля. «Я слышал, – писал один из членов палаты лордов, – вы велите, чтобы я отправился по деревням и селам и проведал, нет ли в тех частях каких зложелателей, кто распространяет слухи аль замышляет недоброе». В Англии XVI века, как бы то ни было, отсутствовало понятие личного пространства; ложе зачастую приходилось делить с другими людьми, а принцы ужинали у всех на виду. Жители любого сообщества находились под пристальным контролем своих соседей и подвергались насмешкам, а то и наказаниям за нарушение общепринятых норм поведения. Отсутствовал сам принцип свободы. Если кто-то спрашивал: «Разве я не волен распоряжаться тем, что имею, как мне заблагорассудится?» – то получал ответ, что никому не дозволено делать то, что неправильно. В каждой школе, за каждой церковной кафедрой акцентировалась идея добродетельного послушания. Это был Закон Божий, который не подлежал обжалованию.

Духовенству было велено надзирать за своими прихожанами, а местным судьям приказывалось следить за епископами, дабы убедиться, что те «верно, искренне и без притворства, обмана и лицемерия исполняют и вершат нашу волю и приказ». «Шарлатанов» и «сочинителей фальшивых новостей» необходимо было арестовывать. Акт о престолонаследии прибили гвоздями к дверям каждой приходской церкви в королевстве, а священнослужителям было приказано читать проповеди, обличающие папские претензии; им запрещалось обсуждать такие спорные вопросы, как почитание святых или чистилище. С каждой церковной кафедры должна была звучать апологетика королевского всевластия. Генрих требовал ни много ни мало полнейшего подчинения своих подданных методами, к которым не прибегал ни один из его предшественников. Он ясно дал понять, что, подчиняясь суверену, народ подчиняется самому Богу. В то же самое время король вместе с Кромвелем проводил реформу местного самоуправления, назначая доверенных лиц в муниципальные советы. В Ирландии, Уэльсе и на севере Англии старый караул был заменен новой и предположительно более лояльной охраной. В стране был установлен порядок с сильной центральной властью, контролируемой Томасом Кромвелем, рассылавшим циркулярные письма шерифам, епископам и судьям.

Вскоре была проведена присяга Акту о престолонаследии. Поклялись все жители Лондона. Жители Йоркшира также были «всецело готовы принести клятву». Шериф Нориджа докладывал, что «никогда народ еще не выказывал такого желания или усердия». В маленькой деревушке Литл-Уолдингфилд в графстве Суффолк девяносто восемь жителей подписались своим именем, а тридцать пять оставили отметку.

Тем не менее нашлись и те, кто отказался поставить подпись, считая, что это противоречит воле папы и всей церкви. Среди этих смельчаков – или упрямцев – были монахи-картузианцы¹⁵ из Чартерхауса. Из достоверного источника сообщалось, что сам король, скрыв свое обличье, отправился в монастырь, чтобы обсудить с ними этот вопрос. Те, кто не поколебался в своем мнении, вскоре отправились в тюрьму. 15 июня 1534 года один из доверенных лиц короля доложил Томасу Кромвелю, что францисканцы-минориты из Ричмонда также отказались подчиниться. «В заключение они сказали, – писал доносчик, – что их религия – это религия святого Франциска, и, исповедуя ее, они живут и умрут». Разумеется, смерть им была уготована. Через два дня повозки, полные монахов, отправились через весь город по направлению к Тауэру.

Непокорный епископ Рочестерский Джон Фишер отказался принести клятву и был также сослан в Тауэр. Из своего заключения он писал Кромвелю, умоляя сжалиться над ним и «снабдить вещами, необходимыми мне в моем преклонном возрасте». Один из посетителей вспоминал, что священник был живой скелет, кожа да кости, на котором едва держалась одежда.

Томас Мор предстал перед Кранмером и Кромвелем в Ламбетском дворце, где ему показали текст клятвы; однако и он отказался его подписать. Он бы с радостью поклялся, что дети Анны Болейн смогут вступить на престол, но не осмелился заявить под присягой, что все предыдущие парламентские акты были законными. Он не мог отказаться от признания авторитета папы римского «без риска подвергнуть душу свою вечному проклятию». Его, как и других, отправили в Тауэр, где он и оставался до смертной казни. Еще один знаменательный отказ поступил от первой дочери короля, Марии, которую невозможно было убедить отречься от матери. Услышав эту новость, Анна Болейн заявила, что «незаконнорожденная» заслуживает «хорошей взбучки». Мария фактически стала узницей в собственной комнате, а одну из ее служанок заточили в тюрьму. Вскоре она в очередной раз слегла с хворью, и придворный

¹⁵ Картузианцы – члены католического монашеского ордена картузианцев (*Ordo Cartusiensis*), отличающиеся особым аскетизмом и уединенной созерцательной жизнью. Орден основан в 1084 г. Бруно Картузианцем в монастыре Гранд-Шартрёрз в Альпах, в исторической области Дофине. Название монастыря на латыни – *Cartusia* – дало имя ордену. В английском языке термин *Carthusians* омонимичен, означая как членов ордена картузианцев, так и последователей философа XVII в. Рене Декарта.

врач после визита к больной заявил, что болезнь в определенной мере была вызвана «печалью и тревогой».

Необходимо было сделать последние шаги в долгом процессе разрыва отношений с папой. Последний акт парламента, собравшегося на вторую сессию в ноябре, был призван свести воедино и подытожить всю проделанную прежде работу. В клятву к Акту о престолонаследии внесли изменения, с учетом реакции Мора и других лиц, а также приняли новый Акт об изменах, запрещающий под страхом смертной казни злоумышленные высказывания против короля и королевской семьи. Изменой, к примеру, считалось назвать короля еретиком, схизматиком или тираном. Теперь это был вопрос лояльности, а не теологии.

Был принят Акт о супрематии, облакавший все приобретенные королем властные полномочия в законную и непротиворечивую форму и гласивший, что «король, наш верховный повелитель, а также его наследники и преемники должны восприниматься, приниматься и признаваться единственным верховным главой на земле и главой английской церкви, именуемой *Anglicana Ecclesia*». Он мог исправить все ошибки и искоренить ересь; его духовный авторитет не подлежал оспариванию. Ему не хватало лишь *potestas ordinis*; не будучи священнослужителем, он не имел права проводить священные таинства или читать проповеди. Он являлся кафолическим главой одной из католических церквей. Таким образом, по словам Джона Фокса, папу «запретили, сокрушили и изгнали из этой страны». Действия короля фактически основывались на английских философских принципах и обычаях, впервые оформившихся в XII веке. Противостояние Вильгельма II Рыжего и Ансельма Кентерберийского напоминало соперничество Генриха и архиепископа Уорхэма. Один из слуг отца короля, Эдмунд Дадли, еще за двадцать лет до этого заявлял, что «источник любви к Богу, который есть познание Его своими делами добрыми, в королевстве нашем должен проистекать в первую очередь от короля, нашего верховного повелителя». Подобное преклонение перед короной являлось одним из неизменных аспектов английской истории.

На обложке перевода Библии Майлса Ковердейла, опубликованного в 1535 году, представлено изображение короля, восседающего на троне под Всевышним Богом. В каждой руке Генрих держит книгу, на которой написано «Слово Божие»; он дает экземпляры Кранмеру и другому епископу со словами «Бери и проповедуй». В нижней части обложки люди выкрикивают: *Vivat Rex! Vivat Rex!*, а дети, не знающие латыни, восклицают: «Да здравствует король!»

В ответ на Акт о супрематии папа издал буллу об отлучении и низложении короля. Генриха предали анафеме; после смерти его телу будет отказано в погребении, а душа навеки заточена в ад. Жители Англии обвинялись в неповиновении, если не решатся немедленно восстать против короля; их браки признавались незаконными, а завещания недействительными. Ни один истинный сын церкви не должен был впредь торговать или поддерживать связь с островом. По настоятельной просьбе французского короля, однако, папа отложил введение в силу этого всеобщего отлучения от церкви на три года. В сложившемся положении дел внешняя политика пришла на помощь Генриху.

Более консервативно настроенные епископы считали, что Генрих сможет стать оплотом против немецких еретических вероучений, тогда как Кранмер надеялся, что король послужит орудием реформы. Эту надежду разделял и Томас Кромвель, понимавший, что его господин теперь способен обрести как богатство, так и влияние. Был подготовлен документ под названием «Имущество, передаваемое его королевскому величеству ради приумножения и увеличения состояния для содержания великих королевских владений». Было предложено изъять большую часть земель и доходов церкви и перевести их в королевскую казну.

В начале 1535 года, таким образом, была проведена инвентаризация всего церковного имущества. Эта опись стала самой масштабной в своем роде после Книги Страшного суда, составленной в XI веке. Служащие каждого собора и каждого приходского храма, каждого монастыря и каждой больницы, каждой обители и каждой коллегиальной церкви были обязаны

предоставить доступ к своим имущественным книгам и бухгалтерским ведомостям; их допрашивали под присягой о доходах от сбора десятины и от земельных наделов. Их просили отчитаться об имеющихся золотых чашах и серебряных подсвечниках. Вскоре король точно знал, какую прибыль можно ожидать от доходов церкви, постановив при этом, что десятая часть этих доходов будет отходить ему. В результате собираемые им подати многократно превышали папские за всю историю.

В тот же период Томаса Кромвелля назначили «наместником», или административным представителем в церковных делах, исключительно с целью осуществления контроля над сбором податей. Он был искушенным в финансовых вопросах церкви; именно он под начальством Уолси ассигновал деньги, изъятые у некоторых монастырей, на строительство нового Кардинальского колледжа в Оксфорде. Летом того же года на западе Англии возобновились ревизии небольших монастырей, отслеживавшие случаи мздоимства и аморального поведения среди монахов и аббатов; ревизоры облакались полномочиями дисциплинировать или отстранять непокорных священнослужителей и побуждали духовных братьев доносить друг на друга за различные прегрешения. Об одном настоятеле говорили, что у него «только шестеро детей и единственная дочь... он благодарен Господу, что никогда не путался с замужними женщинами, но лишь с самыми прекрасными девами, которых только можно было найти... Папа, учитывая его немощность, дал ему разрешение содержать блудницу». Был принят указ, запрещающий всем аббатам и монахам выходить за пределы монастырских стен. Другое постановление гласило, что все монахи младше двадцати четырех лет отстраняются от богослужения. Некоторые послушники появлялись на службе в высоких сапогах с отворотами и с атласными розетками на шляпах.

Затем проверяющие переключились на университеты, и было решено, что изучение схоластики и сочинений средневековых Отцов Церкви необходимо заменить гуманистическими дисциплинами, одобренными Эразмом и другими реформаторами. Вводились ежедневные лекции на латинском и греческом, имевшие ключевое значение для философии эпохи Возрождения. Каноническое право убрали из учебного курса. Хоть основной целью ревизий и являлся сбор денежных средств, они содействовали религиозному и образовательному обновлению.

Это время ознаменовалось множеством смертей. Монахов из Чартерхауса казнили первыми, вменив в вину нарушение Акта об измене, только что принятого парламентом. Жюри не осмеливалось вынести смертный приговор этим святым праведникам, однако Кромвель угрожал, что они сами отправятся на плаху, если откажутся это сделать. Когда настоятель Чартерхауса Джон Хотен услышал вердикт, то в ответ изрек: «Такова кара земная». 4 мая 1535 года осужденных в монашеских рясах возвели на эшафот – впервые в английской истории священнослужители принимали смерть в своих церковных облачениях. Хотена казнили первым. Сначала священника подвесили на петле, вырвали из его груди сердце и вымазали им лицо; затем вытащили из живота кишки и сожгли прямо перед ним. Его обезглавили, а тело четвертовали. За этой казнью последовали две другие, и еще три – в следующем месяце. Многие вельможи и придворные, включая двух герцогов и одного графа, находились среди толпы. Сообщалось, что «сам король был бы не прочь взглянуть на кровавую расправу». Это было олицетворение его власти над церковью и людьми.

Жители Лондона меньше радовались экзекуциям, и многие пришли в ужас от того, что монахов казнили в их священнических рясах. Отмечалось, что со дня их казни непрерывно шел дождь. Урожай зерновых не удался – собрали лишь одну треть от обычного объема. Все сочли это знаком божественной немилости. Однако какой храбрец осмелился бы выступить против короля? Некоторые вельможи, впрочем, отправляли тайные послания в Испанию с целью подстрекательства к вторжению; говорили, что король потерял сердца всех своих подданных.

В памятной книге, принадлежавшей Томасу Кромвелю, содержатся следующие заметки:

1. Известить короля о судебном распоряжении в отношении господина Фишера.

2. Узнать его волю касательно господина Мора.

Фишер был и в самом деле предан суду в середине июня, обвиненный в государственной измене за слова «король, наш суверенный повелитель, не есть верховный глава английской церкви на земле». Злому року не смогло помешать даже решение папы даровать Фишеру красную кардинальскую шапку. Генрих воспринял это как явное вмешательство в дела Англии и пообещал, что голова слетит с его плеч еще до тех пор, пока на нее успеют надеть шапку. Шапка успела доехать лишь до Кале.

Жюри из двенадцати свободных землевладельцев приговорило состарившегося клирика к смерти изменника, по образцу казненных монахов, однако верный своему слову Генрих заменил экзекуцию простым обезглавливанием. Пять дней спустя, 22 июня 1535 года, Фишера возвели на эшафот; изможденный и больной, он был слишком слаб, чтобы самостоятельно пройти путь до места казни на Тауэр-Хилл, поэтому его несли на стуле. Перед самой казнью он обратился к толпе с просьбой помолиться за него. «Я прошу Всемогущего Господа, – сказал он, – в его бесконечной благодати, спасти короля и это королевство...» Его голова слетела с плахи от одного удара, и собравшиеся изумились, что столько крови хлынуло из столь исхудалого тела.

Через день после казни король посетил театрализованное представление, направленное на обличение папы римского и основанное на Откровении Иоанна Богослова. Подобные зрелища и лицедейства набирали популярность. Императорский посол отметил, что король сидел уединенно, «однако был настолько доволен образом собственного персонажа на сцене, отрубавшего головы священникам, что, дабы вдоволь посмеяться и дать возможность зрителям позабавиться, он обнаружил свое присутствие».

Вслед за Джоном Фишером на эшафот отправился и Томас Мор. Через четыре дня после смерти Фишера была учреждена специальная комиссия для рассмотрения его дела. С самого момента заключения Мора в Тауэре Кромвель обманывал и запугивал его в надежде, что он изменит свою позицию. Кромвель даже намекнул, что упрямство Мора, послужив плохим примером, стало одной из причин низвержения монахов из Чартерхауса. На этом терпение Мора лопнуло. «Я никому не делаю ничего дурного, – ответил он, – я не говорю дурного, не помышляю дурного, а желаю лишь только блага. И если этого недостаточно, чтобы сохранить человеку жизнь, то по доброй воле я не желаю больше жить».

Судебный процесс проходил в Вестминстер-Холле, где Мор держался с достоинством и остроумием. Однако в вердикте не сомневались ни на минуту. Мора обвинили в измене и через пять дней отправили на Тауэр-Хилл, где его уже ждал топор. Его последними словами была шутка в адрес палача. «В этот день ты мне окажешь, – сказал он ему, – величайшую услугу, которую только может оказать любой смертный человек. Соберись же с духом, друг мой, и не бойся исполнить свой долг. Моя шея коротка; будь же внимателен, не промахнись, нанося удар, дабы не замарать честь свою».

Екатерина Арагонская, наблюдая за уничтожением тех, кого считала святыми, отправила срочное письмо папе с сообщением, гласившим, что «если в кратчайшее время не предпринять меры, то конца-краю не будет погубленным душам и преданным мученической смерти святым. Сильные духом будут тверды и примут страдания. Слабые духом покорятся, если не найдут никого, кто протянет им руку помощи». Однако помощи было ждать неоткуда. Католические страны Европы восприняли казнь Мора и Фишера, а также монахов из Чартерхауса как акт варварства, видимо забыв, к каким жестоким мерам прибегали их христианские правители для расправы над еретиками. В Англии не существовало святой инквизиции.

В поиске союзников было целесообразным достичь определенных соглашений с протестантскими властителями Германии. В сообщении курфюрсту Саксонии, например, Генрих восхвалял его «в наивысшей степени благонравный ум» и заявлял, что две страны, «объединившись, станут многократно сильнее и смогут противостоять своим недругам». Надеяться,

что король, возможно, согласится подписать лютеранский Символ веры, известный как Аугсбургское исповедание, составленный за пять лет до этого немецкими князьями. Все намерения оказались тщетными.

Масштаб проверок небольших монастырей расширили в 1535 году. Прежде внимание ревизоров ограничивалось лишь западными областями Англии; завершив работу там, они переместились на восток и на юго-восток, прежде чем отправиться на север в начале 1536 года. Спешность этих инспекций не предвещала их надежности. И все же ревизоры неустанно засыпали настоятелей, аббатов, монахов и их слуг вопросами и подвергали проверкам: «Должным ли образом проводится богослужение, денно и нощно, в урочные часы? А сколько человек посещает службу и кто часто отсутствует? Встречаются ли монахи с женщинами, в монастыре ли или же в его окрестностях? Есть ли какие потайные двери, через которые женщины могут проникнуть на монастырскую территорию? Есть ли послушники, которые возлежат с этими женщинами? А есть ли кто из духовной братии, кто отказывается встать на путь истинный? Всегда ли вы носите ваши церковные одеяния и не снимаете их, кроме как отходя ко сну?»

Всего было восемьдесят шесть вопросов. Одного из настоятелей обвинили в апологетике измены и заставили пасть на колени и раскаяться. Аббат из Фаунтейнс содержал шесть блудниц. Аббат из Бэттл был охарактеризован Кромвелем как «самый истый сквернавец, осто-лоп и межеумок, и отъявленнейший каналья, каких я видал на свете». Сквернавец значило негодяй; остолопом называли глупца; межеумок обозначало дурака. А отъявленного каналью можно описать как сущего мерзавца. Каноников Лестерского аббатства обвинили в мужеложстве. Приор ордена крестовых братьев был найден в постели с женщиной, в пятницу, в одиннадцатый утра. Аббата Уэст-Лэнгдон описывали как «самого закоснелого пьяницу и прощельгу, который только жил на свете». Один из ревизоров, Ричард Лейтон, отчитывался Кромвелю о том, как пришел в дом аббата. «Я долго стучался в его дверь; однако никто не отзывался, кроме маленькой собачки аббата, что по ту сторону двери была привязана и громко лаяла. Возле двери стоял небольшой топор, которым я вышиб дверь аббата, отчего та разлетелась вдребезги... и вот я отправился осматривать дом с топором в руках, поскольку аббат этот – опасный и отчаянный мерзавец, да еще и дюжий малый».

Ревизоры зафиксировали количество святилищ и реликвий, которые попадались им в ходе проверок; они перечислили их под заголовком «предрассудки» (*superstitio*) – знак того направления, в котором двигались Кромвель и его помощники. В аббатстве Бери-Сент-Эдмундс, к примеру, они нашли один из камней, которым был убит святой Стефан, и один из углей, на которых был поджарен святой Лаврентий. Там же они обнаружили череп святой Петрониллы, который люди прикладывали к голове, чтобы исцелиться от лихорадки. Монастыри, таким образом, стали восприниматься как рассадники папизма. Говорили, что в каком-то смысле монахи составляют запасную армию Рима. Томас Кромвель называл их «папскими шпионами». Если никаких свидетельств прегрешений не обнаруживалось, ревизоры просто делали заключение, что монахи состоят в тайном заговоре молчания. При должном усердии грехи всегда найдутся.

Парламент, сформированный семью годами ранее, был созван в феврале 1536 года на свою последнюю сессию. С тех пор он стал известен как Реформаторский парламент, оказавшийся, возможно, самым важным во всей истории Англии. Король пришел в палату лордов с «декларацией» о состоянии монастырей, основанной, без сомнения, на различных отчетах ревизоров. Хью Латимер, назначенный епископом Вустерским годом ранее, присутствовал на заседании и отмечал, что «когда гнусные бесчинства священнослужителей впервые озвучили в зале парламента, то их размах и чудовищность вынуждали покончить с этим раз и навсегда». Некоторые, возможно, заявили о своем несогласии. Согласно одному из отчетов, король призвал членов палаты общин к королевскому балкону: «Я слышал, что мой законопроект не

хотят принимать, но я заставлю палату его принять, или же некоторым из вас не видать своей головы».

Акт о роспуске монастырей в самом деле был принят. Согласно документу, все монастыри с ежегодным доходом менее 200 фунтов стерлингов подлежали ликвидации. Это была крупная сумма денег, и теоретически закрыться были должны 419 монастырей; аббаты составили петиции для исключения из этого правила, и 176 монастырям даровали право на отсрочку исполнения решения. Очевидно, что Кромвель и его помощники получали взятки в виде денежных вознаграждений или других подарков. И все же этот процесс нельзя было назвать общим роспуском монастырей. Крупные монастыри не тронули, и монахам из небольших обителей разрешили в них перейти. Прежнее благоденствие царило в «великих и законопослушных монастырях, где (слава Господу!) религия должным образом охранялась и блюлась». Сложно поверить, впрочем, что религиозность начиналась лишь с 200 фунтов стерлингов в год.

Как следствие, протесты были немногочисленны и хаотичны. Можно подумать, что план Кромвеля заключался в медленном и осторожном движении с устранением одного препятствия за другим. Вероятнее всего, однако, что король и его главный министр пытались найти дорогу в незнакомой местности; они еще сами до конца не знали своей конечной цели и меняли курс по мере продвижения. Тем временем высшее духовенство на конвокации формулировало принципы новой веры под верховенством короля. Императорский посол отмечал, что «они не признают ни чистилища, ни соблюдения Великого поста или других постов, ни дней почитания святых или поклонения образам, что есть кратчайший путь к разграблению церкви святого Томаса Кентерберийского и других мест, почитаемых паломниками в этом королевстве». В своем заключении посол был совершенно прав. Решение конвокации, в сущности, скорее основывалось на соображениях практического и финансового характера, нежели догматических и доктринальных предпосылках.

Во время своего последнего заседания парламент учредил суд по приращению королевской казны, через который все доходы от роспуска монастырей – все ренты и десятины – проходили судебное рассмотрение и затем передавались короне. Другие тоже были не прочь заполучить свою долю добычи. Один вельможа писал Кромвелю, «умоляя посодествовать с каким-нибудь старым аббатством ввиду моих преклонных лет». Суд был учрежден весной 1536 года. По словам Томаса Кранмера, это был «мир Реформации».

8. Маленькая шея

7 января 1536 года Екатерина Арагонская скончалась. Отверженная и униженная мужем, отлученная от собственной дочери, она не знала счастья в последние годы жизни. В ее адрес звучали оскорбления, перемежавшиеся угрозами, однако ничто не могло заставить королеву поступиться убежденностью, что Генрих – ее законный супруг. Она упорно держалась за свою уверенность, в то время как мир вокруг нее изменился. Поговаривали даже, что король готовится обезглавить ее, но вряд ли монарх позволил бы себе совершить столь вопиющую ошибку. Своей дочери Марии Екатерина писала: «Он не допустит твоих страданий, если будешь остерегаться обидеть его»; подобные слова не свидетельствуют о снисходительности к королю. Она напутствовала дочь: «В чем бы окружении ты ни оказалась, повинуйся приказам короля, будь немногословна и ни во что не вмешивайся». Мария не вмешивалась; она просто терпела. В тот период истории испанцы всегда ассоциировались со строгим соблюдением формальностей и самоконтролем; эти качества в Екатерине были развиты в высочайшей степени. В письме мужу, написанном за несколько часов до смерти, она умоляла его уберечь свою душу от страшных грехов, «коиими вы ввергли меня в пучину несчастий, а себя – в пучину тревог». Она подписала как «Королева Екатерина». Кое-кто подозревал, что королеву могли отравить, однако в действительности вокруг ее сердца впоследствии обнаружили раковую опухоль.

Услышав весть о ее кончине, король возрадовался. «Слава Господу, – воскликнул он, – война нам более не грозит!» Он опасался, что племянник покойной королевы Карл V может создать католическую лигу с Францией и папой против английского безбожника. На следующий день Генрих и Анна Болейн явились на бал в золотых одеждах.

Доподлинно неизвестно, откуда Мария узнала о кончине матери, однако эти новости спровоцировали у нее очередной приступ болезни. В очередной раз она столкнулась с угрозой в лице Анны Болейн. «Если у меня скоро, как я надеюсь, родится сын, – писала Анна, – то знаю, какая судьба ей уготована». «Она – моя смерть, – однажды сказала Анна, – а я – ее». Мария теперь осталась совсем одна, и в ее сознании зародилась мысль искать убежища в императорской семье ее матери в Брюсселе. Она обсудила с императорским послом возможность бегства через Ла-Манш, однако он настоял на осторожности и бдительности. Тем временем, по его словам, «она ежедневно готовилась к смерти». Положение, в котором оказалась Мария, было поистине несправедливым. При определенных обстоятельствах она могла считаться претенденткой на королевский престол. Противники нового религиозного порядка, к примеру, с радостью приветствовали бы ее как свою королеву. Со всех сторон ее окружала опасность.

В день похорон Екатерины, состоявшихся в церкви аббатства Питерборо 29 января, у Анны Болейн случился выкидыш – она потеряла мальчика; это стало еще одним звеном судьбоносной цепи, связавшей воедино обеих женщин. Анна оправдывалась, что виной всему потрясение, которое она испытала, получив известие о падении короля с лошади во время рыцарского турнира в Гринвиче; два часа он пролежал на земле без сознания. И все же король верил – или же предпочитал верить, – что за происшедшим стоит Божий Промысел. «Я вижу, – молвил король, по словам очевидцев, – что Господь не дарует мне детей-мальчиков».

Король вновь стал предаваться увлечениям. Обращаясь к императорскому послу, Томас Кромвель отметил, что «в будущем королю придется вести более нравственный образ жизни, чем до сих пор, – в праведном браке с его новой королевой». Министр, однако, поспешил прикрыть рукой улыбку, и посол заключил, что он мог говорить неправду. В действительности Генрих добивался расположения Джейн Сеймур, юной барышни из числа придворных дам самой Анны Болейн, чьи резкие черты лица унаследовал ее сын. Сообщалось, что Анна Болейн застала мужа с сидящей на его коленях девушкой и впала в ярость, однако возможно, что это лишь более поздние домыслы.

Посол рассказал и другую историю, намекающую на сложную ситуацию при дворе. Разговаривая с «братом нынешней возлюбленной короля», он стал свидетелем спора, в котором «король и Кромвель, казалось, обменивались гневными репликами, поскольку после долгой перепалки последний вылез через оконный проем, возле которого стоял король, под предлогом мучившей его жажды. И действительно, обуреваемый досадой, он присел на стоявший поодаль сундук, подалше от королевских глаз, и попросил чего-нибудь испить». В конце концов Генрих отправился его искать.

Один из придворных однажды описывал, как «король бранит его [Кромвеля] по два раза на неделе и задает ему порой хорошую взбучку; сам же Кромвель тем временем, отчитанный и получивший выволочку словно пес, выходит из Большой палаты... с таким ликованием на лице, будто бы правит королевский бал». Эта столь редко наблюдаемая человеческая сторона придворной жизни дает нам возможность украдкой взглянуть на непрерывные личные противоречия, формировавшие решения, которые мы сегодня называем историей.

И действительно, в недалеком будущем королевский двор ждали великие и драматичные перемены. Сообщали, что король поделился своими страхами по поводу Анны Болейн с одним из приближенных в своих личных покоях, обвинив ее в том, что она обманом заставила жениться на себе с помощью колдовства. Именно поэтому Бог покинул его. Так, по крайней мере, рассказывают. Однако в повседневной жизни король по-прежнему обходился с Анной учтиво и внимательно, а хроники свидетельствуют, что она тратила изрядное количество денег на изысканные наряды для себя и своей дочери. Несмотря на опасения короля, были все основания полагать, что она сможет произвести на свет еще одного ребенка. Сама Анна Болейн во всеуслышание заявляла об этом.

А потом разразилась беда. 24 апреля в условиях полной секретности были созданы две отдельные комиссии с целью исследования случаев или подозрений в измене. В одной заседал Томас Кромвель и герцог Норфолк, приходившийся Анне Болейн дядей, но уже не другом. Три дня спустя высказали предположение, что король, возможно, потребует развода. Что же произошло? Одна из придворных дам допустила неосторожность в разговоре о личных связях королевы и упомянула некоего «Марка». Слово не воробей, вылетит – не поймаешь. Соккрытие или попытка утаить информацию о предполагаемой неверности королевы приравнивались бы к государственной измене – или же, в контексте того времени, укрывательстве измены. Слухи в мгновение разлетались по всей округе.

30 апреля Марка Смитона, придворного музыканта и одного из камердинеров личных королевских покоев, препроводили из Гринвича в Тауэр, где он сознался в любовной связи с Анной; признание, возможно, и было вырвано пытками, однако не исключено, что Смитон, страшась возмездия, говорил правду. Впоследствии он не отрекся от своих слов и повторил признание у подножия эшафота. На следующий день состоялись первомайские рыцарские турниры, в которых брат Анны Джордж Болейн, виконт Рочфорд, состязался с сэром Генри Норрисом. Норрис был близким другом монарха и главным камердинером личных королевских покоев. Вскоре их обоих ждала смертная казнь из-за подозрения в любовной связи с Анной Болейн.

После завершения турнира король отправился из Гринвича в Уайтхолл в небольшой компании приближенных, взяв с собой Норриса. Во время путешествия он обвинил Норриса в любовной связи со своей женой. Любовные интриги с королевой Англии означали государственную измену. Король пообещал даровать ему прощение, если он расскажет всю правду, однако Норрис с негодованием отверг все обвинения. На рассвете следующего дня его отвезли в Тауэр. Джорджа Болейн к тому времени уже арестовали и обвинили в прелюбодеянии с собственной сестрой. Доказательства инцеста были предоставлены его женой, леди Рочфорд, решившей, возможно, из злого умысла изобличить распутного мужа. Придворные дамы королевы также были допрошены и, по-видимому, раскрыли любопытные подробности. Пятерых

мужчин обвинили в сношениях с королевой – Марка Смитона, Джорджа Болейна, Генри Норриса, Уильяма Бреретона и Фрэнсиса Уэстона – и казнили. Трое других, включая поэта Томаса Уайетта, были помилованы. Созванные комиссии по расследованию отнюдь не всегда представляли собой показательные судебные процессы.

Саму королеву допросили на собрании Королевского совета. В какой-то момент свидетели в Гринвичском дворце могли наблюдать, как Анна Болейн заклинала короля простить ее, держа на руках малютку-дочь; однако этого было недостаточно. Вскоре раздался залп пушки, возвещая народу о том, что некую знатную особу или члена королевской семьи заключили в Тауэр. По прибытии она пала на колени и взмолилась «Господу с просьбой о помощи, ибо не совершала она того греха, в котором ее обвиняют». Узнав, что Смитон и Норрис находятся среди заключенных, она воскликнула: «О, Норрис, неужто ты осудил меня? Сейчас же ты в Тауэре вместе со мной, и вместе мы умрем; Марк, и тебя ждет та же участь».

В беседах со своим тауэрским стражником, сэром Уильямом Кингстоном, она вспоминала некоторые более ранние разговоры:

Анна Болейн. Почему ты не создашь свою семью?

Генри Норрис. Я подожду еще немного.

Анна Болейн. Ты ждешь у моря погоды; если что-нибудь случится с королем, тебе придется остаться со мной.

Генри Норрис. Пусть мне снесут голову с плеч, если я когда-нибудь помышлял такое.

Запомнился и диалог с Марком Смитоном:

Анна Болейн. Почему ты так печален?

Марк Смитон. Это не важно.

Анна Болейн. Не стоит ждать, что я стану говорить с тобой как со знатным вельможей, ведь ты простолюдин.

Марк Смитон. Нет, нет, госпожа. Мне достаточно одного взгляда.

Эти фразы никоим образом не являются доказательством вины, но и не кажутся совершенно невинными. «Представлять себе смерть короля», подобно Анне, само по себе было актом измены. Присяжным не составило бы никакого труда вынести ей обвинительный приговор. Королевский суд теперь обратился против нее, почуяв, в какую сторону дует ветер. Лишь у Кранмера оставались сомнения. «Я в таком замешательстве, – признался он королю, – что мой разум совершенно сбит с толку; никогда еще ни об одной женщине я не был лучшего мнения, чем о ней».

Четверо обвиняемых предстали перед судом в середине мая, в Вестминстер-Холле, в то время как судебный процесс над Джорджем Болейном должен был пройти в присутствии членов палаты лордов в Тауэре. Один лишь Смитон сознался в совершении преступления, повторив свое признание, что трижды вступал в любовную связь с королевой. Остальные своей вины не признали. Сообщается, что при первом допросе Норрис признался в содеянном, однако позже отказался от своих слов. Всех их приговорили к смертной казни.

Прибыв в Тауэр, королева обратилась к коменданту тюрьмы, сэру Уильяму Кингстону, со словами: неужто ей суждено взойти на эшафот, так и не удостоившись правосудия? «Даже самый бедный подданный короля, – ответил он, – заслуживает правосудия». Его ответ заставил ее рассмеяться. Она прекрасно понимала, что ей не под силу выстоять перед гневом и подозрительностью короля. Вместе с братом ее препроводили в Большой зал Тауэра и допросили в присутствии двадцати семи пэров королевства, в знак уважения к их статусу. «Нет. Это все, что я могу ответить вам, – сказала королева, – не обнажая наготы тела своего. Всем тем, кто обвиняет меня, я могу лишь сказать “нет”, и они не смогут привести ни одного свидетеля». Анну и ее брата обвинили в государственной измене, наказанием за которую для коро-

левы являлось сожжение на костре. Впрочем, обезглавливание посчитали достаточной карой. Комендант Тауэра сообщил ей, что «все произойдет без боли, совершенно незаметно».

«Я слышала, – ответила она, – что палач хороший мастер, а у меня такая маленькая шея». С этими словами она обхватила горло руками и расхохоталась. 19 мая, незадолго до полудня, ее возвели на эшафот, сооруженный в стенах Тауэра. Нервничая, она постоянно оглядывалась назад, словно боясь быть застигнутой врасплох. Она стала первой королевой в истории Англии, которую обезглавили. Точный возраст Анны Болейн на момент казни неизвестен, однако по примерным оценкам ей было чуть за тридцать. Когда палач поднял отрубленную голову, глаза и губы еще шевелились. Тело затем бросили в обычный сундук из вяза, в котором хранили стрелы.

Генрих позаботился о том, чтобы его брак с Анной был расторгнут на основании ее любовной связи девятью годами ранее, не осознавая, по-видимому, что она не могла бы совершить адюльтер, не будь его женой. Так или иначе, король хотел вычеркнуть ее из своей жизни, изгладив любое воспоминание о ней. Правильно ли он поступил – вопрос, который остается спорным со времени самих событий. Некоторые предполагают, например, что Анна Болейн стала жертвой заговора, учиненного Кромвелем или консервативной фракцией монаршего двора.

И все же здравый смысл подсказывал, что подобная авантюра таила бы в себе большую опасность. Все обвиняемые были хорошо известны при дворе; Джордж Болейн приходился братом Анне и занимал высокое положение, а Генри Норрис был близким другом самого короля. Было бы верхом безрассудства впутывать таких людей в сговор, не имевший никаких мотивов. На судебном процессе вслух зачитали все детали о времени и месте совершения преступления. К примеру, первое обвинительное заключение гласило, что «королева 6 октября 25 Ген. VIII [1533] в Вестминстерском дворце словом и т. д. побудила и склонила некоего г-на Генри Норриса, одного из камердинеров личных королевских покоев, к незаконному сношению с ней; сие деяние было совершено в Вестминстере, 12 октября 25 Ген. VIII». Описанные подробности, возможно, не совсем точны, однако само их присутствие указывает на наличие веских и убедительных доводов против подозреваемых. Это не было лишь туманным обвинением, построенным на слухах и кляузах. К чему инкриминировать подобное пяти господам, четверо из которых пользуются известностью и уважением, когда было бы достаточно и одного?

И обвинения поверили. Согласимся, что никто по своей воле не осмелился бы воспротивиться желаниям короля, но показательно, что все двадцать семь пэров единодушно признали факт совершения королевой инцеста с собственным братом. Два больших и одно малое жюри вынесли решения по делам остальных обвиняемых.

Представляется возможным, по крайней мере, что Анна Болейн была не настолько невинна, как пыталась всех убедить. Вероятно, она добивалась других мужчин в отчаянном стремлении родить мальчика, которого страна приветствовала бы как наследника престола, тем самым обезопасив собственную жизнь и судьбу своей семьи в обозримом будущем.

Еще один аспект судебного процесса был сокрыт от внимания посторонних. Утверждали, что королева якобы поведала жене Джорджа Болейна о мужском бессилии короля. Во время заседания Джорджу Болейну передали листок бумаги, где излагались подробности случившегося, для личного ознакомления. «Король не искусен в сношениях с женщиной и не отличается ни нравственностью, ни мужским достоинством». В насмешку ли, или бравады ради он прочитал содержимое записки вслух. Подобный поступок не всегда свидетельствует о порядочности. Этот поступок обвиняемого бросил дерзкий вызов суду и подлил масла в огонь. Анна Болейн не отрицала, что Джордж распространял слухи о подлинном отцовстве принцессы Елизаветы. Поговаривали даже, что ее настоящим отцом был сэр Генри Норрис. По прошествии стольких веков никто уже не сможет сказать доподлинно. Как говорится, ищи ветра в поле, а правду

– на дне морском. Лучшим эпиграфом к событиям весны 1536 года служат строки одного из ненадолго осужденных за связь с Анной, поэта Томаса Уайетта¹⁶:

Те дни кровавые сердце мне разбили,
И страсть, и мою юность загубили...¹⁷

В день казни Анны Болейн король облачился в белые одежды, а уже на следующее утро обручился с новой избранницей. Должно быть, он свято верил в виновность бывшей королевы, или узнал о другом ее прегрешении, которое решил не предавать огласке, или же то и другое вместе. Во время визита своего незаконнорожденного сына Генриха, герцога Ричмонда, король приветствовал его со слезами на глазах и заявил, что он и Мария «должны возблагодарить Господа за то, что уберег от рук той женщины, замыслившей их отравить». Рассказывали, что монарх держался с почти вызывающей веселостью и даже сочинил стихотворную трагедию, где у Анны Болейн было сто любовников.

У Генриха был и другой мотив для нового брака. Сорокалетний король отчаянно желал иметь наследника. В действительности он уже объявил незаконнорожденными Марию и Елизавету. Герцог Ричмонд родился вне брака и поэтому не имел права на престол.

Смерть Анны Болейн не встретила большого сочувствия среди английского народа. Большая часть населения относилась к ней с пренебрежением, по крайней мере в глубине души, а один из современников описывал проявления ликования и радости «от обесчещения сожительницы». Новая жена Генриха, Джейн Сеймур, впрочем, также не могла похвастаться всенародной поддержкой. «Намедни про нас сочинили весьма язвительную балладу, – говорил ей Генрих, – поэтому, если она распространится среди народа и дойдет до ваших глаз, умоляю, не удостаивайте ее своим вниманием. Сейчас мне неизвестно, кто автор сего оскорбительного произведения; однако, будь он найден, его ждет немедленное наказание». Автора так никогда и не нашли.

К ликованию народа примешивалась всеобщая уверенность, что леди Мария теперь вновь обретет королевское благоволение. Однако подобная интерпретация событий, происходящих при дворе, представлялась слишком уж оптимистичной. Томас Кромвель стал выступать против сторонников Марии, объясняя это тем, что они якобы пытались выгодно устроить ее престолонаследие. Кажется, сама Джейн Сеймур уговаривала нового супруга помириться со старшей дочерью, но вместо этого Генрих подверг Марию еще большему давлению.

Он отправил к ней делегацию во главе с герцогом Норфолком, убеждая принести клятву верности – что означало бы дезавуировать брак своей матери и собственную законнорожденность. Ей пришлось бы признать короля верховным главой церкви. Мария отказалась дать все эти клятвы. Тогда герцог Норфолк объявил ее виновной в измене. Было вполне очевидно, что Генрих стремился предать ее суду, со всеми плачевными и даже мучительными последствиями. В письме, адресованном Марии, Томас Кромвель написал: «Вы самая упрямая и несговорчивая женщина... каких я когда-либо знал»; он убеждал ее раскаяться в «своей неблагодарности и позорном бессердечии». В противном случае, добавлял он, ее ждет «полный крах», а может, даже и изменническая смерть. Принцессе шел двадцать второй год.

Вскоре после этого она сдалась. Императорский посол увещевал ее, настаивая на том, что она обязана пережить весь хаос и ужас своего положения. Он убеждал, что, возможно, в спасении народа ради истинной веры лежит ее предназначение и ничто в мире не должно этому

¹⁶ О нем см.: *Уайетт Т.* Песни и сонеты. М.: Время, 2005; *Кружков Г.* Очерки по истории английской поэзии. Поэты эпохи Возрождения. Т. 1. М.: Прогресс-традиция, 2015. С. 31–44. Уайетт (1503–1542) был арестован одновременно с Анной Болейн в мае 1536 г., но 14 июня освобожден из Тауэра то ли по распоряжению Кромвеля, то ли благодаря ходатайству отца (там же, с. 38).

¹⁷ These bloody days have broke my heart, / My lust, my youth, did then depart...

воспрепятствовать. Мученичество означало бы провал всех усилий. Мария, не читая, поставила свою подпись под декларацией о повиновении. Она признала «его королевское величество верховным главой английской церкви, наместником Христа на земле», равно как и то, что брак между ее матерью и королем был, «сообразно Закону Божьему и закону людскому, кровосмесительным и незаконным».

Больше ей ничего не оставалось. В своем бедственном положении она написала отцу: «Всецело вверяю тело свое Вашему милосердию и отцовскому состраданию, не желая ни высокого статуса, ни положения, ни привилегий, опричь тех, что Ваше величество мне даровать изволит». Король сразу благосклонно принял дочь ко двору, однако ее нравственности и чувству собственного достоинства был нанесен непоправимый ущерб. Никогда впредь не склонится ее голова, не пошатнется сила воли. Чувство вины за отречение от собственной матери будет терзать ее, и лишь костры Смитфилда, возможно, смогли его немного унять¹⁸. Сообщается, что сразу после подписания декларации Марией овладели тоска и угрызения совести, и она просила императорского посла получить для нее особую диспенсацию от римской церкви. Несмотря на все это, Мария, по всей видимости, вполне освоилась с возвращением к придворной жизни, покупая драгоценности и изысканные наряды; она играла в азартные игры – умеренно, но постоянно – и имела собственный ансамбль менестрелей. У нее был свой шут – молодая бритоголовая женщина по имени Джейн.

После казни Анны Болейн стало ясно, что партии религиозных преобразований, извлекавшей выгоду из ее вмешательства в государственные дела, возможно, грозит крах. В Риме неприязнь к королю сменилась сочувствием и жалостью, и в воздухе витала надежда, что теперь, после всех злоключений с «ведьмой», Генрих вернется в лоно церкви. Само собой разумеется, это было совершенно неверное истолкование сути королевской реформы. Он никогда не выступал против учения церкви – лишь против ее верховенства. Его понимание власти и накопленного благодаря этому дохода было вполне достаточным, чтобы воспрепятствовать любым попыткам вернуться к Риму. Король считал, что религиозное единство является необходимым условием для единства политического.

Он видел себя в роли одного из тех ветхозаветных царей, что в страхе быть испепеленными божественным гневом стремились водворить Закон Божий в своих царствах. Разве Иоас, царь Израиля, не отобрал у священников их золото? Разве Иосия не восстановил Иерусалимский храм? Разве Соломон не вершил правосудие? Епископ Даремский Кутберт Тунсталл заявил, что в своих деяниях Генрих был подобен «главнейшим и лучшим из израильских царей – пример, которому должны следовать и все добрые христиане».

Его притязания на верховенство короны, впрочем, шли рука об руку с желанием реформировать монастыри и духовные учебные заведения. Ежедневно король посещал несколько литургий и никогда не провозглашал и не считал себя лютеранином. Ему не чужды были разнообразные формы народной религиозности, включая ритуал «поклонения Кресту Господню». Всю свою жизнь он перебирал в руках собственные молитвенные четки, принадлежащие сейчас герцогу Девонширскому, и распорядился отслужить множество заупокойных месс в момент своей кончины. Во многих отношениях он был правоверным католиком.

В начале июля созвали парламентское собрание, чтобы обсудить положение в королевстве после недавней казни Анны Болейн. Парламентарии отменили два закона, обеспечивавшие привилегии Анне Болейн и ее потомству, тем самым низводя Елизавету до одного статуса с Марией. Лорд-канцлер славословил третий брак короля, который, «по смиренному ходатай-

¹⁸ В конце правления Марии I, в 1555–1558 гг., на рынке Смитфилд в центре Лондона устраивались сожжения протестантов. Погибло не менее 282 человек, по данным Британской энциклопедии.

ству его благородия, согласился в очередной раз принять это условие и взял себе жену, чей возраст и состояние здоровья сочли пригодными для воспроизведения потомства».

Целью было родить мальчика-наследника, и, в случае кончины короля (не дай Бог!) или бесплодности новой королевы, «он поручает вам назначить того, кто станет престолонаследником». Возможно, ответ был согласован и отрепетирован заранее. При отсутствии законного наследника мужского пола парламент предоставлял королю право завещать корону по своему усмотрению. Сообразно этому претендентом на престол становился незаконнорожденный герцог Ричмонд. Он был меньшим из всех зол. Однако хрупкость династии вновь подтвердилась, когда летом 1536 года Ричмонд скончался от туберкулеза или какой-то иной нераспознанной легочной болезни. Генрих распорядился провести тайные похороны, чтобы не допустить общественных волнений, но ничто не могло скрыть тот факт, что судьба наследования отныне зиждилась на двух объявленных незаконнорожденными дочерях. Богато украшенную могилу почившего молодого герцога по сей день можно видеть в церкви Святого Архангела Михаила во Фрамлингеме, в графстве Суффолк.

Тревога, охватившая Генриха в тот период, стала очевидной, когда лорда Томаса Говарда, младшего брата герцога Норфолка, тем же летом обвинили в измене; ему инкриминировали связь с леди Маргарет Дуглас, дочерью королевы Шотландии. Королева приходилась Генриху сестрой, поэтому король заподозрил Говарда в притязаниях на престол. Говарда заключили в Тауэр, где он и скончался в следующем году.

В июне 1536 года конвокация высшего духовенства собралась в соборе Святого Павла. Хью Латимер, недавно посвященный в сан епископ Вустерский и главный реформатор, был избран для прочтения проповеди. Текст его наставления отсылал к шестнадцатой главе Евангелия от Луки, а именно строкам, гласившим, что «сыны века сего догадливей сынов света в своем роде» (Лк. 16:8). Латимер обратился к собравшимся с просьбой заглянуть глубоко в душу и спросить себя, какого результата они добились после многочисленных конвокаций. Одиозные вымыслы Рима так и не были изжиты, включая «канонизации и беатификации, дозволения и диспенсации, а также великое множество всевозможных индульгенций», равно как и «стародавнюю басню о чистилище, призванную очистить кошельки верующих». «Вы знаете поговорку, – сказал он им. – От худой курицы худые яйца». В конце своей проповеди он предостерег собрание словами: «Господь покарает вас. Он придет. Он не будет мешкать».

Реакция пятисот духовных делегатов неизвестна, однако две недели спустя они вручили королю петицию с жалобами на многочисленные богохульства и ереси, распустившиеся по всему королевству. Это был, по сути, плохо скрываемый выпад в сторону Латимера и других радикально настроенных священников. Их не устраивало, что таинство евхаристии описывалось как «карусель с передаванием кусочка хлеба». Священный елей, использовавшийся при помазании, окрестили «маслом епископа Римского». Богоматерь была лишь женщиной, «похожей на мешок с залежавшимся шафраном или перцем». Литургии и заутрени представляли собой не что иное, как «какофонию из рокотаний, подвываний и свистов, с ряженьем, фокусами и фиглярством». Это был негласный призыв королю остановить Реформацию. О веротерпимости не приходилось и говорить. Эта концепция упоминалась лишь изредка. Религиозные вопросы слишком масштабны и слишком важны, чтобы относиться к ним с осторожностью. С ложью необходимо было бороться всеми возможными способами.

В ответ Генрих с помощью Кранмера и других священнослужителей составил краткое изложение принципов веры, которым должен был следовать английский народ. В предисловии к Десяти статьям¹⁹ говорилось, что их цель заключается в достижении «единства и согласия во взглядах». На практике король стремился утвердить примат королевской власти и обусловить необходимость общего обновления церкви, не прибегая к лютеранской доктрине. По всей

¹⁹ Десять статей (The Ten Articles) – первый вариант систематизации норм англиканской церкви, созданный в 1536 г.

видимости, он разделял мнение реформаторов лишь в отношении трех церковных таинств – крещения, покаяния и причащения, не отрицая в то же время действенности оставшихся четырех²⁰. Концепция чистилища осуждалась как пагубный вымысел папы римского, однако священники заявляли, что «согласны с уместностью и целесообразностью молиться о душах умерших, как того требует давно устоявшийся обычай». Это был вопрос нахождения равновесия. Сохранилась черновая рукопись одной из страниц, на которой можно видеть небрежные записи реформатора Кранмера и консерватора Тунсталла, соперничавших за влияние.

Есть и другие примеры компромиссов или заступничества. Привычку преклонять колени и обожествлять лики святых сочли чрезмерным идолопоклонством. Впрочем, другие церковные обычаи и церемонии, такие как помазание пеплом в Пепельную среду²¹ и шествие с пальмовыми ветвями в Пальмовое воскресенье²², назвали «благими и достойными». Даже во время работы над статьями король вместе с новоизбранной королевой Джейн Сеймур принял участие в торжественной процессии в день праздника Тела и Крови Христовых, посвященного совершению причащения во время Божественной литургии. Вопрос реформы был поднят, однако никаких дальнейших шагов не последовало – и английская церковь по-прежнему во всех отношениях оставалась католической. Выше головы не прыгнешь. Процесс религиозных преобразований был прерывистым, спонтанным и таким же неопределенным, как прежде. По этой причине немецкий реформатор Меланхтон прозвал Десять статей «запутаннейшими сочинениями» (*confusissime compositi*).

Впрочем, ни о какой путанице в стремлении Генриха к достижению своей непосредственной цели говорить не приходилось. Поздней весной и ранним летом 1536 года мелкие монастыри перешли в ведение Томаса Кромвеля. Еще в самом начале года парламент принял закон о роспуске монастырей, и теперь представители королевской комиссии начали работу по их закрытию. На роспуск одного небольшого монастыря уходило шесть и более недель. С башен снимали колокола, а от крыш отдирали свинцовые листы; вся церковная утварь и драгоценности изымались, а имевшиеся запасы зерна шли на продажу. В период этих церковных расхищений две тысячи монахов и монахинь расстригли и отослали обратно в светский мир. Как складывалась их жизнь после этого – истории неизвестно.

Процесс этот, однако, не всегда проходил быстро и спокойно. Когда прихожане монастыря Святого Николая в графстве Эксетер решили, что хоры над алтарной перегородкой необходимо снести, толпа разъяренных женщин ворвалась в церковь, схватила прислужника и «стала забрасывать его камнями – так, что ради спасения жизни ему пришлось искать убежище в колокольной башне». Однако толпа ринулась за ним, и несчастный был вынужден выпрыгнуть из окна, из-за чего «едва было не свернул себе шею, но сломал одно ребро».

В конце сентября монахи из Хексема в графстве Нортумберленд пытались оказывать сопротивление посягательствам на их монастыри. Приехав в город, представители комиссии увидели «множество столпившихся на улице жителей с копьями, алебардами и другим оружием наготове, словно собравшись защищать осажденный город». По мере продвижения королевских посланцев к святой обители зазвонил городской колокол, а затем и большой монастырский колокол; жители закрывали двери своих домов и лавок, а на крыше и шпиле монастыря собралось несколько монахов с мечами, луками и стрелами. «Нас здесь двадцать братьев, – прокричал один каноник, – и мы все скорее погибнем, прежде чем вы пересечете порог этой обители!»

Помимо мечей и луков у них было и другое оружие. Архиепископ Йоркский умолял короля пощадить монахов Хексема и действительно получил наивысшее дозволение, скреп-

²⁰ Миропомазание, елеосвящение, священство и брак.

²¹ Пепельная среда (*Dies Cinerum*) – день начала Великого поста в католичестве, англиканстве и ряде лютеранских церквей.

²² Пальмовое воскресенье – Вход Господень в Иерусалим, отмечаемый в шестое воскресенье Великого поста, за неделю до Пасхи, и называемый в католичестве по характерной черте – держанию в руках пальмовых ветвей во время шествия вокруг или внутри храма. В северных странах могут использоваться вербные ветви. В русском православии – Вербное воскресенье.

ленное Большой печатью. Посланники, увидев это дозволение, отступили. На следующий день монахи парами вышли из своей обители и с оружием присоединились к жителям Хексема в «зеленом месте». Оттуда они наблюдали за посланниками, пока те «не скрылись из виду». Несмотря на это, наказание настигло мятежников позже. Король упомянул Хексем в письме к герцогу Норфолку, заявив, что монахов «следует связать [повесить] без дальнейшего промедления и формальностей».

Общепризнанное возмущение и разочарование лишь усугубилось с выходом в свет неких «предписаний». Опубликованные как итог вердиктов, изложенных в Десяти статьях, они запрещали упоминание чистилища и отменяли дни многих святых, которые прежде отмечались как религиозные праздники. В том же году Томас Кромвель приказал снести гробницу Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве. Это была очередная атака на «предрасудки», популяризируемые и рьяно оберегаемые монахами. Многим людям, а возможно, жителям Лондона в особенности, подобные вопросы представлялись маловажными. Однако более ревностные и консервативно настроенные верующие испытывали острое негодование, которое вскоре вылилось в открытое восстание.

9. Великое восстание

К весне и лету 1536 года королевство наполнилось слухами и толками. Один священник из городка Пенрит в графстве Камбрия отправился на самый юг, в Тьюксбери, где, сидя в местной пивной, заявил: «Нас обирают до нитки и хотят сломить, однако мы поднимемся с колен – сорок тысяч человек восстанет в один день». Возможно, слова и сорвались с хмельного языка, однако жители севера были особенно недовольны упразднением мелких монастырей, обеспечивавших продовольствием и помощью многие поколения в трудные времена.

Другой священник, из Эссекса, отправился собирать снопы пшеницы вместе с работником по имени Ламбелес Редун. «На севере созревает смута», – сказал священник и добавил, что он и еще десять тысяч других священнослужителей вскоре отправятся туда.

«В добрый час молвить, – мудро изрек работник, – в худой промолчать».

«Словам моим ты не внимай и о сказанном не заботься, ибо, прежде чем наступит Пасха, дни короля будут сочтены».

Ходили слухи, что все драгоценности и сосуды вынесли из приходских церквей и заменили жестяной или латунной утварью. Разграбление святынь в некотором отношении подтверждало людскую молву. Поговаривали, что приходские церкви должны были отстоять друг от друга по меньшей мере на восемь километров, а все, что ближе, подлежало сносу. Сообщалось, что за проведение крещения, похорон и бракосочетаний отныне взимался налог и что ни одному бедняку не будет дозволено есть белый хлеб и мясо гуся без дани королю. Эдуард Брок, «убогий старик», заявил, что, пока король сидит на троне, ненастьям и непогоде не будет конца-краю.

Падение Анны Болейн, как считалось, предсказал еще Мерлин. Народ внимательно изучал другие знаки и предзнаменования. Среди монастырей прошел слух, что «прекрасная роза будет растоптана в чреве его матери», означая, что Генрих будет убит священниками, поскольку угнетаемая им церковь и есть его мать. Язык этих пророчеств отражал язык народа, ополчившегося против риторики королевских прокламаций.

Предвестники бунта появились тем же летом. Священника из Виндзора, проповедовавшего о народном восстании, вздернули на виселице. Пятьдесят или шестьдесят мужчин и женщин подняли мятеж в городке Тонтон – двенадцать приговорили к смерти и отправили на казнь в разные места в качестве предупреждения. Ни одному священнику или монаху в возрасте от шестнадцати до шестидесяти лет не разрешалось носить оружие, за исключением ножа для мяса.

Первое масштабное восстание разразилось в начале октября 1536 года, после того как три комиссии королевских советников прибыли в Линкольншир с различными целями. Первой было поручено упразднение небольших монастырей, две другие занимались сбором налогов и допросами священнослужителей. Это вторжение из Лондона переполнило чашу терпения народа. В торговом городке Лут собралась процессия из местных жителей, несущих перед собой три серебряных креста, и церковный певчий Томас Фостер прокричал: «Граждане, прошествуем же за крестами в этот день: одному Богу известно, суждено ли нам когда-либо повторить сей путь». Народ боялся конфискации имущества, и в тот вечер группа вооруженных деревенских жителей прибыла к приходской церкви, чтобы защищать ее богатства.

Новости о «беспокойствах» в Луте вскоре распространились, и отряды вооруженных мужчин под предводительством некоего капитана Коблера начали разъезжать по стране, чтобы помешать или остановить работу королевских комиссий; звон городских колоколов многочисленных приходов созывал людей. Бунтовщики требовали, чтобы король «прекратил собирать дань с простого народа, пока живет и правит, и остановил роспуск монастырей»; они призывали сдать им Томаса Кромвеля и других «епископов-еретиков», чтобы те понесли заслужен-

ное наказание. Викарий Лута добавил, что народ потрясен «упразднением церковных праздников... и упразднением святых обителей», равно как и «новыми ошибочными суждениями по поводу Девы Марии и чистилища». Религия была средоточием их протеста.

Протестующие заручились поддержкой джентльменов²³ и отвели им, добровольно или вынужденно, руководящую роль, чтобы придать восстанию более законную форму. Несмотря на это, когда толпа сдернула с лошади и убила канцлера Линкольна, науськиваемая криками священников «Смерть ему! Смерть ему!», дело приняло куда более серьезный оборот. Поступил сигнал к всеобщему вооружению, и вдоль южного берега Хамбера сторожевые зажгли маяки. Народ Йоркшира увидел эти огни и догадался об их значении. Большая армия из десяти тысяч человек, отрядами прибывших из различных уголков Линкольншира, собралась на Хэмблтон-Хилл. Она набирала силу, и сообщалось, что двадцать тысяч повстанцев пошли в наступление на сам Линкольн.

При дворе, разумеется, знали об этих событиях, и Генрих, призвав герцога Норфолка, поручил ему возглавить войско для борьбы с мятежниками. Шаткость положения была такова, что король забрал к себе в Уайтхолл двух дочерей, Марию и Елизавету, и приказал стянуть подкрепления к лондонскому Тауэру. Существовала вероятность, что вся страна может ополчиться против него. Неужели он просчитался в своей религиозной политике? Стивен Гардинер, тогдашний епископ Винчестерский, впоследствии вспоминал, что «когда во время правления Генриха VIII на севере разгорелись волнения, король, несомненно, был намерен вернуть право верховной власти папе римскому, однако время для этого еще не пришло». До слуха Кромвеля и монарха доходили разные толки. Подмастерья уходили от своих мастеров. Города стояли без защиты. Землевладельцы восставали против своих господ. Около сорока тысяч человек примкнули к наступающим. Король собрал вокруг себя пятнадцать советников.

Когда бунтовщики прибыли в Линкольн, джентльмены размещались в соборе неподалеку; здание капитула стало местом их собраний. К этому времени слуги Генриха мобилизовали множество всадников, а в Ноттингем, Хантингдон и Стамфорд стянулись отряды королевских войск. Мятежники намеревались затеять битву и требовали, чтобы джентльмены возглавили ополчение. Этим ознаменовалось начало гражданской войны, религиозной войны, которая могла полностью уничтожить страну. Сообщалось, что «все джентльмены и честные йомены королевства устали от такого положения дел и сочувствуют народу, однако не осмеливаются высказать свое мнение в страхе за жизнь». В каком-то смысле простолюдины держали их теперь в заложниках.

Они отправили послание королю с просьбой о помиловании, после чего вышли из собора и отправились к раскинувшимся за городом полям, где их ожидал народ; они сообщили присутствующим, что не пойдут с ними дальше, а останутся ждать ответа от короля. Мятежники, ошеломленные этой новостью, стали опасаться полного краха своих планов. Многие разошлись по своим деревням – по свидетельствам, почти половина всего ополчения покинула Линкольн. В город прибыл королевский глашатай с требованием сдаться, и, перед лицом королевской власти, бунтари разбрелись в разные стороны. Ответ Генриха на петицию народа звучал демонстративно дерзко. «Какое нахальство слышать от вас, неотесанных простолюдинов одного графства, – написал он в запальчивости, отбросив всю дипломатичность, – одних из самых отъявленных варваров и каналий в королевстве... роптания на вашего Государя?» Большой части мятежников было даровано помилование, и лишь нескольких местных главарей вздернули на виселице. Аббатов Киркстеда и Барлингса казнили за участие в разжигании волнений. Бунт продлился две недели.

²³ Джентльмены – представители низшего ранга английского нетитулованного дворянства (джентри), занимавшие промежуточное положение между эсквайром и йоменом. – *Прим. пер.*

Впрочем, потухший мятеж в Линкольншире стал лишь прелюдией к куда более масштабным и опасным брожениям в других уголках страны. «Беда сия по-прежнему тяготеет над нами, словно лихорадка, – писал один из королевских служащих Кромвелю, – один день все хорошо, другой день все плохо». Народ Йоркшира видел зажженные маяки по ту сторону Хамбера и с энтузиазмом поднял повстанческие знамена. «Не случись восстания в Линкольншире, – говорил впоследствии Кромвелю один из членов королевской комиссии, – не восстал бы и народ на севере». Мятеж на востоке Йоркшира стал, по сути, перемещением зародившегося восстания на север, однако в этот раз он проходил более организованно. Монастыри играли важную роль в жизни йоркширцев, и упразднение небольших обителей вызвало всенародное осуждение.

Восстание под номинальным предводительством дворянина Роберта Аска началось со звоном колоколов в Беверли; манифест призывал всех дать клятву верности Богу, королю, народу и святой церкви. Епископы и аристократы, разумеется, не упоминались, поскольку, согласно широко распространенному мнению, своими «нечестивыми внушениями» они сбили монарха с пути истинного. Король, простой народ и церковь – вот краеугольный камень, на котором, как считалось, зиждется Англия. Так или иначе, ничто не могло навредить Генриху; это расценивалось бы как измена.

В народе восстание получило известность как Благодатное паломничество. Его символом стала эмблема или знамя с изображением пяти святых ран Иисуса Христа, полученных во время распятия. Это вполне может служить доказательством того, что мятежники в своем большинстве устроили религиозный протест. Их требования включали возвращение «прежней веры» и возрождение монастырей; любопытно, что еще одним требованием стало «вновь признать принцессу Марию законнорожденной дочерью и аннулировать прежний правовой акт [о ее незаконнорожденности]». Марию, таким образом, воспринимали как неофициального представителя ортодоксального католического движения.

Услышав раздавшийся в обратном порядке перезвон колоколов в Беверли, жители собрались на полях и под руководством Аска условились встретиться в Вествуд-Грин в полном вооружении; все графство поднялось на призыв, и Аск опубликовал декларацию, обязывающую «всякого человека хранить верность потомству короля и благородству крови и охранять Божью церковь от расхищений». Лорда Томаса Дарси, королевского распорядителя в Йоркшире, уведомили о неких «умалишенных», подстрекавших к восстанию в Нортумберленде, Денте, Седберге и Уэнслидейле; он тотчас поехал в замок Понтефракт, а сына отправил к королевскому двору в Уайтхолл. Восстаниями на севере Йоркшира и в графстве Дарем руководил Капитан Нужда – скорее некая идея, чем конкретное лицо. Представляется, что население этих регионов, а с ними и жителей Камберленда и Уэстморленда сельскохозяйственные и экономические вопросы заботили не меньше, чем религиозные. В Камберленде четыре «капитана» – Вера, Нужда, Жалость и Сострадание – прошествовали торжественной процессией вокруг церкви в Бурге, после чего приняли участие в Божественной литургии.

К середине октября паломники Роберта Аска намеревались начать наступление на Йорк. Других ополченцев стянули для осады Халла, торгового конкурента Беверли, который в скором времени пал без сопротивления. Дарси отправил Генриху послание с просьбой выслать деньги и оружие, чтобы спасти королевские сокровища в Йорке. 15 октября Аск вместе с ополчением в двадцать тысяч человек подступил к городской заставе и издал прокламацию, в которой заявлял, что враждебные королю злоумышленники стоят за всеми нововведениями, «противоречащими святой вере», и намереваются «осквернить и разграбить дочиста все государство». Это была аллюзия на ликвидацию малых монастырей и опасения за судьбу приходских церквей; однако в ней содержалась отсылка к налоговому бремени, лежащему на плечах народа.

Мэр Йорка открыл городские ворота и впустил Аска с его людьми. Первоочередным требованием было наведение порядка, в связи с чем власти издали указ, обязывавший всех

мятежников или «паломников» платить два пенса за каждую трапезу. С собой Аск принес петицию, которую собирался отправить королю. В ней перечислялись все прежние жалобы и недовольства, и в первую очередь – «упразднение столь огромного числа святых обителей». Они сопровождалась критикой Томаса Кромвеля и многих епископов, «кто подрывал веру в Иисуса Христа». На двери Йоркского собора Аск повесил приказ «всем верующим вернуться в свои обители». В городах и на их окраинах располагалось множество небольших монастырей. Жители, освещая путь факелами, с ликованием и торжеством сопровождали монахов к их прежним жилищам. Той же ночью во всех новообретенных обителях, «несмотря на позднее время, отслужили заутреню».

Неудача линкольнширцев стала большим разочарованием для йоркширских мятежников, но теперь они действовали куда более дисциплинированно и целенаправленно. Они заручились – в добровольном или принудительном порядке – поддержкой местных джентри, которых обязали дать клятву, что они «присоединяются к нашему благодатному паломничеству ради народа лишь только во имя всемогущего Бога, веры и воинствующей святой церкви и служения им, оберегания короля и его потомков, религиозного очищения аристократов и изгнания всех сквернавцев и злоумышленников». Разгон всех «сквернавцев» являлся еще одним признаком народного беспокойства; считалось, что основы традиционного общественного уклада, со всеми его титулами и сановностью, находились под угрозой полного краха. Как джентри, так и простой народ были в равной степени консервативны. Аск и его сторонники, по всей видимости, искренне полагали, что действуют от лица короля и что в конечном итоге он воздаст должное всем их усилиям.

Аск пошел в наступление на замок Понтефракт с немногочисленным отрядом из трехсот человек. Он отправил письмо собравшимся в нем вельможам с требованием сдаться. В противном случае им грозила атака. Аск прекрасно знал, что тысячи его соратников уже спешат для подкрепления. Лорд Томас Дарси решил устроить переговоры и пригласил Аска в зал для торжественных церемоний, где он мог обсудить жалобы паломников с архиепископом Йоркским и другими лицами. Аск взял слово перед этими титулованными сановниками и объяснил им, что «духовные лорды не выполнили свой долг». Двумя днями позже Дарси капитулировал и сдал замок. Генрих, равно как и другие, считал, что он не справился со своими обязанностями.

К тому времени бунт разросся далеко за пределы Йоркшира, охватив Камберленд, Уэстморленд, Дарем и Нортгумберленд. Точнее сказать, существующие волнения и подозрительность еще больше обострились на фоне событий, развернувшихся на востоке Йоркшира. Бервик и Ньюкасл, а вместе с ними королевские замки в Скиптоне и Скарборо требовали от короля выполнения требований. Никакой всеобщей кампании не последовало, имели место лишь отдельные стычки; множество людей были мобилизованы, в то время как перспективы оставались весьма туманными.

Королевского глашатая, прибывшего в замок Понтефракт, сопровождали к Роберту Аску; герольд отметил, что «выражением лица и манерой держать себя он походил на благородного принца». Ему вручили прокламацию короля, однако, по всей видимости, она представляла собой лишь набор высокопарных слов. Вскоре подоспел рапорт, гласивший, что королевская армия под предводительством графа Шрусбери собралась всего в 19 километрах к югу от Донкастера; солдаты разбили лагерь в 40 километрах от замка Понтефракт. Было решено, что Аск и его войско двинутся вниз к Дону и встанут у них на пути. Высказывалось мнение, что во всех битвах народ должно сопровождать священное знамя святого Кутберта, небесного покровителя северных регионов Англии. В Понтефракте к Аску присоединились другие отряды вооруженных ополченцев, и теперь вся местность находилась в боевой готовности.

К приблизившимся к Донкастеру мятежникам отправили королевского глашатая с сообщением от графа Шрусбери. В нем он настаивал, что гражданскую войну необходимо предотвратить, и предлагал «четверым самым благоразумным мужам севера» прийти в Донкастер и

объяснить собравшимся вельможам причины своего восстания. За этим приглашением последовали разгоряченные споры между Аском и его соратниками. Если они проиграют битву с королевским войском, их дело обречено на неминуемый крах. Если они выиграют, это всколыхнет религиозную войну, самые ожесточенные действия которой развернутся на юге. Тем не менее ничего лучше этой возможности они не имели. Немногочисленную королевскую армию можно было легко разбить, тем самым открывая себе путь в Лондон. Мятежники не знали, что среди отрядов Генриха царила смута, и не имели точного представления о военной мощи или положении своего врага. Не будучи Наполеоном или Кромвелем, Аск сомневался – и выбрал более безопасный вариант. Вельможи и бунтовщики встретятся в назначенном месте.

Отряды йоркширцев и даремцев двинулись на Донкастер, сопровождаемые идущими вдоль веренищ священниками и монахами, которые напутствовали бойцов воодушевляющими речами и молитвами; они несли перед собой знамя Кутберта и пели походную песню:

Всесправедливый Бог
Отпустит воздаяние свое
И поработенным
Дарует вновь свободу...²⁴

Они выбрали четырех делегатов, проследовавших в королевский лагерь, где к Шрусбери присоединились герцог Норфолк и другие знатные сановники. Делегаты озвучили свои жалобы, включая возвращение к старой вере и сохранение прежних свобод церкви, которые записал Норфолк. Решили, что совет из примерно тридцати человек с каждой стороны соберется на Донкастерском мосту и обсудит все эти вопросы. Подробности их дискуссии неизвестны, однако Норфолк, возможно, доверительно сообщил, что встал на сторону мятежников в области религиозных вопросов; он, как известно, придерживался строгих ортодоксальных взглядов, будучи приверженцем старой католической веры.

Стороны заключили перемирие, согласно которому паломники обязались разойтись, при условии, что их жалобы будут донесены до сведения короля. Генрих неистовствовал, что Норфолк пошел на уступки тем, кого он считал злостными смутьянами; он хотел, чтобы королевская армия сокрушила их в прах. Впрочем, преимущество сейчас было на его стороне. Шансы, что паломники наберут былую мощь, практически равнялись нулю. Теперь он обладал неоспоримым козырем – временем, способным взять измором любое сопротивление. Аск и его сторонники по-прежнему верили, что король благосклонно примет их предложения; стоит лишь злосоветникам Томасу Кромвелю и архиепископу Кранмеру уйти со сцены – и король зреет.

2 ноября всем мятежникам с севера Донкастера объявили всеобщую амнистию – за исключением Роберта Аска и девяти других зачинщиков бунта. В проповеди, произнесенной с кафедры Креста Святого Павла в предыдущее воскресенье, Хью Латимер говорил о тех, кто нес «святой Крест и Раны, возглавляя и замыкая процессию», чтобы «ввести бедный невежественный народ в заблуждение и сподвигнуть на борьбу против короля, церкви и всего королевства».

Когда Норфолк и другие переговорщики предстали перед монархом в Виндзоре, поначалу Генрих обрушился на них с гневными обвинениями за пощадку предателей; впрочем, по прошествии времени он успокоился и принялся писать ответы на жалобы паломников. «Первоначально, – писал он, – сколь бы трогательно ни звучали призывы к сохранению веры, условия их настолько расплывчаты, что их выполнение не представляется возможным». Генрих тем не менее воспользовался этой расплывчатостью формулировок, чтобы заявить, что он больше,

²⁴ God that rights all / Redress now shall / And what is thrall / Again make free...

нежели любой другой король, был привержен сохранению чистоты веры. Он бросил им вызов, дав понять, что на попятную не пойдет. «Сего ради, – предупредил их он, – памятуйте впредь об обязанностях подданных перед своим королем и сувереном и не вмешивайтесь более в дела, которые вас не касаются». Поразмыслив один день, однако, король решил, что разумнее всего занять выжидательную позицию, нежели открыто выступить против йоркширцев. Среди мятежников по-прежнему царил воинственный настрой, и «дикари» с севера были готовы в любую минуту примкнуть к их рядам.

Генрих отправил послание лорду Дарси, подговаривая его путем какой-либо хитрости похитить или убить Аска; Дарси ответил отказом, заявив, что «предательство или коварство по отношению к кому бы то ни было» противоречит его принципам чести. Этот дерзкий ответ сослужил ему медвежью услугу. Некоторые полагали, что Дарси, чья верность и без того вызывала серьезные подозрения, встал на сторону приверженцев старой веры. Утверждали, что он якобы слишком легко сдал врагу замок Понтефракт. Король заподозрил, что многие представители северного дворянства тайно пособничали восстанию, и соответствующая реакция не заставила себя долго ждать. По сообщениям двух свидетелей, Дарси, услышав новости о линкольнширском мятеже, заявил: «А, значит, народ восстал в Линкольншире. Бог в помощь. Жаль, что они не затеяли это тремя годами раньше – мир был бы гораздо лучше, чем он есть сейчас». Его час расплаты был уже не за горами.

Из северных графств по-прежнему доносились слухи о народных волнениях и сходках. Еще большую тревогу, с точки зрения королевского двора, вызывали новости о том, что копии петиции паломников распространились по всему Лондону. Аск и его соратники встречались в Йорке и Понтефракте. Генрих отдал приказ Норфолку вернуться на север и потребовать незамедлительного подчинения мятежников. Ответ герцога, что подобный благоприятный исход противостояния невозможен, привел короля в ярость. Его гнев был направлен как на самого Норфолка, так и на бунтовщиков. Он считал, что герцог проявил слабость и нерешительность, и даже стал подозревать его в пособничестве жителям севера. Несмотря на все это, он ясно осознавал сохранявшуюся угрозу. Генрих пообещал полное помилование и даже собрание парламента в Йорке для обсуждения требований противников; он тянул время, тайно готовя войско, чтобы сокрушить их на поле битвы.

Норфолк провел еще одну встречу с Аском и его союзниками. Он согласился, что король попал под дурное влияние Кромвеля и той ведьмы, Болейн; Благодатное паломничество открыло ему глаза на их бесчестные интриги; впрочем, монарх не был намерен санкционировать петиции, навязываемые силой. Если паломники разойдутся с миром, он благосклонно рассмотрит их требования. В отношении роспуска монастырей Норфолк заявил, что они будут восстановлены до следующего созыва парламента, на котором решится их окончательная судьба. По правде говоря, это была очередная ложь, хотя Генрих и без того уже дал понять, что способен наобещать что угодно. Мятежникам объявили всеобщую амнистию. Этого было достаточно. Аск отправился в Понтефракт и убедил собравшихся в том, что они достигли своих целей. Он сорвал с себя эмблему Пяти Ран и заявил, что слагает с себя полномочия капитана восставших. Восстание подошло к концу.

Впрочем, обман и притворство по-прежнему оставались распространенной тактикой тех дней. В пятницу 15 декабря король передал Роберту Аску послание с одним из слуг личных покоев его величества. В нем он сообщал, что очень желает встретиться с предводителем мятежников, которому давеча даровал помилование, и открыто обсудить причину и обстоятельства восстания. Возможность реабилитировать свою репутацию показалась Аску весьма привлекательной. Как только Аска представили королю, тот встал и заключил его в свои объятия. «Добро пожаловать, мой дорогой Аск; я хочу, чтобы ты огласил свое желание перед лицом моего совета, и я исполню его».

– Милостивый государь, ваше величество позволяет тирану по имени Кромвель руководить вашими действиями. Всем доподлинно известно, что если бы не он, то семь тысяч священников, пополнивших ряды моего войска, не превратились бы в обездоленных скитальцев, коими стали.

Король даровал мятежнику накидку из алого атласа с королевского плеча и попросил подготовить историю событий последних месяцев. Возможно, Аску могло показаться, что король мысленно разделяет его позицию по важнейшим религиозным вопросам. Однако Генрих обвел его вокруг пальца. У него не было ни малейшего намерения остановить или обратить вспять процесс упразднения монастырей; он не собирался отменять никаких действующих религиозных законов; и уж тем более в его замыслы не входил созыв парламента в Йорке. Тем не менее Аск мог оказаться ему полезным. До совета доходили слухи о растущих беспорядках на севере; король обратился к Аску с просьбой помочь подавить волнения и тем самым засвидетельствовать свою новообретенную верность. У Генриха в самом деле были основания для беспокойства. Он получил сообщения о новых восстаниях в Нортумберленде. На дверях церквей висели манифесты. «Жители Нортумберленда, не сдавайте позиции. Не доверяйте дворянам. Восстаньте всем народом. Бог будет вашим господином, а я – вашим капитаном».

Один из этих капитанов возглавил восстание. Сэр Фрэнсис Бигод происходил из благородного северного рода, чей замок располагался в пяти километрах к северу от Уитби. Однако помимо этого он был ученым, доведенным до крайней нищеты, и утверждал, что его «научные изыскания снискали зависть и подозрения». Непосредственный свидетель событий «паломничества», он не верил обещаниям короля. Бигод, которого, возможно, лучше всего охарактеризовать как консервативного лолларда, испытывал особенную неприязнь к монастырской системе; однако он боялся за судьбу северных земель и стремился защитить их. Возможно, что дух воинственности был у него в крови; его предки ранее боролись против Генриха I и Эдуарда III.

Бигод обратился к толпе с речью о недовольстве и жалобах жителей севера, многие из которых откликнулись на его слова призывом «Сейчас или никогда!». Было решено, что мятежники возьмут под контроль Халл и Скарборо и будут удерживать их до тех пор, пока король не соберет парламент в Йорке, однако в обоих местах последователей Бигода ждал решительный отпор. Томас Кромвель отправил на север наблюдателя, который в ответном послании сообщил: «Уверяю Вашу светлость, что настроение народа переменчиво, словно погода, – я полагаю, что жители теряются в догадках и весьма озадачены; ибо они стремятся, и ищут, и жаждут чего-то, а чего – не знают сами».

Эта запоздалая волна восстаний не смогла достичь своей цели. Местные джентри, желавшие доказать свою верность королю, мобилизовали своих сторонников. Герцог Норфолк собрал войско в четыре тысячи человек, большинство из которых не так давно сражались на стороне Роберта Аска, а теперь стремились искупить свои прежние грехи. Они настигали мятежников, заманивали в засаду и чинили расправу. Один из отрядов предпринял попытку нападения на Карлайл, однако потерпел поражение и попал в плен. Норфолк обнародовал прокламацию, в которой приказывал всем бунтовщикам добровольно прийти в Карлайл и сдаться на милость короля. Так, «жалкие презренные существа», как их называли, один за другим заявляли: «Я сдаюсь из-за страха за свою жизнь»; «Я сдаюсь из-за страха потерять все свое имущество»; «Я сдаюсь из-за страха, что мой дом сожгут и погибнут мои жена и дети».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.